ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ-3

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тут никто не навязывает тебе определенную роль, определенную расу и класс персонажа. Это не игра. Ты живешь в реальном мире. Но тут есть элементы компьютерной игры, причем отказаться «выйти» из игры ты можешь лишь одним способом – умереть. Это безумный реальный мир, где ты «рождаешься» уже взрослым и при этом тебе не принадлежит ничего – даже частям своего тела ты не хозяин. При этом у тебя все же остается определенная свобода выбора и действий. Тут уже все будет зависеть от твоего характера и устремлений – насколько обеспеченным ты станешь, насколько здоровым и снаряженным, будешь гнить в грязи изуродованным червем или же по утрам станешь неспешно пить кофе в домашней обстановке. Но чтобы ты ни делал – ты останешься добровольно низшим, и выше этого статуса тебе не подняться.

- Дем Михайлов
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая

Дем Михайлов
Низший 3

Глава первая

Текущее время: 20:32

Гнойка – лучший торговый перекресток Дренажтауна.

Это не я сказал. Это зазывала гундосый заунывно заявил, а висящая над входом в крытый прозрачным пластиком перекресток надпись подтверждала.

Вход необычный – обрамлен двумя срывающимися с потолка водопадиками и четырьмя спускающимися с неба трубами снабженными досмотровыми прозрачными участками в два метра длиной. Трубы не пусты – в них сплошные нисходящие белесые потоки с частыми черными вкраплениями. Иногда мелькает что-то крупное и бесформенное. К одной из труб прислонился лысый старичок с изъеденной бугристой лысиной. Он прижался лбом к прозрачной трубе и не сводит глаз с белесого потока. Порой он вытягивает язык, жадно проводя им по прозрачному материалу. Старичку никто не мешает. Всем на него плевать. Да и как к нему подступиться – его окатывает смрадной водой левого водопада. Пусть и дальше облизывает трубу – не пролижет же насквозь?

– Вперед – подтолкнул я Баска.

Зомби ткнулся в спину гоблинши, та толкнула орка Рэка и группа пришла в движение, ввалившись в Гнойку – лучший торговый перекресток Дренажтауна. На нас никто не обратил внимания – вокруг десятки таких же как мы гостей сего мрачного вонючего города.

– Дождевики отряхиваем! Отряхиваем! Ногами топаем, ублюдки! – в голосе опирающейся на швабру огромной тетки звучит хроническая агрессия – Топаем ногами по решетке! Эй, сукки! Плащи трясем! Тебя это тоже касается, давалка подсвеченная! Стучи копытами!

– Пошла ты, уродина! – оттопыренный средний палец едва не уткнулся в оплывшее лицо уборщицы.

Дернув за липучки, девушки стряхнула с себя дождевик, оставшись в коротеньком топике, крохотной миниюбке и серебристой цепочке в волосах, обвивающей шею, проходящей меж грудей под топиком и обвивая талию.

– Лопнуть и сдохнуть – пробормотала Йорка, хватая меня за рукав и дергая – У нее и правда подсвеченная…

Рэк хрюкнул, поднял очки на лоб, провожая уходящую красотку долгим взглядом. Баск недоумевающе прислушивался, надеясь на объяснения. Я тихо хмыкнул, понимая удивление гоблинши и волнение орка – из-под миниюбки исходило золотое сияние. Исходило прямо от упомянутого злобной привратницей

органа. Как удивительна здешняя мода… летите на свет, мотыльки… летите на свет…

– Чтобы тебя сорок немытых орков-трубочистов разом поимела, сукка долбанная! – выплюнула баба со шваброй и смачно сплюнула вслед красотке.

– Приятное здесь место – с улыбкой заметил я, отряхивая дождевик и старательно топая копытами – Эй, женщина со шваброй. Торгматы тут где?

– Иди и сдохни, окраинный! Чтоб тебя.

– Заткнись уже, Хатта! – подошедший детина отвесила бабе смачную оплеуху пришедшуюся по носу.

Зажав нос, та плюхнулась на задницу и захныкала. Со стуком упала швабра.

– Торгматы направо – с неумелой улыбкой пояснил детина.

– Ага – кивнул я и мы двинулись дальше.

Сверху дул ровный поток теплого сухого воздуха, просушивая посетителей и заодно изгоняя вонь из крытого перекрестка. Над потолком были установлены направленные вниз разноцветные лампы, отчего растекающаяся по прозрачному подсвеченная вода превращалась в красивые мерцающие круги и ручьи, стремительно разбегающиеся и меняющие окраску. По полу ползали цветные зайчики.

Я познал новый смысл выражение «из дерьма – конфетку». Включи цветной фонарик, и льющая с небес моча перестанет тебя печалить, гоблин. Утри харю и возрадуйся красоте иллюминации…

А черт…

Я на мгновение приостановился перед первым увиденным мною предупреждением, нарисованным в том же сексуальном притягательном стиле. Полногрудая брюнетка в чересчур расстегнутом обтягивающем халатике утирала губы влажной салфеткой. В другой руке пустая обертка от салфетки, видны первые буквы названия «Дезинф…». А под предупреждением-картиной бежит надпись «Не облизывай губы. Используй салфетку». Какая трогательная забота о жителях…

– Не буду – пообещал я и тут же возникло почти непреодолимое желание облизнуть губы.

Сдержаться сумел. А вот стоящий перед красочным предупреждением пьяный щуплый мужичонка себя не сдерживал. Покачиваясь, он часто облизывал губы, постанывал и смело давал волю спрятанной в шортах шаловливой ручонке. Но счастье длилось недолго – устало выругавшись, давешний парень, которого так и хотелось величать «коридорным», отвесил смачный подзатыльник, и щуплый шалун врезался лбом в

стальную грудь нарисованной красотки. Охнул, ахнул, мелко содрогнулся, отлип от стены и, вытирая ладонь о грязную футболку куда-то побрел. Скривившаяся Йорка что-то прошипела. Я не услышал, а вот щуплый что-то уловил и повернулся. Перекосил странным образом челюсть, гротескно наклонил голову, кривя губы заголосил:

– Это кто тут долбанный дрочи… хек!

Не сказав ни слова Рэк врезал ему основанием ладони в лоб и мужичка отшвырнуло. Повторять не пришлось – чудом устояв на ногах, схватившись за хрустнувшую шею, он поковылял к выходу. Мы же двинулись в другую сторону и через минуту оказались в центре Гнойки.

Тут все напоминало миниатюрную кляксу. То же упорядоченное скопление столиков, вздутый синеватый купол со звездами светильников, большая неподвижная и мелкая мобильная полусферы наблюдения. Здесь в разы больше ползающих по полу разноцветных зайчиков и… сначала я подумал, что мне почудилось, но увидел изумленное лицо чуткого Баска и понял – звучит музыка. Что-то инструментально позитивное. Удивительно хорошо сочетаясь с вибрирующими гитарными струнами в воздухе дрожит запах жареного мяса. Нет, не жареного, а *жарящегося* вот прямо сейчас, почти воочию увидел шкворчащий в сковороде жир и подрумяненный кусок мяса.

Уловивший мой порыв Рэк свернул налево, мы последовали за ним. Задерживаться в центре особого смысла не было – ни одного свободного столика. Ни одного свободного местечка на лавке. Все забито до отказа, многие сидят на перевернутых пластиковых и стальных ящиков.

А вот и еще городские модники – мимо нас прошло два улыбчивых подтянутых парня из одежды имеющих только шорты и кеды на самодельной высокой подсвеченной подошве. Вальяжная виляющая походка, с проколотых сосков свисают спирали цветных проводов, в волосах горят разноцветные крохотные фонарики, у каждого от правого глаза начинается вертикальная полоска мелких татуировок. У одного увидел фигурку ушастого гоблина, потом орка, снова гоблина, а затем одна за другим последовали тщательно выполненные рисунки совокупления. Сколько разных поз, какая фантазия… Линия татушек тянулась до резинки розовых шорт и уходила под нее. Боевая же биография у парня, если верить нарисованному. Или это каталог? Клиент ткнул пальцем и сразу ясны его предпочтения, можно назначать цену.

Прошедший мимо инкубов – а это наверняка те самые новые

мифические расы – Рэк глухо заворчал, передернул плечами. Я сделал себе мысленную отметку – не слишком терпимо относится к виляющим задом парням в розовых шортиках. Или я ошибаюсь, и он не любит пробитые соски и провода в них?

Суккубов с подсветкой уже видели, на инкубов потаращились, настенными картинами насладились. Считай получили настоящую экскурсию по красотам Дренажтауна.

Широкий коридор привел к сквозному овальному помещению уставленному торгспотами. Одного взгляда было достаточно, чтобы сориентироваться.

Четыре цветовые зоны.

Синяя – оружие и боевая экипировка. Там же стоят автоматы дополнительного снабжения.

Зеленая – еда, вода, таблетки.

Желтая – одежда и обувь. Присутствуют стильно выполненные торгспоты с большими витринами, где медленно крутятся «хиты сезона» – розовые и красные дождевики, какие-то платьица, мужские длинные шорты… Йорка тут же сделала стойку и медленно поплыла на желтый свет.

Красная – пять закрытых дверей ведущих в медблоки.

– Медблоки! – отмерла Йорка и ткнула Баска в плечо – Готовься, зомби!

– Погодите – остановил я их – Туда гляньте.

«Туда» – на выход из Гнойки. Коридор сужался к самому выходу и на его стенах и даже на полу имелось по большой и явно сделанной через трафарет красной надписи.

«Небесная роса? Нет! Эльфы ссут тебе в рожу! Очнись!».

Несколько гоблинов старательно скребли стену ножами, терли губками. Над ними висела крохотная полусфера наблюдения, недовольно мигающая желтыми лампами. Еще свежая краска быстро исчезала, стальные стены возвращали себе холодный блеск чистоты.

– Кто-то чем-то недоволен – глубокомысленно заметил я и велел – Йорка – вали к одежную зону, пока слюной не захлебнулась. Баск и Рэк – в медблоки. Тупых вопросов системе не задавайте сразу в лоб. Для начала закажите полную диагностику. Хм… Йорка, я передумал – давай тоже в медблок. Диагностика. Меня найдете в оружейной зоне. Двинулись.

Рэк пришел в движение немедленно. Баск чуть промедлил, Йорке пришлось толкнуть его в спину. Зомби боялся услышать ужасный вердикт – остаться тебе слепым навеки. Зомби боялся затушить огонек тлеющей надежды…

Отправив группу, проследил, как они разошлись под медблокам и только затем двинулся к призывно мерцающему

узкому и высокому торгспоту с ярко освещенной витриной. Внутри всего один образчик товара – стандартно выглядящий игстрел. Не удержавшись, ласково провел пальцами по холодному стеклу витрины. Наконец-то…

– Триста солов можно потратить на кое-что куда интересней – ко мне подступила накрашенная бабулька с обтягивающей одежде отменно подчеркивающей каждый недостаток дряблого тела – Милый…

– Свали – сказал я и прикоснулся пальцем к сенсору торгового автомата – Не порти такой момент…

– Извращенец! – сплюнула пожилая сукка и удалилась.

Баланс: 1020.

Мягко щелкнуло, солидно клацнуло, с дорогим шелестом стекло отошло в сторону, свет внутри стал ярче. Сомкнув пальцы на цевье, вытащил игстрел, и витрина закрылась, прокрутилась и выставила на продажу новый образец. Отойдя в сторону – вдруг наплыв покупателей, жаждущих стрелкового оружия? – забился в угол и внимательно осмотрел игстрел.

Ну да… первое впечатление оказалось верным – стреляющая дощечка.

Тонкий плоский корпус, в передней части узкое отверстие и никакого дула. Серый невзрачный цвет. Сверху желтый прямоугольник, прикрывающий собой приемное отверстие для картриджа. Рукоять с ужасной эргономикой и слишком маленькой незаметной кнопкой спуска, прикрытой сейчас предохранителем – откидывающимся вниз прозрачным кусочком пластика. В приклад вмонтирована тоненькая полоска пластика, под ней линия из пяти светящихся диодов – два зеленых, два желтых, один красный. Сейчас горят все. Полный заряд. Имеются два крепления для ремня, его же самого в наличии нет.

– Эй, мужик с игстрелом! Поздравляю с покупкой! Отметь! – проходящий мимо улыбающийся мужик тащил на шее большую пластиковую табличку с нарисованной бутылкой самогона и куском мяса – Заходи в Радугу Копулы!

Коротко кивнул в знак того, что услышал. Прислонился плечом к следующему торгспоту, оглядел товар, быстро выбрал нужное. Три картриджа, широкий черный ремень. Услышав знакомое гудение, поднял голову и увидел повисшую над головой небольшую полусферу. Чуть повисев, так уехала дальше. Мне почудилось, что уехала с разочарованием – ведь сегодняшний день у нас изобиловал заданиями и система, наверное, просто постеснялась дать что-то рутинное. Есть все же некие нормы, которыми она руководствует.

Картридж с мягким щелчком утопился в щель. Послышался

короткий едва слышный писк, диоды на прикладе стали ярче, сильней засветилась кнопка спуска. Игстрел заряжен и готов к использованию.

Ладно…

Теперь достать…

Картридж ушел внутрь на три четвертых, уцепиться трудновато. Но я все сумел сжать магазин кончиками пальцев. Попытался вытянуть. Картридж сидел намертво… ни малейшего намека на кнопку, защелку или иной способ высвободить магазин.

– Вот бы сожрать чего – прохрипел с намеком остановившийся седенький гоблин с единственным оттопыренным ухом на обожженной голове.

Я молча показал ему таблетку «шизы», покрутил в пальцах.

– Отстреливаешь весь карабин. Четвертое нажатие на спуск выталкивает картридж. Можно выдернуть и сменить.

– Спасибо – таблетка сменила хозяина, упав на подставленную ладонь, обтянутую бугристой ожоговой кожей.

Облизав кончики касавшихся таблетки пальцев, задумчиво уставился на оружие.

Пока полностью не отстреляешь картридж – сменить его нельзя. Кто мог додуматься до подобного бреда?

Баланс: 930.

Мигнул интерфейс. С тех пор как в группу вошел Рэк возможности группового меню незначительно расширились – теперь я всегда мог увидеть данные по последней медицинской диагностике каждого члена группы. Как общий показатель, так и данные по каждой конечности. Ну и дополнительную информацию – если таковая имелась. Вот и сейчас я мог увидеть обновленные данные валяющихся в медблоках бойцов.

Состав группы:

Одиннадцатый. (ПРН-Б) **Лидер группы**. Статус: норма.

Девяносто первая. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Тринадцатый. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Семьсот четырнадцатый. (УРН) Член группы. Статус: норма.

Девяносто первая. (ПРН-Б)

Общее физическое состояние: норма.

Рекомендация: семидневный курс восстановительно-усиливающего комплекса инъекций СТУС-2Ф.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ЛВК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ПНК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ЛНК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

Дополнительная информация: дефицит питательных веществ.

– Все же мы сюда совсем не зря приперлись – пробормотал я, опускаясь на корточки и продолжая листать информацию. Едва успел дочитать по Йорке, пришли данные по Рэку. Но они меня не порадовали.

Семьсот четырнадцатый. (УРН)

Общее физическое состояние: норма.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: норма.

ЛВК: норма.

ПНК: норма.

ЛНК: норма.

Система отнеслась с пренебрежением. Рэк всего лишь зомби – пусть и отрастивший конечности, но пока не доросший даже до статуса ОРН.

Новую порцию данных долго ждать не пришлось:

Тринадцатый. (ПРН-Б)

Общее физическое состояние: норма.

Дополнительно: перманентная ущербность, слепота 97 %.

Рекомендация: семидневный курс восстановительно-усиливающего комплекса инъекций СТУС-2М.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ЛВК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ПНК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ЛНК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

Дополнительная информация: дефицит питательных веществ.

Запрос на глазную хирургию: отклонен. (Недостаточный статус).

Стоило прочесть последние строки – и я почувствовал, как губы растягиваются в довольной усмешке. Встав, двинулся к расположенному рядом с медблоками знакомому автомату. Инфоспот. Инфомат. Инфодав… Едва дошел – из открывшей двери медблока вывалился ошеломленно выглядящий Баск. Замер у двери. Стоит. Улыбается.

– А ты боялся – ворчливо заметил я.

– Оди! Тут…

– Не по статусу тебе, зомбяра – перебил я его – Мне уже доложили.

– Но я же ПЕРН! Боевой!

– Нет предела нашему росту. Прижмись тут к автомату и стой. Я пока посмотрю, чего дают.

– Есть шанс! Есть! Может еще смогу вернуться глаза – приткнувшись спиной и затылком к стене, бормотал Баск. По щеке прокатилась слеза. А может капля небесной мочи сорвалась с козырька бейсболки.

– Не гунди – буркнул я, прижимая палец к сенсору – Рано или поздно своего добьемся и глаза тебе починим. Ты какого цвета хочешь? Давай синие! Чтобы прямо яркие-яркие, завораживающей чистой небесной синевы. А?

– Э… да мне как-то… лишь бы видели. На цвет плевать! Да и даст ли система выбор? Она же все сама решает.

– Но вдруг спросит? А ты ей такой – хочу быть синеглазым!

– Да запросто! Предложила бы!

– Вот и договорились, зомби – широко улыбнулся я, вглядываясь в засветившийся экран – Вот и договорились. Ты рекомендованные инъекции сделал?

– Нет. Посоветоваться хотел. Надо?

– Надо. Давай, синеглазка, впихивайся обратно в медблок и вкалывай все рекомендованное.

– Понял, командир.

Зомби снова исчез за дверью. Его сменил вывалившийся Рэк – задержался из-за медлительности новых ног. Охая, прислонился к нагретой ушедшим зомби стене.

– Могу рухнуть…

– Добреди вон туда и купи себе витаминов, изотоников и жратвы. Приткнись на той лавке и жди.

– Ага. С обновкой, командир.

– Спасибо.

Громила ушел. Явилась Йорка. Опять не могу прочесть данные инфоспота. Развернув гоблиншу, впихнул обратно в медблок, велев вколоть рекомендованное.

Так…

Инфоспот предлагал мне прикупить информацию для Бестиария.

Отличное предложение. О грядущих ужас лучше знать заранее. Покупаем. Что конкретно дают?

Серый плунарный ксарл.

Желтый плунарный ксарл.

Красный плунарный ксарл.

Гнездовый плунарный ксарл…

Красный плунарный ксарл.
Ранг: Солдат.

Хищник. Быстрый. Хорошо плавает. Легко ориентируется в полной темноте. Растет на протяжении всей жизни.

Место обитания – повсеместно.

Чаще всего атакует из темноты. Обычно обхватывает голову жертвы всеми лапами, глубоко впивается клыками, после чего пасть начинает медленно дрожать, отчего игловидные зубы двигаются в ране, расширяя и тревожа ее. На прохождение черепной кости тратит от двадцати до пятидесяти секунд, после чего в пробитое отверстие вводится языковой зонд с костяными измельчителями. Питается поступающей в пасть кровью, кусочками плоти, мозговой массой.

Прочная чешуя дает надежную защиту от режущего оружия. Рекомендовано применение тяжелого шипованного оружия со смешанным ударным дробяще-колющим воздействием на цель. Природная броня удовлетворительно преодолевается снарядами игстрела.

Учитывая направленность атак настоятельно рекомендовано использование защитных головных средств снабженных забралом.

Дополнительно: при укусах впрыскивает в кровь жертвы яд, приводящий к вялости, слабости, дезориентированности, потере сознания. Объем впрыснутой дозы яда зависит от размеров особи. Зафиксированы смертельные случаи при отравлении.

От яда красного плунарного ксарла эффективен антидот С-ЖПКА-2, доступный для приобретения в торгспотах.

Сленговые названия: плукс, сосач, вампир, мозгоед, мозгосос и другие.

Размножение – икромечущие.

Почитав, скривился и, чтобы сдержать накатившее раздражение, отошел от инфоспота. Потратил пять солов. На что? Тут практически полная копирка предыдущих описаний с небольшим добавлением не слишком важной информации – особенно для тех, кто уже успел столкнуться с красными плуксами в реальности.

Да даже без столкновения в реальности – информация из так называемого бестиария абсолютно бесполезный шлак.

Любой – даже самый тупой! – гоблин способен усвоить от более опытного напарника простейшую науку по правильному подходу к плуксам.

Любой единожды увидев, как именно встречают нападающего плукса шипастой дубиной, способен понять простейший принцип и успешно последовать ему после банальной и даже не слишком усердной тренировки.

Бестиарий – никчемная дешевка высасывающая деньги из придурков. Иногда система раздает эту информацию бесплатно –

но это конфета-пустышка.

Чего я ожидал от бестиарий? Для начала – полной информации по происхождению, с ответами на такие важные вопросы как: где, когда и кем впервые были встречены плуксы, сколько лет они живут, как именно ориентируются в пространстве. Уйма важных вопросов и ни одного ответа.

Особенно меня интересует простейший, но крайне интересный вопрос – что является основным рационом плуксов?

Сейчас они отлавливают в мире стальных коридоров пугливых гоблинов, пьют их кровь, пожирают плоть, высасывают мозги. Это установленный факт. Мы добыча – они хищники. И наоборот, учитывая, что мы с чавкающим аппетитом пожираем друг друга. Но мы – разумные – не можем быть изначальной добычей чешуйчатых хищников. Плуксы просто приспособились и перешли на иную добычу.

Почему в бестиарии нет большого куска занимательной предыстории? С указанием дат, привязки к местности, перечислением имен охотников, исследователей, биологов.

Биология… – где описание внутреннего строения тварей? Покажите на схеме где сердце, где наиболее тонкая чешуя, где уши, где слабые места лап. Покажите хоть что-то!

Что это за гребаный тупой совет «рекомендовано применение тяжелого шипованного оружия?». Жалкая попытка замаскировать простейшее и куда более подходящее для местного населения выражение «Дубиной, дебилы, дубиной!».

Не хотите давать информацию, неведомые гады? Так не давайте, но зачем размазывать порожнее по пустому? Лишняя нагрузка для памяти.

Пройдя в открывшуюся дверь, улегся на дырчатое кресло. На холодный зеленый запрос системы столь же равнодушно ответил:

– Диагностика.

Дверь закрылась, я расслабился в ожидании. И в неизбежности. Каждый день гоблины заходят в эти комнаты и каждый день система отсекает единственный выход мощной стальной переборкой. Как часто некоторые зашедшие гоблины – преступники, к примеру – просто не выходят больше наружу?

Убийц, насильников, грабителей и прочих система наказывает лишением солов, ампутациями, понижениями в статусе. И это действенная система наказаний.

Но как всемогущая система наказывает тех, кто нападает не на гоблинов, а на нее саму?

«Небесная роса? Нет! Эльфы ссут тебе в рожу! Очнись!».

Кто это написал? Это не спонтанный поступок внезапно спятившего. Буквы одинаковы, стало быть, был использован

трафарет. А его в коридоре не найдешь. Как и краску подходящего яркого цвета. Надо искать материалы, вырезать надпись, готовить емкости для кисточек и краски – это кажется мелочью, но это крайне важно.

Одиннадцатый. (ПРН-Б)

Общее физическое состояние: норма.

Рекомендация: семидневный курс восстановительно-усиливающего комплекса инъекций СТУС-4М.

Состояние и статус комплекта:

ПВК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ЛВК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ПНК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

ЛНК: **норма**. Рекомендация: инъекция РефТ (Р).

Дополнительная информация: дефицит питательных веществ.

Ого… только что я увидел нечто странное.

Изучив информацию, дал согласие на вкалывание. И получил сообщение о том, что одна инъекция СТУС-4М стоит сорок солов, а укол РефТа – десять. Итого сегодня с меня восемьдесят солов. Подтвердив, попрощался с почти сотней солов и начал получать болезненные уколы. По одному в каждую конечность и один, особенно неприятный и долгий, вкололи в шею.

Странно…

Я на память редко жалуюсь. Недавно читал диагностику бойцов – Рэк с его УРН не в счет – и в каждом случае система рекомендовала почти схожие уколы.

Почти.

РеФт – одинаково для всех. Разово.

Принято.

Йорка – СТУС-2Ф. Восстановительно-усиливающий комплекс.

Баск – СТУС-2М. Восстановительно-усиливающий комплекс.

Разница в одной букве. И тут сама собой напрашивается банальная разгадка – девочкам колют одно, мальчикам чуть другое. Но в целом лекарство такое же.

Мне же система вколола СТУС-4М. Тоже восстановительно-усиливающий комплекс. Но цифра указывает на более высокий уровень или же на более поздний вариант зелья с некими мелкими эффектами.

И за что мне такая радость?

Система заботится о столь полезном гоблине-лидере, что так неплохо проявил себя за последнее время?

Приму за рабочую гипотезу – других пока нет.

Дожидаясь завершения процедуры, скрипя зубами от все усиливающейся боли в шее и ощущая, как ускоряется сердечный

ритм, а в висках начинает пульсировать кровь, вернулся мыслями к надписи.

«Небесная роса? Нет! Эльфы ссут тебе в рожу! Очнись!».

Вот вырезал неизвестный трафарет, все подготовил, сложил в рюкзак. Теперь надо выбрать наиболее людное место, где послание увидит как можно больше почти ко всему безразличных рыл. Выбрали Гнойку. Определились с нужным коридором.

Следующий этак – наблюдаемый наблюдает.

Овечка начинает следить за пастухом, примеряя на себя непривычную роль. Еще надо отследить здешних полотеров, охранников. Все они опасны.

Но вот сведения собраны. Пока я покупал игстрел и общался, успел понаблюдать за полусферой и знал, что сумрака в коридоре практически не бывает. Полусфера убывает секунд на двадцать. Еще надо подгадать так, чтобы в это же время не было охранников с дубинами или теток со швабрами. Остальные не в счет – бейсболка, полумаска, очки и дождевик отлично лишают индивидуальности и внешних примет.

Три надписи за двадцать секунд… даже с трафаретами… тут действует не одиночка. Их минимум двое – один прижимает трафарет, другой орудует кисточкой или спреем. Хотя есть ли здесь спрей? Губки видел. О… а может это красящая губка. Даже скорей всего именно она.

Что дают мне эти размышления?

Да ничего. И одновременно многое. Посмотрим, что принесут дальнейшие наблюдения за Дренажтауном.

Дверь открылась, с намеком щелкнуло. Встав, держась за шею, вышел из медблока. Своих увидел сразу же – Рэк лежал на стенном выступе, вытянувшись во весь рост. Рядом с ним сидел потирающий шею Баск. Йорка крутилась рядом с одежными автоматами.

– Перерыв минут на десять – объявил я, садясь рядом с зомби – Рэк. Из полезного выпросил что-нибудь у доктора?

– Выпросил. Дополнительную инъекцию витаминов за два сола. Уже что-то.

– Уже что-то – кивнул я – И налегай на еду. Баск. Шея как?

– Уже не болит. Интересный комплекс… что он усиливает? А рефт вколотый? С рефлексами связано? Раз в руки-ноги кололи…

– Не будем гадать. Пара тренировок – и все станет ясно.

Приоткрыв глаз, орк внимательно осмотрел меня и безапелляционно заявил:

– Игстрелы – дерьмо!

– Даже спорить не стану – усмехнулся я, укладывая оружие на колени – Вам все равно оно ни к чему.

– Само собой – легко согласился Баск – Мне что с ним делать? А остальным?

– Лучше дубины не найти – проворчал орк – Но не этой пластиковой дешевки невесомой, а чего-нибудь посерьезней и тяжелей. Стальная труба с арматурой внутри и наваренными шипами – вот это вещь! А к ней пяток тонких дротиков средней длины.

– Предпочтения поняты – среагировал я – Стальная труба-дубина и пять метательных дротиков. Владеешь на уровне?

– Покажу.

– Где достать знаешь?

– Не. Но точно не на Окраине. Где-то здесь мастерятся и продаются. Дренажтаун велик. Я посплю? Реально вырубает.

– Как и меня – признался Баск – Хотя еще закупка снаряжения, да?

Оглядев занятый нами выступ, я кивнул, не забыв продублировать словами:

– Располагайтесь. Первыми спите вы. Йорка на страже. Снаряжение никуда не денется.

– Спасибо, командир.

Рэк едва заметно кивнул, натянул на лицо бейсболку и затих. Вскоре Баск последовал его совету. Я же, покрутив в руках игстрел, дождался возвращения донельзя задумчиво и что-то бормочущей про майки и футболки Йорки, оставил ее охранять покой группы, а сам отправился прогуляться. Тело просило отдыха – причем долгого и качественного, с обязательным приемом пищи.

Все будет. Обязательно будет. Но сначала немного осмотрюсь…

Первым делом получил бонусное дополнительное снабжение. Специально терпел до города, чтобы выяснить – будут ли дары отличаться. И не прогадал. Безликий автомат ПНР-Б выдал мне запаянный в пленку столбик из десяти оранжевых энергетических таблеток со знаменитой короткой инструкцией. Оглядевшись, отыскал взглядом давешнего седенького дедушку, что так и бродил по Гнойке. Подбросил таблетки на ладони, с выжидательным намеком глядя на старичка с обожженным телом – догадается?

Догадался. Мигом подгреб поближе и бок о бок мы пошли по коридору ведущему к центру торговой зоны.

– Что знать хочешь?

– Да просто поболтать с умным… кем будешь?

– Зомби. Кто ж еще? Старый зомби с выеденной душой. А без души считай кастрат и плесень. Чего знать хотел, деревня

румяная? Спрашивай, плати, уходи. Мне еще воду и жратву искать надо.

– За хороший разговор брикета и литра воды не пожалею.

– Пошли!

Старый зомби не верил обещаниям. Но я его не разочаровал. Купил бутылку воды и четыре стандартных пищевых брикета. Воду и один кубик отдал зомби, еще два спрятал в поясную сумку, один закинул в рот и заработал челюстями, жадно размалывая питательную массу. Старик же предпочел запихнуть кубик за щеку, отчего его речи не добавилось внятности. Он глянул разок на мою сумку, где исчезли пищевые брикеты и махнул обожженной лапой – спрашивай.

Я не стал думать о том какие вопросы задать. Просто начал спрашивать обо всем, что только в голову приходило касательно Дренажтауна, но при этом строго фильтровал вопросы – стараясь не выйти за рамки любопытного деревенщины мечтающего перебраться в город. Вопросы посерьезней оставлю на потом – если посчитаю возможным их задать и не привлечь к себе ненужного сейчас внимания.

Я старательно следил за созданной репутацией – безжалостный злобный гоблин скорый на расправу, никого и ничего не боящийся и при этом стремящийся сохранить независимость – как свою, так и своей маленькой закрытой группы изгоев.

Гоблин Оди – кусачий злобный хмырь с Окраины, предводитель нескольких недалеких отморозков.

Но кое-какие вопросы даже такая личность может задаться на вполне законных основаниях – любопытство, черная зависть. Ведь как же сильно порой хочется узнать, насколько хорошо кому-то живется, чтобы потом утонуть в омуте злобной зависти и оттуда пожелать счастливчику поскорее сдохнуть. Да-да, мы гоблины такие… Ну еще желание разузнать про более теплые и безопасные места для жизни и заработка. Ведь все мы мечтаем трудиться меньше, а жить лучше.

Орки-трубочисты? Кто такие? Почему сразу сорок и неужто такие немытые? Такие слова страхолюдина со шваброй использовала в своем пожелании красотке-сукке.

Обожженный гоблин ткнул пальцем в стальное небо, чуть сместил руку и теперь его черны расщепленный ноготь указал на сплетения труб. Добавились невнятные слова, и картина прояснилась. Ну как прояснилась… гоблин вякнул «Небесная Окраина» и «там и живут», после чего пообещал рассказать куда больше, если расстанусь с еще одним пищевым кубиком.

Куда больше? Почему нет. Всегда хорошо, когда источник

разливается певчей птичкой, а тебе не приходится задавать вопросов. Второй кубик отправился за вторую щеку. Я было подумал – все, ни слова не пойму. Но ошибся – с двумя кубиками за щеками старик обрел удивительную четкость слов. И заговорил складно.

Орки-трубочисты – многочисленное и сильное племя живущее над Дренажтауном. Они обитают на трубах выходящих из стального неба над городом. Там у них свои кляксы, капсулы, коридоры, полусферы наблюдения и теплые скамейки. Милый замкнутый мирок с множеством названий: Поднебесная Окраина, Верхняя Зловонка, Верхний Квартал. Но чаще всего подпотолочный мир называют Паутиной, а его жителей – пауками. Вниз пауки спускаются редко. Закупятся, развлекутся – и наверх. Чужих не привечают. Да и пауков мало кто любит – слишком уж они заковыристые. Сложные.

Хочешь поссориться с пауком – назови его трубочистом, а Паутину – Зловонкой. Особенно пауки почему-то ненавидят Зловонку. Не дай эльфы в одном заведении окажутся болотники и пауки… погром и кровавые разборки обеспечены. Почему так сильно пауки ненавидят болотников? Да кто ж знает. Но паучий вождь Мимир при всех пообещал пятьдесят тысяч солов за голову Понта Сердцееда – главного болотника. Тот в долгу не остался и ответил тем же, да еще и пообещал дать вдвое, если Мимира ему доставят живым.

Такие деньги! Да только кто ж рискнет даже ради такого куша пойти против Зловонки или Паутины? А по-другому не получится. Понт Сердцеед изредка появляется в Дренажтауне, но всегда неожиданно и ненадолго. Мимир… изредка спускается на своем стальном тросе вместе с ордой пауков-охранников. Чуть что не так – одно нажатие кнопки и трос унесет вождя в безопасное небо за секунду, а его знаменитую броню не пробьет ни один игстрел.

Да и кто захочет ссориться с нимфой Копулой? Она в дружбе с обоими вождями и гарантирует им безопасность на всей территории Дренажтауна.

Но, если уж, между нами, низушками – в этот момент я с понимающе усмехнулся с подобающей грустью и злостью одновременно – решив попытаться заработать гору солов, лучше уж попытаться тогда свалить Понта Сердцееда.

Почему не Мимира? Потому что его жена – паучиха Вэтта, отличающаяся не только неземной красотой и негаснущей любовью к мужу, но и безумной мстительностью. Паучиха всегда опасней паука и легко сожрет любого.

Вэттэ?

Мое лицо осталось безразлично любопытным, я откровенно зевал, стараясь не переигрывать. Заметив боязливо напрягшееся лицо старика, поспешил задать правильный вопрос для любого окраинного парня:

– Вэттэ прямо вот такая красивая? – и растопыренными пальцами показал, насколько «во-о-от така-ая».

Усмехнувшийся гоблин взял меня за запястья и развел руки, показав истинные объемы паучьей красоты Вэттэ.

– Ого…

– Ого – покивал старик и, понизив голос, добавил – Про нее лучше не говорить ни плохого, ни хорошего. Вообще ничего. Паучиха… понимаешь?

– Настолько опасная?

– Она смерть. Умрешь – и не поймешь откуда – палец старика указал на стальное небо – Они там. А ты внизу. Шевельнут мизинцем – и ты умрешь. Я сам видел, как упал почти на середине Гиблого Моста тупой орк по пьяни изнасиловавший посланницу Вэттэ. Он успел прочухаться и попытался убежать на Окраину. Не убежал.

– Как убили?

Гоблин дернул указательным пальцем, тихо сказал:

– Пух… а орк ведь далеко убежал. Но достали.

– Как далеко?

– Ну… пусть не середина, тут я чуток загнул. Но шагов пятьсот орк сделал. Больших шагов! И упал с простреленной спиной. Насквозь! А игла дальше ушла и раздробила пальцы на ноге шедшего в город гоблина. Так на следующий день две посланницы Вэттэ его отыскали и провели с ним ночь! Счастливый гоблин! Он правда сдох давно, но все же повезло то, как хоть раз в жизни. Сразу с двумя и всю ночь напролет… он говорил, что глаз не сомкнул.

– Да-а-а-а-а… – мечтательно закатил я.

Всю ночь напролет? С двумя девушками? Глаз не сомкнул? Гоблин с Окраины? Где-то я уже такое слышал…

– Еще говорил, что дали ему три таблетки и они с ним такое сделали… какой уж там сон…

– О… – буркнул я и посмотрел наверх – Теперь правдоподобней.

– Повезло гоблину. Повезло. Про Вэттэ уяснил?

– Уяснил.

– Наверх и смотреть-то страшно.

Пятьсот больших шагов по Гиблому Мосту убегающего от расправы орка насильника. Мост – просто стальная широкая лента над пропастью. Бежать через Клоаку орк не рискнул и

помчался поверху. Пробежал с километр – и его достал выстрел иглы пришедшейся в спину, пробившей торс и еще сумевшей раздробить пальцы идущего навстречу гоблина.

Да… старик прав. Наверх и смотреть-то страшно.

Что это за оружие?

Учитывая расстояние от потолка до пола, плюс добавить дистанцию, пройденную по Мосту, уже можно строить предположения по использованному пауками оружию.

– А Понт за что прозвище получил? Ведь не потому, что девушки от него без ума?

– От него? Шутишь? – старик хихикнул, став похожим на улыбающегося облысевшего хомяка – Образина! Он сердца жрет. Так говорят. Каждый день по сердцу сжирает.

– Угу… интересная диета.

– Каждый день по сердцу жрет!

– Че ты вякнул про Понта, гнида?

Дернувшись, я успел достать кулаком по запястью мужика, отбив ленивый удар, направленный в нос старого гоблина. Охнув, мужик схватился за ушибленное запястье, глянул на меня волком.

– Гнида! Свинья! Сожру!

– Кого ты назвал гнидой, гнида? – удивился я, отступая на шаг назад, чтобы видеть всех трех похожих друг на друга грязнуль.

Именно грязь роднила их. Грязь въевшаяся в зеленоватую кожу, в волосы и даже в побуревшие глазные яблоки испещренные черными прожилками вен. Все бурое… одежда, сапоги, рваные дождевики, свисающие с шей полумаски, поднятые на лоб линзы очков…

– Да вы никак с болота будете, дерьмоглазые – прогундел я, зажав нос.

Краем глаза увидел стремительно удаляющегося обожженного старичка. Уже хорошо.

– Ты что ли на Понта Сердцееда замахнуться решил, мясо? – положив руку на дернувшегося вперед ушибленного болотника, вперед шагнул мужик чуть почище. Сграбастав себя за ворот футболки, оттянул его вниз, почесал заросшую грудь, заодно показав связку ожерелий из человеческих зубов и вяленых ушей.

Показал, заглянул мне в глаза – увидел ли я страшные украшения?

Недоуменно поглазев на его грязную шею, я удивленно спросил:

– И что? Только аппетит блин подпортил перед ужином – скорчив огорченную рожу, я лениво развернулся и пошел прочь.

– Эй! – грязная лапа попыталась сцапать меня за плечо.

Подавшись чуть в сторону, посмотрел на сграбаставшие воздух пальцы людоеда, глянул в лицо болотника.

– Хотел чего-то?

– Что-то про Понта вякали?

Хмыкнув, я чуть наклонился вперед:

– Старый гоблин восторгался им. Говорил, что Понт настолько крут, что каждый день сжирает сырьем человеческое сердце. И что с таким зверюгой лучше не связываться. Старый гоблин хвалил вождя Зловонки, восторгался им. А ты по роже ему дать хотел? Как-то не слишком хорошая рекламная политика вертикали власти, м?

Мы чуть померились взглядами. Медленно облизав губы, болотник убрал руку с рукояти ножа и со значением произнес:

– Одно сердце? Бывает и больше. Про Понта много не вякай, гоблин. Иначе однажды исчезнешь с концами здесь, а очнешься свиньей в клетке над морем дерьма там. Бойся, сука. И лучше мне больше не попадайся.

– Постараюсь – пообещал я – После того как ты облизал вот так вот губы – точно постараюсь не попадаться.

Бросив на меня последний взгляд, болотник ушел, уводя с собой остальных.

Через мгновение рядом нарисовался вернувшийся старый гоблин, разведший руками:

– Вот так и живем! Спасибо. А я как-то прозевал.

– Стареем? – без малейшей жалости поинтересовался я, протягивая старику пищевой брикет.

– Не привык – буркнул он – Я же городской. Привык жить в городе и болтать что на ум придет. Кто там болотников бояться станет? Им в город хода нет.

– А мы где сейчас?

– Ха! Гоблин! Да ты тупой!

– Не спорю. Где туплю?

– А где ж здесь город? Это ж Гнойка!

– Ага… – поощрил я благожелательной улыбкой – Она самая. Городское заведение.

– Тьфу! Где ж тут город? Город там – гоблин махнул рукой куда-то к центру Дренажтауна.

– Центр?

– Середка. Куда все трубы и трубочки сходятся. Вот вокруг них и есть самый настоящий город. Там все здешние шишки обретаются. А здесь… тут все для деревни. Дальше-то их и не пустят.

– Почему?

– Ха! Окраина! Вам волю дай – мигом в город переберетесь.

Потому Мать и бдит, чтобы вы не слишком расходились-то!..

Вскоре ситуация прояснилась.

Для окраинных и прочих гостей Дренажтауна доступны только внешние улицы. Стоит углубиться ближе к центру и сразу наткнешься на пропускные сканеры. Миновать их может только тот, кто рожден в Дренажтауне или же получил разрешение здесь жить. На любого другого сканер тут сработает и к тебе мигом подвалят недружелюбно настроенные бригадники, поставленные здесь на сменное дежурство.

Даже на внешних улицах гость города может оставаться не больше двух суток. Потом одна из полусфер пометит загостившегося красным светом и к ошеломленной деревенщине опять же подвалят недружелюбные ребятки и проводят до выхода из города, настоятельно при этом посоветовав ближайшую неделю не возвращаться. Это же касается обслуживания – спустя сорок восемь часов гость не сможет получить доступ к медблокам, торгспотам и капсулам.

Само собой городских это устраивает. Ведь им, по непонятной причине, можно жить без ограничений, где угодно. Более того – существует целая каста тех, кто никогда не покидал внутренних улиц Дренажтауна, не собираясь сталкиваться с грязной деревенщиной. Опять же все серьезные места находятся именно там – во внутренней части квартала. Лучшие клубы, бордели, торгспоты, медблоки и прочее.

Что делать если очень хочется туда попасть и потратить деньги с размахом? Тут потребуются знакомцы среди городских бригадников – многие из них обладают по статусу правом пригласить на пару суток любого в зону за сканерами – конечно, если приглашаемый не гоблин или того хуже. От честных орков и выше.

Это действует и в обратную сторону – если городской разок рухнет на УРН, система его простит. Рухнет еще раз – его выпроводят за сканеры и вернуться назад будет крайне трудно.

Старый гоблин со вздохом развел лапами:

– Старость. Попробуй тут каждый день норму выполнить, когда в пояснице три грыжи, а правое колено один день гнется, а другой нет. Стар я стал…

– А пауки? – я ткнул пальцем в небо.

– Этим многое можно. Имеют право гостить двое суток.

– Да они прямо избранные – задумчиво произнеся, сквозь пластик и подсвеченную воду смотря на далекое стальное небо – А как к ним попасть?

– К паукам-то?

– Ну да.

– Шутишь? Никак! Чужаков на своей территории не терпят. Если кого поймают…

– Убьют?

– Ну чего сразу убьют. Отпустят… – старик жестами показал, как он с натугой держит что-то тяжелое на весу, а затем разжимает пальцы – И пусть себе домой возвращается… самым кратким путем.

Хм…

Сколько до нижних горизонтальных труб? Метров сто? Упасть с такой высоты на стальной пол – верная смерть.

– Удачи тебе, гоблин! – старик ткнул меня в плечо багровым кулаком и исчез в толпе.

Не успел я ему задать всех интересующих меня вопросов.

Пройдя еще несколько шагов, оказался точно в центре Гнойки, стоя под ярко освещенным прозрачным куполом. Яркие инки и сукки порхают от одного столика к другому, зазывно улыбаясь каждому вне зависимости от пола. Призывно оглаживают себя, подсаживаются на чужие коленки, что-то шепчут в быстро багровеющие уши выбравшейся потратить недельный заработок очередной деревенщине. То и дело кто-то встает и шатаясь, уходит в обнимку с почти обнаженными девушкой или парнем, на ходу срывая с них разноцветные лоскутки. Хохот, ругань, вопли, хриплый звериный вопль вскочившего на стол перепившего орка, гогот пытающихся снять его друзей. Ловко лавируя среди столиков к месту происшествия спешат охранники. У стены яростно орудует шваброй давешняя тетка, пытаясь согнать красную от чьей-то крови лужу в напольную решетку. Мимо нее пролетает очередная яркая пташка-сукка с высокой светящейся прической… и получив подножку падает личиком на металл. Дрожит и тухнет зеленый свет в волосах, быстро убирается прочь угрюмая уборщица, что так ловко устроила подлянку. У ней явные счеты с сукками. И прямо сейчас она явно боится, прямо трясется, но все равно ведь не удержалась и поставила подножку…

Следом за уборщицей целеустремленно двигаются три разъяренные сукки, одна что-то достает из розовой поясной сумочки, зажимает в кулаке.

Да здесь настоящий бурливый котел… ежеминутно что-то происходит…

Ради интереса иду за стайкой сукк. Но не успеваю. Они уже вернулись, поднимают упавшую девицу с размокшей прической. Рыдающая уборщица обнаруживается чуть дальше – сидя у стены, она рыдает, зажимая окровавленное лицо. Я прохожу мимо. Я просто осматриваюсь, изучаю этот новый, но не кажущийся таким

уж непривычным мирок.

Ладно…

Вернусь-ка к своим и сменю Йорку. Сам подремлю позже – уже в капсуле.

Сегодня мы ночуем в Дренажтауне. Пусть мы здесь гости, но ведь рабочую норму никто не отменял и прямо интересно какую именно работенку подкинет нам система. Пошлет сбежавших гоблинов обратно на Окраину? Вполне разумный вариант. Гадать не стану – до полуночи осталось всего ничего, а новые задания выдаются с началом новых суток.

По пути назад часто поглядывал вверх.

Паучиха Вэттэ… это ее посланники доставляли в Стылую Клоаку партии мемваса.

Там может и производят его там же? В стальной Паутине. Под защитой ненавидящих чужаков пауков…

Если честно такого не ожидал – что лаборатории могут находиться в небесах. А мне так хочется туда попасть. Сложное техническое оборудование – это прогресс. Там же наверняка найдется несколько действительно умных и задумывающихся личностей – если дикарей манит пламя костра со шкворчащим мясом, то умников притягивает свет прогресса….

Глава вторая

Утомленный расспросами и жеванием, с головой полной обилием мутной, неполной и непроверенной информации, с желудком забитым пятью пищевыми брикетами и литром витаминизированной воды, я плелся к жилым капсулам и думал, что хотя бы этот день закончится мирно и серо.

Но тут взгляд зацепился на небольшую группу крепких на вид горожан приткнувшихся рядом с большой стальным сооружением посреди коридора. Крепыши были заняты детской ерундой. Когда рядом проходил один из гостей города, кто-нибудь обязательно громко топал, рыкал, гукал, тыкал в лицо средним пальцем, демонстративно плевал под ноги, а то и на самого гостя. Еще они не забывали показывать на сооружение и потолок. Подойдя ближе, остановившись шагах в трех от крепышей и в четырех от прохода, я с любопытством вгляделся.

«Валите нахер!».

Изучив намалеванную в укромном месте надпись, я искренне рассмеялся и одобрительно кивнул.

Отлично придумали гребаные ушлепки.

Вход в гостевой жилой коридор располагался сразу за Гнойкой, по сути являясь ее продолжением, этаким огромным аппендиксом. Выглядел вход как мощная стальная арка, сквозь которую следовало пройти. Сама арка закреплена сваркой посреди коридора. Под потолком разрезанный рельс, что продолжался по ту сторону арки. Арку сюда явно вставили гораздо позднее, попросту отрезав кусок от рельса, вставив и приварив арку. И прямо на арке, вверху, в промежутке между обрезанным рельсом и аркой, в мертвой зоне для патрулирующей здесь полусферы, кто-то намалевал две яркие желтые надписи:

«Валите нахер!».

А чуть ниже еще одну помельче:

«Вам тут не рады!».

Стоило мне сделать шаг вперед, и я смог насладиться десятком расположенных на внутренней стороне арки рисунком и коротких емких пожеланий.

«Прочь!». «Бойся!».

Рисунки представляли собой примитивные пиктограммы с изображением среднего пальца, кукиша, злобных глаз, вылетающего из губ плевка, испуганной рожи гоблина. Рисовали быстро, но поработал тут некто талантливый.

Подойдя вплотную к арке, поравнявшись с крепышами и оглянувшись на сонно ковыляющую следом группу, я указал на

рисунки и, не скрывая язвительности, громко заявил:

– Городское творчество! Отсосы рисуют…

Группа отреагировала вяло. Баск дернул плечом, сказав этим жестом многое – «придурок, я слепой, какое творчество?». Йорка широко зевнула. Рэк зевнул еще шире.

Но я не успокоился. Убедившись, что над нами нет полусферы, поднял ногу и подошвой ботинка хорошенько прошелся по одному из подписанных мелких рисунков изображающего верещащего гоблина летящего от хорошего пинка шипованным сапогом. Надпись поражала продуманностью и яркостью: «Окраинных отсосов в родной сранокрай! ДРДР наведет порядок!». А ниже изображение алого шипастого кулака украшенного уймой заклепок. Еще ниже – огромный фаллос. Тоже с шипами и заклепками.

Святые эльфы… это как же ДРДР – чтобы не значили эти буквы – собирался порядок наводить?

Опустив ногу, сделал мелкий шаг вперед. Прямо навстречу опускающейся дубине. Взмах… и рука бьющего ударилась о мое плечо, дубина рубанула воздух за моей спиной, а мое шило глубоко утонуло в правой подмышке бедолаги. Как он заверещал… пришлось вытащить шило, чтобы тут же воткнуть его еще раз. Визг оборвался, отпрянувший горожанин выронил дубинку, отпрянув, зажал раненую подмышку, присел и, завывая, куда-то побежал гусиным шагом.

Проводив удивленным взглядом его спину, украшенную поверх красной футболки черной надписью ДРДР, я неспеша подобрал дубину. Я видел дернувшихся ко мне еще двух в красных футболках и бейсболках, но не переживал – на их пути выросла громада Рэка с дубиной в жилистой уродливой лапе. Удар. Еще один. Парень упал сразу. Тоненько завизжавшая девушка схватилась за сломанную в запястье руку, о пол лязгнул нож. Рэк тут же добавил крикунье – удар пришелся по шее, и захрипевшая девка рухнула рядом с ножом. К стоящим у стены двоим в красной футболке подскочила Йорка, тащащая за собой Баска. Чуть повела рукой, и получивший направлений Баск ускорился, налетел всем телом на высокого парня, впечатав того в стену. Налетев, тут же обхватил рукой за шею, вторая рука вбила шило в живот жертвы.

– Стоп! – велел я – Оружие убрать. Отойти от них. И Быстро в арку все кроме Рэка.

Группа послушалась. Попрятали оружие, Йорка снова взялась за руку зомби и утащила его в арку, миновав ее без проблем.

– К стене сажаем – будничным тоном сказал я, первым делом проверив местонахождение наблюдающих полусфер.

– Ага. Сажаем. И кладем – прохрипел Рэк, могучим пинком в харю награждая решившего вдруг встать парня с дважды проколотой подмышкой – Сядь, сука!

Сука поспешно сел. Уронил руки на колени. Рядом с ним мы швырнули остальных, уложившись в полминуты. Образовалась живописная картина «Мы на пикнике». Пятеро в красных футболках, низко опустив прикрытые козырьками бейсболок лица, сидели и лежали у стены.

Я же, присев перед ними на корточки, опираясь одной ладонью о упертую в пол дубину, на другой покатывал шило и с милой доброй улыбкой цедил:

– Любому, кто вздумает орать, шуметь, смотреть вверх и просто мне вдруг не понравится – выколю оба глаза сразу! Сидите тихо, суки! Тихо!

Шипованная дубина Рэка со скрежетом резко прошлась по полу, остановившись в нескольких сантиметрах от паха сидящего мужика, выглядящего самым смелым и злым. Смелый и злой глянул на застывшую от столь сердечно любимого им родного места дубину, сглотнул и медленно опустил подбородок на грудь. Над нами с гулом проехала полусфера, мигнула зеленым. Чуть сдвинувшись, я накрыл ботинком небольшую лужицу крови. Полусфера умчалась.

– За что ты напал на меня, поросеночек? – ласково спросил я уколотого в подмышку, одновременно задумчиво глядя на его ляжку.

– Я… ты первый начал, сука! – сверкнули злобой глаза.

Мелькнул тяжелый ботинок Рэка, с огромной силой впечатавшись в наглый рот. Хруст, обильно полившаяся кровь, сокрушенный вздох орка:

– Испачкал ботинок кровавой слюной. Кто ответит за такой беспредел?

Все молчали. Все пребывали в шоке.

Я их понимаю. Буквально пару минут назад они считали себя королями этого коридора. Мнили себя могучими воинами, смело плюя на проходящих мимо окраинных гоблинов. Демонстрировали всем несокрушимую уверенность в себе и красные футболки с надписями ДРДР.

– Что за надписи? – спросил я у другого крепыша.

Первый после удара Рэка был на грани потери сознания и медленно проталкивал сквозь лопнувшие губы выбитые зубы и сгустки крови.

– Драконы Дренажтауна.

– Драконы Дренажтауна… ух ты как звучит… Бригада?

– Нет. Патруль. Мы добровольцы. По очистке…

– Патруль дренажных драконов – хмыкнул я – Глисты на задании… от чего очищаем Дренажтаун?

Тишина…

Тяжело вздохнувший орк нанес еще один пинок, после которого говорливый отключился. Пришлось взглянуть на пришедшую в себя девушку с перекошенной шеей. Ей было так больно и так плохо, что она даже не пыталась корчить из себя крутую. А еще она видела, что произошло с лицами ее соседей – искривленные подбородки, выбитые зубы, кровь. И она не хотела испытать это на себе. Поэтому, преодолевая боль, зачастила:

– Не бейте, суки, не бейте!

– Да пока не бьем – пожал я плечами, крутя перед глазами трофейную дубину.

Черный пластик закрашен красным, тянутся уже знакомые буквы «ДРДР». И что-то новенькое: «Городской чистильщик». С другого боку снова ДРДР и «Знай свое место!». Как это мило…

– Прямо артефакт – показал я дубину Рэку.

– Мусор – вынес тот краткий вердикт и наступил на колено ушибленной девушки – Говори, сука!

– А-А-А-А-А! Что говорить?! Что?!

– Ты на завтрак что любишь? – поинтересовался я, отбрасывая дубину.

– А?

– Тебя же спросили, сука! – орк надавил сильнее.

– А-А-А-А! Да мне насрать! Насрать! Жру что есть!

– Вас много?

– Да! Больше ста точно. Но я не считала. Я просто люблю бить сук окраинных!

– И чего так сурово ты к нам, девица страшная?

– А тебя хоть раз шестеро пьяных гоблинов трахали?

– Я многое не помню о своей жизни – признался я – Но вряд ли. А тебя?

– Да! Шестеро пьяных гоблинов! Пришедших сюда повеселиться. Выпили, пожрали, а по пути домой встретили меня. Утащили в туман Клоаки и там…

– Не будем о веселом – прервал я ее – Мы здесь причем, дура? Я похож на пьяного насильника? А он?

Смерив нас злобным взглядом, девушка процедила:

– Вы оттуда!

– Понятно. А городские не насилуют? Ни разу не случалось?

– Нет!

Ну конечно… грязь и ужас ползут в Дренажтаун с окраин. А они тут все в белом и незаляпанные.

– Давно патрулируете?

– Я третий месяц помогаю город чистить от мрази. А так нам скоро годик!

Рэка аж перекривило. Да я и с трудом сдержался от этого чуть не восторженного «нам скоро годик». Кому нам? Организации добровольцев пинающих гоблинов с Окраины пришедших закупиться и немного развлечься. Может они еще тортик купят и свечку задуют? Или свечку они воткнут меж окровавленных ягодиц ни в чем неповинного и убитого просто в честь праздника деревенского гоблина? А кто будет трепетно задувать юбилейную свечку?

– Главный у вас кто?

– Дракон Дэн.

– И где он сам?

– Да пошел ты.

Я успел остановить Рэка, решившего улучшить девушке улыбку ударом ботинка. Остановил не из жалости к этой обезумевшей от жажды мести девчонке. Совсем не поэтому. Просто в ее глазах светился хорошо мне знакомый фанатичный огонь преданности. Для нее Дракон Дэн – великий лидер с великими целями. Она предпочтет сдохнуть от наших рук или заново пройти тот кошмар с шестью ухмыляющимися в тумане рожами насильников, но не заговорит.

– Как увидишь его – передай, что с ним хочет поговорить гоблин Оди с Окраины. И желательно до полудня.

– Да кто ты такой, чтобы… ух…

По лицу Рэк бить не стал. Пнул в живот. Ее скрючило и тут же вырвало – прямо себе на колени.

– Мы передадим! – торопливо вмешался еще не битый, держась за проколотый живот – Передадим! Ох… зачем сразу шилом в живот?! А если задели почку?

– А зачем сразу дубиной по голове? – парировал я – А если бы твой дружок задел мне мозг?

На это дурной полуруслик не нашелся что ответить. Замолчал, угрюмо прижимая ладонью проткнутую и окровавленную красную футболку.

Ублюдочные добровольцы… хуже них не найти. Все мои инстинкты заговорили разом. Нет ничего хуже сбившихся в стаю благопристойных неопытных добровольцев. Особенно если они стараются очистить город – неважно от чего, будь то проститутки, наркотики или жаждущие вкусить городской жизни деревенские недотепы.

– Отпустите нас? – накал агрессии исчез, лицо полуруслика разгладилось.

И стало ясно, что передо мной сидит обычный работяга с

дыркой в животе. Он по сути и не заслужил такого серьезного ранения, да и не сделал ничего плохого. Лицо даже симпатичное, на разгладившихся чисто выбритых щеках милые ямочки, уголки губ изогнулись в намечающейся улыбке. Простецкий работяга полурослик. Из тех, что ложатся и встают рано, в день делают не меньше двух заданий, вечерам в барах не торчат, предпочитая посидеть в узкой тихой компании за угловым столиком в родной кляксе. Изредка могут с удовольствием перекинуться в картишки, но без каких-либо ставок.

Чтобы поскорее убрать из головы это дурацкое впечатление, пнул полурослика в раненый живот и, когда-то тот булькающе завопил и согнулся, схватил его за волосы и прошипел:

– Хватит сука члены на стенах рисовать! Тебе же за сорок, дебил! А ты состоишь в компании добровольных имбецилов рисующих на стенах шипастые члены, клыкастые вагины и оторванные сиськи с выпученными глазами! Ради чего, дебил?!

– Чистый город – прокашлял он, но в его голосе не слышалось убежденности. Скорее там звучало удивление. Будто он ни разу не смотрел на эту ситуацию с такой стороны.

– Чистый город? Ты тупой?! Или трусливый?! Скорее последнее. Я тут чужак, но уже сейчас я могу провести тебя по Гнойке и показать орка продающего наркоту, могу показать избитую и трахнутую шлюху в темном тупике. Она до сих пор там – жалобно скулит, проверяя, насколько глубоко ей резанули щеку и останется ли шрам. Ведь ее лицо – ее товар. И вот вопрос – какого эльфа ты торчишь у входа в гостевую иглу и задеваешь окраинных гоблинов, хотящих лишь одного – спокойно выспаться, а завтра свалить отсюда нахрен. Если так сильно мечтаешь о чистом городе – пойдем! – я дернул его за волосы вверх, под звук тонкого надрывного вопля вздернул на ноги, прислонил к стене – Пойдем! Я дотащу тебя до дилера, а ты его дубиной, дубиной! Ведь он продает наркоту. Нет! Придумал! Давай мы вместе найдем ублюдка исполосовавшего щеку дешевой шлюхи, посмевшей запросить на пару солов больше обычной цены. Я быстро найду этого ублюдка – видел его мельком. У него синий ирокез на башке, а на куртке эмблема похожая на стекший кровавый плевок. Пошли!

– Н-нет! Нет! НЕТ!

– Почему же? – шипяще осведомился я и проткнул ему шилом левую ушную раковину насквозь, пройдя через основание.

– А-А-А-А!

– Глаз летит! – буркнул Рэк, глядя на происходящее с широченной улыбкой – Эй! Ушлепки! Сидите тихо! Хоть один вякнет – кишки выпущу! А соседей заставлю сожрать выпавшее

склизкое богатство!

Драконы Дренажтауна разом «замерзли». И добравшаяся до конца рельса полусфера ничего негативного не засекла, быстро умчавшись прочь.

– Так почему же? – переспросил я – Ты же за чистый город?

– Они…они…

– Да? Пойдем их резать-убивать? Дилера. Ирокеза. М?

– Нет!

– И почему?

– Дилер под защитой Нимфы! А ирокезы – это бригада Кровяша! Они психи! На мелкие куски построгают!

– Но ведь они пачкают этот милый славный город! Ведь они насилуют! Продают наркоту! Давай ты их всех убьешь! Ведь ты Дракон Дренажтауна! Пошли!

– Нет!

– Пошли-пошли. Вот. Держи мое шило. Держи крепче – я пытался пристроить выдернутое из уха шило в его вялую ладонь, но полурослик не хотел сжимать пальцы. И шагать не хотел. Его колени подгибались. В воздухе почувствовался запах мочи. Я отпустил его.

Присев у стены, он протяжно и жалобно заскулил, держась за живот. Бедный испуганный зверек.

Ненавижу таких…

Вот уж точно – полурослик. Полу-полу. Все сука наполовину! Вроде и работяга – но хочется быть крутым защитником справедливости. Вроде бы крутой защитник справедливости – но вот городских дилеров и насильников он трогать боится. Ведь на куски построгают.

– Отста-а-ань… – провыл полурослик.

Тьфу….

– Передайте Дэну! – напомнил я и пошел прочь, пинком отбросив красную дубину.

– Ну не плачь – склонился Рэк над ноющим полурослико́м.

Тот жалобно хныкал, утирая слезы окровавленной ладонью.

– Я… я…

– Да не плачь ты. Чего ты? Все хорошо…

– Я… я…

Недовольно рыкнув, орк сказал:

– Давай вытру тебе слезки – и вбил большие пальцы рук в залитые слезами глаза полуросли́ка.

– А-А-А-А!

– Хватит ныть и пошел нахер! А то глаза выдавлю, сука! Всем! Понял?!

– ДА-А-А-А!

Я отвернулся.

Топот ног, оханье, звуки падения – Драконы Дренажтауна, роняя товарищей и зубы, поспешно убирались прочь, позабыв про оружие. Кто-нибудь подберет. Вспомнив, круто обернулся, рявкнул:

– Эй! Ты с дыркой в ухе! Сюда глянул живо!

Поддерживающий девушку мужик обернулся с крайней неохотой. На перекошенном лице нескрываемый испуг, по розовым от размазанной крови щекам тянутся белые полосы, губы трясутся.

– Твой статус? Живо!

– Перн!

– Не боевой?

– Нет!

– Сколько заданий в день делаешь?!

– Два! Обычно два! Сколько дают!

– Все. Валите.

Миновал арку и дождался, когда меня догонит хромающий Рэк.

– Че с его статусом? – осведомился орк.

– Помнишь кто где сидел?

– Из глистов?

– Ага.

– Помню.

– Я спрашиваю – ты, не задумываясь отвечай.

– Давай.

– Вторая слева. Девка с переломанным запястьем.

– Полурослик. Пэшка мирная, но озлобленная.

– До того, как этот с дырявым пузом и ухом сам про статус сказал – что о нем думал?

– Так и думал. Пернатый травоядный. Полурослик.

– Тот кому ты зубы первым выбил.

– Орк. Травоядный. Тьфу. Но по замашкам – раньше вроде полурослико́м был.

– Вот – я резко остановился, глянул на орка снизу-вверх – У меня тоже самое! Полурослик, полурослик, орк, но вроде как бывший полурослик. И все мирные. Откуда мы это узнали, Рэк?

– Так говорю же – по замашкам.

– По каким нахрен замашкам? Они сидели смирно и едва слышно блеяли! Перепуганы до усрачки!

– Вот и видно – не бойцы.

– Ладно. А про ПРН? Почему мы сразу решили, что именно перн? Они могли быть и орками. У всех одна и та же одежда.

– И к чему ты это, командир?

– Вот к чему – я постучал пальцем себя по виску – Вот к чему.

– Крыша едет от их нытья? Я тоже едва сдержался.

– Да нет. Нам подсказывают, Рэк – тихо сказал я – Звучит бредом, но это на поверхности. Самый очевидный вариант – неявная системная подсказка.

– Что-то не видал я подсказок. Никаких светящихся зеленых букв.

– Подсказать можно по-разному. В следующий раз, знакомясь с кем-нибудь и оценивая его, прислушивайся к своим мыслям.

– Зачем?

– А вдруг одна из них звучит не твоим голосом? Или мысль какая-то чужая – пожал я плечами.

– Понял тебя. Это вроде как найти волка в стаде. Попробую. У меня в башке мыслей наперечет – тяжело не будет все до одной перебрать. По капсулам?

– Надо поспать несколько часов – кивнул я – Подъем в четыре утра.

– Как раз переварю все как следует – удовлетворенно кивнул орк, хлопнув себя по впалому животу – Командир… как долго они с нами?

– Кто?

– Йорка с Баском. Я чую их породу. И они не такие как мы с тобой. Слепой зомби зол на весь мир и на ту жопастую суку, что полоснула ему по глазам. Но это его лимит. Как только он доберется до этой суки, вырвет ей глаза вместе с харей и гнилой маткой – вся его злость уйдет. И он захочет покоя. А девчонка… Йорка…

– В душе она всегда только покоя и хотела – кивнул я – Верно. Посмотрим, насколько их хватит. А ты, Рэк? Ты ведь тот самый волк в стаде. Тебе покой не нужен.

– Не нужен. Я с тобой до конца.

– Уверен? – спросил я, прижимая палец к сенсору свободной капсулы – У меня впереди только море крови и горы рваных кишок. По всему этому дерьму придется прошагать не одну милю. А затем начнется кромешный ад и настоящая работа. Ножом и дубиной. Это если не сдохнем.

– Как раз по мне.

– Что ж. Тогда нам с тобой по пути.

* * *

Текущее время: 04:22.

Усердно разминая ноги и отрабатывая удары ножом, я

приплясывал рядом с предваряющей вход стальной аркой-сканером. Коридор почти пуст. За последнюю четверть часа прошла лишь пара гоблинов и зевающий во всю пасть боевой орк с забинтованной левой лапой. Я не пропустил мимо глаз этот мелкий факт – никаких пластырей, только бинты и медицинский клей. Я уже не раз раздирал себе шкуру и уже не раз система латала меня. Могу с уверенностью утверждать, что над раной орка поработала не система. Перевязка свежая. Сквозь бинты проступило пара пятен крови.

Заметив мое пристальное нескрываемое внимание, орк зло ощерился, но через мгновение сник и юркнул в арку, не став задавать вопрос, что так часто становился началом кровавого конфликта: «Че пялишься, урод?!». И я снова невольно задумался – он сам почуял, что ко мне лучше не лезть или же ему кто-то неявно подсказал?

Коридор пуст…

Честно говоря, я и не ожидал увидеть здесь терпеливо ожидающего Дэна Дракона. Но думал увидеть стоящих или сидящих у стены пару наблюдателей. Ведь игла в тупике. Поставить одного-двоих рядом с аркой, еще одного ближе у выхода из коридора. И мы не успеем дойти до торгового перекрестка, а чертовы детсадовские драконы уже будут знать о нашем приближении и сумеют подготовить достойную встречу.

Но коридор пуст…

Перехватив нож другой рукой и другим хватом, принялся приседать вместе с отработкой еще одного удара – безжалостного добивающего удара. Вниз на выдохе, на ударе резкий короткий выдох, чуть глотнуть воздуха и быстро вверх с новым выдохом. Тут критично важно правильное дыхание. Откуда я это знаю? Понятия не имею. Даже не могу сказать, что знаю это. Скорее это что-то инстинктивное, вбитое в меня до мозга костей, отпечатанное в каждой клеточке. Я вижу каждую свою ошибку и сразу же исправляю ее или же помечаю как временно неизбежную – мое тело пока не позволяет мне как следует разгуляться. Не успевшие развиться или полностью восстановиться мышцы стонут, каждое движение отдается болью. Но с каждым новым приседанием или ударом все больше крови притекает к разгоряченным мышцам и боль становится слабее.

Я спал всего несколько часов. Но чувствую себя удивительно бодрым, сильным и быстрым. Те восстановительные и усиливающие инъекции вколотые системой – от них определенно есть немалый толк. В теле непривычная пружинящая бодрость. Впервые ощущаю такую – с момента пробуждения в этой мирке стальной безнадеги. Тело просит действия.

Рядом с капсулами разминается группа. Йорка и Баск раз за разом отрабатывают чуть дополненную связку ударов. Рэк поочередно работает дубиной и ножом – я не стал ему ничего показывать. Наоборот – сказал показать мне все, что он умеет. И сейчас наблюдал за сосредоточенным громилой орком, пытающимся преодолеть остаточное сопротивление и вялость новых конечностей. В движениях орка чувствовался немалый опыт. И пусть его взмахи кое-где излишне размашисты, но в них видна яростная агрессия. Есть те, кто бьет дубиной чтобы ударить, дотянуться, достать – это и есть их цель. Суметь попасть. Дальше этого их мысли не идут. Рэк же бил чтобы размозжить череп, колол так, чтобы гарантировано пробить защиту и по рукоять утопить лезвие в живом верещащем мясе.

Действия орка и мое внимание к нему подействовали на Йорку с Баском как катализатор. Они удвоили свои усилия. Йорка зло поглядывала на упоенного тренировкой орка, зыркала на меня и, закусив губу, вкладывала все силы в каждый взмах дубиной. Баск ничего не видел, но многое чувствовал и тоже старался не отстать.

Текущее время: 04:45.

Хорошо…

Убрав оружие, кивнул бойцам, давая понять, что утренняя разминка завершена. Указал глазами на двери скрывающие комнаты со стальным дырчатым ложем. Время получить первый из четырех приемов пищи и лекарств.

А я пока задумчиво изучу два полученных от системы задания. Это наши первые задания полученные не на Окраине, в городе. Есть ли отличия кроме местоположения?

Пальцы прошлись по лежащей в кармане серой таблетке, отломили кусочек и растерли по ладони. Облизнув горчащую кожу, скользнув языком по деснам и нёбу, я внимательно вчитывался в текст заданий. Вспомнив, что вчерашний последний прием наркотика ничего не дал, отломил еще один кусочек и растер по влажной от слюны коже. Слизывая растертый мембас, чуть разочарованно хмыкнул – новизной задания не поражали. Но они хотя бы были.

Задание: Проверка и очистка сит.

Описание: Проверить на целостность стальные средние сита. Очистить проверенные сита от твердых скоплений. Твердые скопления доставить в приемник 1ПФ-Б2.

Место выполнения: Зона 1ПФ, блок 2.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 80 солов.

Задание: Патруль.

Важные дополнительные детали: Быть на месте не позднее 06:00. По двойному сигналу сменить предыдущий патруль.

Описание: Патрулирование 1-го кольцевого магистрального коридора с 1-го по 25-тый участки. При обнаружении плунарных ксарлов – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель.

Место выполнения: 1-ый кольцевой магистральный коридор с 1-го по 25-тый участки.

Время выполнения: до 08:00, по двойному сигналу сдать смену прибывшему патрулю.

Награда: 80 солов.

Кое-что мелкое, но важное я заметил сразу – изначально в боевом задании было указано другое время – десять часов утра. Но едва я открыл задание, время изменилось на шесть утра. Логично – системе надо быть уверенной, что трудолюбивый гоблин в курсе о полученном задании. Глупо назначать время на шесть утра, если нерадивый гоблин дрыхнет без задних лап.

– Проверяем задания и выдвигаемся на завтрак и уколы, гоблины – рыкнул я, приступая к короткой серии наклонов – В капсулах ничего не оставляем. Йорка! Тебя это в первую очередь касается!

– Да всего пару раз случалось…

– Двинулись, бойцы, двинулись. Очень уж хочется на город посмотреть…

* * *

Город…

Ну как город…

Та же самая окраина – патрулировать нам выпало в кольцевом коридоре, начинающемся от Гиблого Моста и тянущегося в неизвестность.

Первый кольцевой магистральный. Из более чем прозрачного названия следовал простой вывод – коридор наверняка опоясывает Дренажтаун и служит для него тем, чем в свое время служил Окраине двадцать девятый магистральный – главной дорожной артерией.

Патрульное задание сроком в два часа, поэтому мы никуда особо не спешили. Я приказал снизить темп ходьбы до ленивого – сэкономим силы, чтобы позднее потратить их на рабочее задание или еще одну тренировку. Ну и Рэк все еще хромал и быстро уставал. А я не хотел, чтобы наша группа пришлых чужаков

слишком уж растягивалась по коридору. Мы шагали плотным молчаливым ядром, зорко поглядывая по сторонам, отмечая передвижения полусфер, заглядывая в боковые ответвления.

Кое-что интересное удалось увидеть к концу второго часа патрулирования. Кое-что действительно интересное. Развернувшись в очередной раз, мы обнаружили с тяжелым гулом катящийся навстречу вагон. Учитывая направление – вагон прибыл со стороны Гиблого Моста. В передней части вагона знакомая фигура в оранжевом плаще. Шестьдесят третий сраный номер. Дышишь еще, гнида. А жаль.

Вагон быстро приближался.

– Опустить головы – тихо сказал я – Козырьки пониже.

Узнать нас невозможно. Дождевики, бейсболки, очки, полумаски – все это служит надежной маскировкой. Заклятый враг пройдет в полуметре – а ты и не поймешь. Здесь вообще почти все безлики и похожи друг на друга.

Я просто перестраховывался.

– К стене.

Дребезжа, вагон прокатился мимо. Шестьдесят третий на нас даже и не глянул. Он был поглощен странным манипулированием с какой-то светящейся и достаточно крупной оранжевой фиговиной. Что-то вроде стеклянного шара на цепочке. Плащеносный сжал шар в кулаке… и случилось удивительное.

Одна из картин, изображающая густые влажные джунгли с лежащими на ветвях пантерами и целой стаей летающих вокруг попугаев, раздвинулась. Сделав пару быстрых шагов, я сумел заглянуть внутрь. Привлечь внимание не боялся – в этом месте коридора шарахалось не меньше пятнадцати рыл и все как один остановились и принялись глазеть. Интересно же. За картиной обнаружилось большое прямоугольное помещение. Минуты хватило, чтобы понять – это гараж. Ну или свалка с очищенным в центре пятачком как раз под размеры вагона.

Сраный шестьдесят третий злобно заорал. Из-под колес едва успел выскочить замешкавшийся гоблин. Неуклюже завернув, вагон закатился внутрь и дверные створки закрылись, возвращая на место влажные джунгли. Я успел увидеть в вагоне еще одного пассажира – судя по очертаниям мужик среднего роста и телосложения. Но мешковатая одежда скрывает детали. Я и шестьдесят третьего то узнал по плащу и вагону.

– Ага… – сказал я, делая большой шаг к месту, где вагон начал излишне резкий поворот.

От этого вагон чуть качнулся. И вот результат – по стальному полу протянулась длинная красно-бурая полоса. Это могло быть что угодно. Смазка, вода с ржавчиной, моча тролля или сопли

гоблина. Но часть темно-красных разводов показались мне знакомыми. Изучив их, нагнулся, окунул палец в красную жижу. Выпрямившись, провел ботинком, стирая полосу. Принюхался.

Кровь. Из завернувшего вагона плеснуло чуток крови. Самую малость. И либо усталый вагон истекал кровью, либо у шестьдесят третьего от недавних переживаний открылось ректальное кровотечение, либо же была еще одна причина.

– Чем там? – осведомился Баск.

– Да руку вот испачкал.

Вытянув руку, он нащупал мое запястье, подтянул к своему лицу, вдохнул запах и тут же вынес вердикт:

– Кровь. И дерьмо.

– Прекрасно – буркнул я, вытирая палец о мокрое плечо проходящего мимо гоблина в дождевике, что едва не оттоптал мне ногу.

Гоблин даже не обернулся. А я мотнул головой, показывая, что надо продолжать патруль. Баска не отпустил, потащив за собой. Рэк сам приткнулся с другой стороны. Йорка шла впереди шагах в двух, слыша каждое слово.

– Что мы имеем? – спросил я.

– Следы крови – предположил Баск.

– Он нас не узнал – не оборачиваясь, добавила девушка.

– Он хреново вагоном рулит – проворчал орк – И что за штука была у него в кулаке? Дверная открывашка?

– Да – кивнул я – Что-то в этом роде. Красивая и яркая дверная открывашка. Хочу такую.

– Достать тебе? – спросил Рэк на полном серьезе – Отберу у толстого в плаще.

– Не – ощерился я – Этого мало. Мне бы с ним побеседовать по душам.

– Кровь в вагоне – напомнил Баск.

– Где кровь – там и мясо – пробормотал я, оборачиваясь и глядя на закрывшуюся дверь с джунглями – Джунгли-джунгли… а в джунглях каннибал на каннибале, да?

– Мясо? – дернулся зобми – То есть – свинина?

– Именно.

– Вот так нагло? Посреди бела дня? По светлой главной тропе? Тут повсюду полусферы.

– В этом фишка, Баск. В этом безопасность. Сраный шестьдесят третий явно на особом счету у системы. У него ключ, вагон, гараж, свобода передвижений, ему же поручаются столь важные задания как доставка тех загадочных и критично важных для системы блоков. Похоже, он может на плечо взвалить тюк с мясом и спокойно отправиться на прогулку по городу. Но при

этом он по уши замешан в грязных делах – те блоки, теперь кровь льющаяся под колеса. Рэк, Йорка, вы тоже заметили?

– Что?

– Дверь.

– Раздвижная – ответила Йорка – Я не ожидала.

– Да нет. Я про другую дверь.

– Которой нет – понял меня Рэк – Гараж – тупик.

– Верно. Им в любом случае придется выходить из гаража в первый магистральный кольцевой. От гаража в любую сторону – не меньше сорока шагов до ближайшей боковой тропы. Это дает нам отличные возможности. Вот что я предлагаю…

– Оди!

– Погоди, Йорка.

– Оди! Гоблин ты трахнутый! Вперед посмотри!

Посмотрел. Почти пустой коридор. Спешащие туда-сюда редкие жители с опущенными лицами.

И стоящая точно посреди коридора фигурка в темном, почти черном коротком дождевике обрезанном чуть ниже талии. Большой капюшон скрывает лицо, зачерняя его густой тенью. Ладони спрятаны в излишне длинных просторных рукавах.

Кем бы ни был невысокий незнакомец – он стоит точно у нас на пути.

Во мне проснулся интерес.

– Чуть сместись-ка влево – скомандовал я – Тремя мелкими шагами.

Йорка послушно сместилась, мы последовали за ней. Группа ушла с линии ведущей к незнакомцу. Но ненадолго – фигура в черном быстрым скользящим движением сместилась влево и вновь оказалась у нас на дороге.

– Йорка назад. Цепляй к себе Баска и до упора влево. Рэк – до упора вправо. Обходи его. А я навстречу. А утро-то похоже задалось!

– Лопнуть и сдохнуть… ни дня без проблемы.

– Сразу бить?

– Нет. Жди приказа. Ну и действуй по ситуации – ответил я орку и ускорил шаг.

Зачем отсрочивать неизбежное?

Развернуться и дернуть обратно по магистральному, показав спину и трусость врагу, заодно сорвав выполнение задания?

Этот вариант не про нас.

– Ты гоблин Оди, верно?

Сразу две неожиданности разом.

Незнакомец заговорил первым, причем с дистанции в пять шагов.

У незнакомца оказался грубоватый и хриплый, но определенно женский голос.

То, что он точно знал к кому и как обратиться тоже говорило о многом, но на этом я внимание заострять не стал. Ясно, что он ждал именно нас.

Не он. Она.

Остановившись в трех шагах, широко улыбнулся:

– Все верно. Чем могу помочь тебе, страшненькая?

– Как точно тебя описали – злобное хамло с зачатками боевых навыков и претензией на едкий неумелый юмор как средство самозащиты – девушка чуть склонила голову – Ты из тех, кого проще убить, чем заткнуть, да? И ты из тех, кто мнит себя жутко крутым. Твердый снаружи – мягкий и склизкий внутри? И знаешь…

– Да-да?

– Останься ты на Окраине – крутым бы и остался. Но тут ты всего лишь… – фигура в обрезанном дождевике дернулась ко мне.

Дернулась быстро. Слишком быстро. Я только и успел, что оттолкнуться от пола ногами, отбрасывая себя назад, стремясь разорвать дистанцию. Оттолкнулся и понял – я почти потерял ее из виду. Размытой стремительной тенью она обходила меня слева, с легкостью миновав оторопевших Йорку с зомби. За ее спиной ударила о пол прошедшая мимо дубина орка. Я рухнул. Перекатился вправо, почти наугад отмахнулся ножом и… замер на спине, выставив перед собой нож и шило. В шаге от меня неподвижно застыла удивительно стремительная девушка. Ладони по-прежнему скрыты в широких рукавах.

– Стоп! – рявкнул я, останавливая неуклюже бегущего орка и только-только оживших Йорку с Баском.

– Стойте, детишки – папа упал – насмешливо пропела девушка, поднимая руки к лицу.

Чуть отодвинула капюшон, приподняла очки. И я увидел ехидные глаза – безумно пронзительно зеленые глаза.

– С чего ты назвал меня страшненькой?

– Да видел тебя в душе. Отвратное зрелище – буркнул я, вставая и убирая оружие за пояс – Меня прямо там и вырвало.

– О… убрал свой страшный ножик… проникся доверием?

– Ты могла меня зацепить минимум дважды. Но не стала этого делать.

– Трижды. Ты непоротлив как избитый дубиной жирный инкуб мычащий сквозь кляп.

– Да ты такая страшная, что я аж одеревенел.

– С чего ты назвал меня страшненькой, гоблин ты долбаный?

– А с чего ты вдруг решила тут устроить мрачную сцену в

стиле – одинокий крутой воин посреди коридора готовится надрать жопы четверым деревенщинам. На кой хрен нагнетала ситуацию, уродина с зелеными зенками?!

Пауза… легкий кивок. Очки с темными линзами возвращаются на место. И на меня вновь смотрит безликое пластиковое лицо-маска, утопающее в тени коридора.

– Квиты – заключила незнакомка – Прогуляемся?

– В ту сторону – указал я подбородком и сделал первый шаг – О чем побалакать хотела? Сразу скажу – с такими уродинами не встречаюсь.

– На меня твои юморные потуги не действуют, гоблин.

– Да мне насрать, страшная. Чего хотела? Давай к делу.

– Хватит называть меня страшной.

– Чудила? Уродина под капюшоном?

– Пятитысячная.

– Вранье – отрубил я, даже не глянув на идущую рядом девушку – Кому-нибудь другому впаришь эту хрень. Со мной не прокатит.

– Какой умный… а вдруг не вру? А если тату покажу?

– Долго ли изменить номер? Оставайся страшной и безымянной. Чего хотела?

– Эльфийский цветок.

– Что?! – вот теперь я действительно одеревенел.

– Эльфийский цветок – терпеливо пояснила девушка – Про тебя расползаются слухи. Странные пугающие слухи о слабом и дохлом окраинном гоблине, что отыскал мощный магический артефакт Эльфийский Цветок. Артефакт настолько мощный, что он сжег руку подруге гоблина Оди – сжег по плечо. Но гоблин сумел совладать с артефактом и уже трижды использовал его, убив с его помощью банду Джонни Льва, искромсав три десятка плуксов при зачистке гнезда и снеся голову с плеч мерзкому троллю Тролсу, а чуть позже гоблин сумел остановить вторжение плуксов в очищенной от тумана Стылой Клоаке.

Раздался хохот. Искренний, громкий, брызжущий слюной хохот, такой некрасивый и такой подходящий сползающей по стене гоблинше Йорке. Запрокинув лицо, она безудержно хохотала, била себя ладонями по ляжками, стучала каблуками ботинок по полу. Проследив за ее сползанием, дождавшись, когда она, всхлипывая, свернется калачиком на полу и затихнет, перевел взгляд на безымянную шустрячку и со всем возможным участием спросил:

– Спятила?

– Она?

– Ты! Какой еще к черту эльфийский цветок?

– Скрываешь? Обыскивать тебя смысла нет… наверняка спрятал… артефакт описывали как сверкающий меч…

Йорку снова заколотило о пол. Присевший рядом Баск прятал лицо, но трясущиеся плечи выдавали – зомби ржет. Он давно в курсе истории о разноцветной стекляшке. Рэк недоуменно ворочает харей и свирепеет с каждой секундой, плотоядно поглядывая на затылок незнакомки.

– Стой – поднял я ладонь и заставил себя сделать шаг, чтобы продолжить патрулирование – И выдохни. Какой еще артефакт? Тебе сколько лет, чтобы верить в сказки? Эльфийский цветок – это разноцветный осколок стекла, найденный мной в грязи. Его еще можно было бы назвать стеклянным ножом, но на меч точно не тянет. И никто из чужих не видел эту стекляшку целиком – из живых так уж точно. Если до тебя не сразу дошло, то повторю еще раз – это обычный осколок разноцветного стекла. Похож на кусок стеклянного панно, изображающего витраж.

– И где он?

– У системы. Лезвие в теле дохлого гоблина отправленного в медблок, рукоять нашли в кармане другого бедолаги. Если не веришь мне – наведайся на Окраину и поболтай с теми, кто расследовал недавние убийства, связанные с именем гоблина Оди – меня в них несправедливо подозревали. Эти детективы, что через слово поминают мать всуе, вспомнят про кусок разноцветного стекла.

Секунда молчания. Вторая… третья… резко развернувшись, зеленоглазая зашагала прочь. Обернувшись, крикнул ей вслед:

– Опомнись, уродина! Какие еще магические артефакты?

– Дебил! – она даже не обернулась, стремительно удаляясь – Для дикарей тот же игстрел – великая и могучая магия!

– Но ты говорила про меч! И веришь в это?!

Она на ходу взмахнула рукой. Провела по стене. Визг, скрежет. Я застыл, глядя на стальную стену – по ней тянулась короткая и глубокая царапина.

– Ты кто такая? – отмер я.

– Пошел ты, хрен окраинный! Неси службу, соси брикеты, лапай сукк и не смотри в небо, гоблин!

– Я найду тебя – пообещал я тихо-тихо, провожая ее пристальным взором и старательно запоминая все подряд – темп ходьбы, длину шага, раскачивание, положение рук.

Дойдя до царапины, провел по ней пальцем. Полсантиметра в глубину самое малое. Зашипев, отдернул руку, вытащил из пальца острую и чуть загнутую стальную занозу, задумчиво прикусил ее зубами. К этому моменту зеленоглазая незнакомка уже испарилась.

Вот черт…

Чем это она полоснула по стальной стене? Металл теплый и с зазубринами. Его будто рвали. Или пилили.

Для дикарей тот же игстрел – великая и могучая магия.

– Продолжаем патрулирование! – бодро заявил я, отходя от стены.

Куда там – бойцы тут же прилипли к царапине, возбужденно забормотали, едва ли не языками пробовали прорезанный металл. Пришлось подождать с минуту, давая им время утолить любопытство. После чего, чуть ли не пинками, но без толчков и рыканий уж точно, погнал их по коридору. Мы должны закончить патрулирование. И мы не должны привлекать к себе внимание. И я очень надеюсь, что мотающиеся под потолком полусферы не заметят царапину и система не станет задавать нам неудобных вопросов. Можно, конечно, сказать – а фиг его знает кто поцарапал – но тогда система можно задать ответный резонный вопрос – а на кой хрен вы тогда тут патрулировали, раз не знаете?

Кто она такая?

И эти поразительные ловкость и сила. Не поразительные – поразительнейшие. Невероятный цвет глаз – цвет молодой листвы. Странно расширенные зрачки.

Я найду ее. Обязательно найду.

Вот черт…

И как теперь патрулировать, когда все мысли о зеленых глазах и убийственно быстрых движениях?

Может это любовь? Или все же разумное желание отыскать эту стремительную падлу, надежно привязать к стальному столбу, содрать с нее все одежки, обезоружить и подвергнуть качественному трехчасовому допросу с пристрастием? Только я, она и тупая швейная иголка…

Первой ко мне приткнулась Йорка. Лица ее я не видел, оно надежно скрыто очками и полумаской, но то, с какой силой она вцепилась мне в плечо, многое говорило о обуревающих ее эмоциях. Гоблинша от возбуждения перешла на ультразвук и едва не взорвала мне ухо:

– Вот это она! Она!

– Ага… я тоже думал – он. Но нет – она…

– Она! Такая крутая! Р-раз! – и вы все обосрались!

– Эй! – хрипло рыкнул все слышавший Рэк.

– Что?! Не так что ли, хриплый? Пока ты замахнулся…. Пока рожу скорчил… А она уже ушла и компота выпить успела с мясом плукса на закусь! И только тогда твоя дубина о пол грохнула! Лузер! Сдохни от зависти, орк!

– Эй!

– Я не услышал ее шагов, Оди – в плечо Йорки вцепился зомби – Не услышал! Но уловил движение воздуха тыльной стороной руки – лицо-то закрыто. Она правда двигалась с такой скоростью?

– Она двигалась с невозможной скоростью – коротко и максимально правдиво ответил я, ускоряя шаг и буквально таща за собой вцепившихся бойцов – Хоти она меня или нас прикончить – мы были бы уже мертвы.

– А эльфийский цветок?

– Кто она?

– Откуда эта сука взялась?

– Зачем ей обычная стекляшка?

– А если она вернется? Мы сдохнем?

– Тихо! – приглушенно рыкнул я, косясь на пугливую группку степенных городских гоблинов, прижавшихся к стенке и явно надеющихся, что наша громкое деревенское стадо не станет их трогать – Мы патруль! Забыли?

– Так кто она?

– Да мне откуда знать? – пожал я плечами – Но это одна из сработавших закладок.

– Закладок?

– Я, а потом и мы, с самого начала ведем себя громко, нагло, агрессивно, вызывающе – перечислил я все наши грехи недостойного для боевых полуросликов поведения – Мы постоянно привлекаем к себе чужое внимание. О нас ползут слухи, многие шипят с завистью или ненавистью. Это раз. А два – мы делаем дело. Мы не просто болтуны, что только и умеют хвалиться. Мы действуем. Каждая наша угроза или обещание – выполняются. Сказали убьем, если не угомонится – и убили. Ну и третье – мы никому не рассказываем о наших свершениях – я с усмешкой оглядел притихших бойцов – Мы не похваляемся. Убили тролля – и пошли спокойно завтракать. Что это нам дает?

– Слухи.

– Сплетни.

– Зависть.

– И выдуманные детали – дополнил я – И что получается? Скучающие гоблины находят свежую тему для разговоров, начиная распускать слухи. Но из-за нашей скрытности у них нет леденящих кровь подробностей с привкусом клубники и растертых мозгов. Им приходится выдумывать их самостоятельно – и так наши дела становятся громче и значительней. Еще во многих кипит зависть. И они начинают искать или выдумывать причину нашего успеха – и так на сцене

появился сверкающий артефактный меч Эльфийский Цветок. Ведь только так какие-то там гоблины смогли бы выжить в стольких передрягах и нашинковать столько врагов. В итого получился здоровенный ком из выдумки и правды.

– И этот ком привлек внимание серьезной рыбы – кивнул орк.

– Да – согласился я – Мы привлекли к себе внимание. Продолжаем в том же духе и посмотрим, что будет дальше.

– Зарежут нас – буднично произнесла Йорка и на этой не слишком жизнерадостной ноте мы развернулись и двинулись обратно, завершая очередной патрульный виток.

– Может и зарежут – хмыкнул я – Или мы их. Пока выкиньте все из головы. И готовьтесь к пробежке – вон от той красной линии и до самого Гиблого Моста. Я бегу замыкающим и с шилом наготове. Любому отстающему воткну шило в левую ягодицу.

– А почему именно в левую? – не сдержал любопытства зомби.

– Да говорят в левом нижнем полушарии сосредоточена мечтательность, медлительность и творческая рассеянность. Укол шилом не помешает.

– Оди… – Йорка меня даже не слышала – Ты видел ее глаза?

– Только глаза и видел.

– Этот цвет… я никогда такого не видела. Яркий… безумно яркий зеленый цвет…

– И расширенные зрачки – дополнил я.

– Под наркотой девка стены царапает? – задумчиво прохрипел орк – Такая и в сказки про эльфийские артефакты поверить может…

– На счет три! – скомандовал я – Раз! Два! Три!

С недовольными стонами группа перешла на бег.

– На счет три ускоряемся до максимума! – выдохнул я, держась сзади – Сто шагов – на максимуме! Раз! Два! Три!

– Может она химию какую ускорительную хлебает? – с еще большей задумчивостью предположил Рэк.

– Наверняка – коротко ответил я, сберегая дыхание. Но удержался и добавил – Или она как-то по-иному ускорена и усилена. Одно скажу – обычными отжиманиями и приседаниями такую скорость не набрать. Беги быстрее, Рэк! Или воткну!

– Моим ягодицам не привыкать!

– Даже вдумываться не хочу в твои слова. Быстрее! Быстрее! Ускоряемся, гоблины! Ускоряемся! Кто первым до моста?…

Первым оказался я. Но победить удалось с трудом – Йорка, быстрая и выносливая дьяволица, держалась вплотную, злобно хрипя мне в затылок. Помог зомби – сбился с курса, его понесло навстречу стене и гоблинша отстала. В результате они

финишировали последними. Стоящий на коленях и едва не блюющий Рэк радостно улыбался и все никак не мог унять руки – они поглаживали и поглаживали новые послушные ноги.

Уняв дыхание, глянул интерфейс. Первое важное на сегодня дело выполнено – патрулирование завершено, задание исчезло из меню, а баланс пополнился.

Баланс: 906.

Снова у меня полных девять сотен – до этого ушел в минус, закупив небольшой запас еды, оплатив аренду конечностей и не забыв приобрести шизы и энергетиков. В поясной сумке несколько пищевых брикетов и белковых батончиков. За батончик я и взялся, энергично его пережевывая и заодно изучая надписи на стенах.

Встреча с таинственной и опасной зеленоглазкой встряхнула меня. Дала понять – я слишком медленный. Надо ускориться еще сильнее, чтобы не отставать от набирающих темп событий. Иначе нас снесет нами же спровоцированный сход лавины.

– Разделяемся – промычал я, оглядывая тяжело дышащих бойцов – Две двойки. Делаем одно и то же дело, но порознь. Я с Рэком. Йорка с Баском. Первая двойка выполняет задания по проверке стальных сит – чтобы это ни значило. Вторая двойка остается в первом кольцевом и задумчиво фланирует неподалеку от нарисованных джунглей. Если засекает шестьдесят третьего или любого другого – тут же оповещает другую двойку. Черт… как же хреново без средств связи! Все ножками, все ножками… поэтому терять нельзя ни секунды. Для начала найдем кратчайший маршрут от места работ до джунглей. Рэк, остаешься здесь. Трое за мной.

– Понял, командир. Если выползут пока вас нет?

– Отпускай – велел я и, воткнув взгляд в орка, добавил – Слышал? Отпускай! Никакой самодеятельности!

– Понял…

– Хорошо. О… стоим и смотрим…

Все как один повернулись и взглянули.

По коридору шло пятеро. Одеты и снаряжены примерно одинаково, а пришитая одним краем к левому плечу зеленая тряпичная ленточка вырезанная в виде длинного древесного листа только подчеркивала это – они группа. Слаженная, лыбящаяся группа с нездоровыми оскалами, чуть вспотевшими харями и изрядно выпученными глазами. И они не просто шли – группа почти бежала. Тела наклонены к земле, почти падают, ноги с трудом поспевают следом, чтобы поддержать и не дать упасть. Застывшие глаза уставлены вперед, они не обращают внимание на происходящее вокруг. Они сосредоточены. Они

крайне сосредоточены. А ставшее слышным, когда они приблизились, бормотание лишь подтвердило это.

– Мы сделаем! – уверенно заявил лыбящийся мужик со светлой шевелюрой и вмятиной на правой виске. Он все время потряхивал головой, будто стараясь вытряхнуть из уха камешек.

– Сделаем это быстро! – полностью поддержала его спешащая рядом полноватая женщина лет пятидесяти. Полноватая, но крепкая, в ладном комбинезоне, с двумя большими рюкзаками – на груди и на спине.

– Мы выполним задание качественно! Мать будет довольна! – пропищала совсем молодая тощая девчушка. Такая тощая, что ее не тронули бы даже голодные плуксы – что толку грызть эти сухие кости обтянутые потрескавшейся серой бумагой? Не тянет даже на суповый набор. Глаза возбужденно поблескивают на дне глубоких впадин, с нижней губы свисает длинная дрожащая нитка слюны.

– Быстро и качественно! И может тут же получим еще одно хорошее задание! – часто кивала головой обдолбанная нахрен старушка, успевающая не только семенить, успевая за более молодыми, но еще и отбивать что-то вроде нетерпеливой чечетки.

– Работа! Работа! Заработок! – чуть ли не стонал пятый, облизывая и облизывая губы.

Не облизывай!

Но полуослик облизывал так часто, что язык мелькал как у змеи.

Они явно местные – так принюхались, что полумаски болтаются на шеях, очки на лбах, а свернутые дождевики свисают с рюкзаков. Если отбросить впечатление от их почти несвязанной возбужденной болтовни – перед нами крепкая, слаженная и опытная рабочая группа. Возможно с мечтами создать полноценное звено или даже бригаду – зеленые ленточки на плечах говорят об этом. Как и название их группы, только что произнесенной светловолосым мужиком – Друзья Небесного Леса.

Я невольно поглядел вверх, но увидел лишь окутанные гнилостными испарениями сплетения труб.

Паутина нависла над нами… там вверху обитель Вэттэ, могучей паучихи, жены великого и главного паука Мимира.

И никакого небесного леса.

– Больше солов – больше снаряжения! Лучше инструменты! Лучше разряд!

О… что-то интересное…

– Лучше разряд – больше солов! – взвизгнула и крутнулась сухонькая старушка, радостно ощерив в улыбке редкие пеньки зубов – Больше солов! Ах! Ах! Работа!

Рабочая группа умчалась по первому кольцевому, мы же, проводив их ошалелыми взглядами, уставились друг на друга.

– Они обдолбаные напрочь – авторитетно заявил Рэк – Мемвас!

– Того же мнения – кивнул я, украдкой погладив лежащую в кармане изломанную таблетку. Что-то зацепилось за ноготь и, досадливо поморщившись, вытащил руку и убрал помеху языком. Растер горький комочек по верхней десне. Задумчиво поцыкал языком и кивнул – Они под мемвасом. Неполная доза, судя по всему.

– С чего так решил? – спросил зомби.

– Двинулись к повороту, по дороге расскажу. А на повороте Рэк вернется.

– Понял.

Сбившимся ядром двинулись по указателям. Отмеряя шагами стальную землю безумного мира, я тихо рассказывал:

– Помните эти истории про флешбэки от мемваса?

Дождавшись безмолвных кивков, я признался:

– Решил проверить. Разжевал чуток мемваса. Но вовремя опомнился и сплюнул эту хрень.

– Он же всасывается – заметил Баск.

– Точно. Еще как сука всасывается – буркнул я.

– И посетил флешбэк?

– Да. Нет. Речь не об этом сейчас, гоблины!

– Ты наркоманом смотри не стань! – зло прошипела Йорка – Лопнуть и сдохнуть!

Впитывая горечь растертого комочка наркотика, я успокоительно улыбнулся и продолжил:

– Мемвас я сплюнул. Улегся, хваля себя разумного. И тут словил приход. Но приход очень необычный. Меня от небольшой дозы этого нового для Окраины наркотика едва не катапультировало из капсулы. Я с огромным трудом удержался и не вывалился в коридор. А так желание было одно – выбраться самому, вытащить из капсул остальных из группы и ринуться на поиски заданий или же плуксов. Во мне все стучало, ревело, хрипело, стонало, ногти впились в ладони, ноги сами собой зашагали, задергались. Я изнемогал от желания выполнить задание. И не просто выполнить абы как – я хотел выполнить его ИДЕАЛЬНО! Я даже представлял себе, как его выполняю – почему-то думал про серую слизь. Я четко представлял, как мы берем пустые ведра, аккуратно, чтобы не портить посуду, несем их в комнаты, нагружаем слизью, доставляем обратно и бережно ставим на конвейер. Выполнив задание, мы тут же должны хорошенько вымыться и поторопиться в родную кляксу – где мы

немедленно истратим почти все солы на приобретение нужных вещей. Не вещей, нет. Снаряжения. Выбирать надо мудро – может купить дополнительные стельки в ботинки? Тогда шаг станет шире и пружинистей, не станем так быстро уставать, сможем пройти больше, сделать больше. Решено – покупаем стельки! Ну и пару таблеток энергетика, само собой. Еще надо бы проверить шило. И может все же купить хотя бы один нож? Черт… как же я мечтаю, чтобы мы наткнулись сегодня на стаю плуксов и схватились с ними в жаркой битве! Плуксы – это шикарная добыча! Море трофеев! Шкуры, когти, мясо! О черт! Мы же можем пожарить мясо и сожрать его за веселой беседой. Продать шкуры! Купить новых вещей! И вперед – за новым заданием и новыми монстрами!

Выдохнув, остановился, пару метров прошел молча, ощущая на себе изумленные взгляды соратников.

Криво улыбнувшись, кивнул:

– Я не шучу.

– Да бред какой-то – протянула Йорка – Оди… там ведь рассказывали про шикарный приход чуть ли не до оргазма. Мол лежишь и троекратно кончаешь. Затем утираешься, пьешь водички, тебя накрывает – и еще два бонусных оргазма. А на десерт флешбэки…

– Да – согласился я – Так и есть. Сожри таблетку мемваса – и получишь именно этот эффект. Оргазм и флешбэки. Концентрация и количество, Йорка. Одна таблетка – безволие и слюни по перекошенной в нарко-улыбке роже. Половина таблетки – похоже, примерно то же самое, но короче. А если принять еще пол таблетки – почти гарантирован в будущем флешбэк. А что, если принять треть от рекомендованной паучьим племенем дозы? А четверть? Может одну десятую? – столько, кстати, мне в кровь, наверное, и попало тогда. Десятая часть таблетки. Примешь чуть меньше – эффекта вообще считай никакого. Разве что странные мысли и искаженное восприятия мира ненадолго.

– Та группа – зомби ткнул пальцем себе за спину – Она…

– Под мемвасом – кивнул я – Да. Под небольшой его дозой. Или смесью. Думаете я единственный кто догнал до этой побочки мемваса? Уверен, что экспериментаторов много и они уже попробовали немало новых комбинаций на основ, еа серой наркоты. Вот и эта группа Друзей – их же аж рвало на части, перло к новым рабочим свершениям, мечтаниям о новом разряде – знать бы еще, что это такое. У меня такого прихода не было. Может у них свой секретный рецепт? Мемвас, ложка слизи, задняя лапа красного плукса, плевок орка и полчаса кипятить?

– Фу – скривилась Йорка – Хотя… они были прямо счастливы…

– Вот! – дернулся я и наставил на умницу-разумницу палец – Это самое главное! Они были счастливы! А в дополнение – мотивированы, целеустремлены и энергичны до неприличия. Почувствовав это на себе разок, а сейчас увидев сразу на пятерых, могу задать небесам и эльфам только один вопрос – а может это и есть главное назначение мемваса? А наркотический приход от него случается только при большой концентрации?

Оглядев задумавшихся бойцов, добавил:

– Постоянные химические мотивация, счастье, целеустремленность. Это ой как немало… Вещества даются тайно и постоянно – в микродозах. В воде, в пищевых брикетах, в таблетках. Ты все время под кайфом. Все время счастлив.

– Погоди… в воде? – рыкнул Рэк, хлопнув себя ладонью по рюкзаку.

– Да где у гоблинов мотивация и счастье? – зомби задумчиво почесал бровь – Лежат ленивыми тюленями.

– Я не про Окраину – покачал я головой – И не про Дренажтаун.

– А про ч… – начала Йорка и осеклась, когда я указал пальцем на стальное небо.

– Кто знает наверняка? – хмыкнул я, опуская руку – Но… я вот все думал – откуда у паучихи Вэттэ могло бы взяться настолько мощное оборудование, чтобы синтезировать подобное вещество? Да еще в столь солидном количестве и по реально доступной даже нищим гоблинам цене. Тут речь о фабрике. А потом подумал – а что если она не производит? А… выделяет и концентрирует уже готовый продукт? Это ведь куда проще – отфильтровать, сгустить или что они там делают? Выпарить…

– Да понял мы – перебила меня Йорка – Лопнуть и сдохнуть!

Теперь все смотрели наверх, на мерцающие над нами огоньки в тумане.

– Но если не нам, то кому такое химическое счастье? – приземленный Рэк задал главный вопрос.

– А хрен его знает – признался я – Но одно точно – если моя догадка верна, то мемвас изначально предназначен тем, чье счастье для системы куда важнее чем наше с вами. Системе плевать на гоблинов Окраины. Поэтому наша вода – просто вода. А вот тем, кто для нее важнее, водичка заряжается шикарной дозой мотивации и счастья. Знаете, поймал себя на мыслях, что все испытанные тогда эмоции – счастье, нетерпение, желание качественно выполнить задание, не терять времени зря и надеяться на встречу с плуксами – напомнили мне…

– Игру – ответил за меня Баск – Напомнили компьютерную игру. Быстрее взяться за квест, выполнить его, купить на полученную награду новое снаряжение, отправиться убивать монстров, добычу продать, пожарить их мясо, купить еще снаряжение… продолжить в том же духе… ты описал компьютерную игру, командир. Но тут все по-настоящему. Все реально.

– Да. И это логично – мемвас, похоже, неплохо приглушает инстинкт самосохранения, убирает страх. Я прямо рвался на встречу с плуксами. Предвкушал ее. Был готов даже получить раны. И относился к этому так – ну что ж? Подлечимся в медблоке.

– Где-то есть типа избранных что ли? – не выдержала Йорка – Их поят мемвасом, с веселым хихиканьем они выполняют задания, жрут мясо… то есть все как у нас, но счастья больше?

– Точно! А умные пауки сделали их мотивационного коктейля неплохую наркоту. У них ведь там полно труб и трубок. Главное знать где провертеть дырочку. Ну… хватит неподтверждённой теории. Рты держать на замке! А языки на привязи. Никому ни слова, гоблины. Все. Разбегаемся. Рэк! Помни – никакой мать его самодеятельности!

– Все сделаю четко – прохрипел гигант и с виду лениво побрел обратно по коридору, на ходу что-то пережевывая. Рэк правильно воспринял мой приказ стать очень большим и очень сильным. И старательно кормил себя при каждой возможности.

Мы же преодолели еще пару троп, при этом двигаясь не абы как, а приглядываясь, осматриваясь, скармливая информацию в биологический компьютер Баска. Его удивительный мозг без проблем впитывал новые сведения. Мы не забыли зафиксировать и маршрут полусфер на этих тропах, а пройдя по сумраку, посчитали сколько секунд он длится. Итогом недолгого похода стало почти скрупулёзное изучение двух троп. С этим и прибыли в зону 1ПФ, блок 2.

Задание: Проверка и очистка сит.

Описание: Проверить на целостность стальные средние сита. Очистить проверенные сита от твердых скоплений. Твердые скопления доставить в приемник 1ПФ-Б2.

Место выполнения: Зона 1ПФ, блок 2.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 80 солов.

Гадать о значении странного названия зоны долго не пришлось – разгадка имелась прямо на стене.

Зона Первичной Фильтрации № 1. Блок 2.

Пустой стальной зал вытянутой и узкой прямоугольной

формы. Точно такой же – первый – мы миновали с торца, успев заглянуть и убедиться, что он точно такой же. А дальше по тропе виднелся вход в третий, а следом в четвертый, пятый и… хрен его знает, как долго тянулась эта прямая и ярко освещенная широкая тропа, служащая входным тамбуром для множества идущих параллельно вытянутых залов. Зона ПФ оказалось огромной. И мерзкой. Причем мерзкой сразу по множеству параметров. Я понял это на третьей минуте изучения.

Здесь неимоверно воняло дерьмом и едкой химией. Не спасали даже полумаски.

Здесь стоял непрерывный странный гул, шорох, шепот, бульканье, шипение. Все это превращалось в настолько разлаженную какофонию, что хотелось добавить к этому шуму скрип собственных зубов.

По стенам – примерно с высоты в полтора метра – тянулись частые бурые и черные языки тягучей вонючей субстанции, уходящие в решетчатые щели вдоль стен. Центр коридора сплошная сталь, но при этом грязь с решеток налипала на подошвы многочисленных трудяг и расползалась повсюду. Дерьмо. Дерьмо было размазано жирным слоем повсюду. Я уже пожалел, что решил узнать насколько здешние городские задания отличаются от тамошних окраинных. Сука… лучше бы я двойную норму по сбору серой слизи выполнил, чем… это…

Капало… с потолка капало. Вроде прозрачным, но как не крути это конденсат. Здесь вообще невероятно влажно, душно и туманно. Блок окутан серо-желтым вонючим туманом, в нем мелькают согбенные кашляющие фигуры гоблинов с замотанными руками и лицами. Туман оседал на стенах и потолке, конденсировался и эта живительная родниковая водичка изливалась дождем на головы и пол.

Плуксы… здесь была уйма мелких плуксов. То и дело один из подходящих к стене работяг с визгом подпрыгивал, шарахался к центру блока, хватался за ногу, а в узенькой ячее решетки мелькал убирающийся обратно во тьму загнутый коготь. Плуксы, похоже, обитали прямо под зоной 1ПФ, пожирая сочащееся дерьмо и заодно пытаясь выколупать когтями хоть немного мясца из лап гоблинов-трудяг. Большой плукс даже кончик когтя не сможет пропихнуть, а вот мелочи это удавалось. И ведь не достанешь толком паршивцев – разве что шилом колоть в ответку, но для этого придется приникнуть к заляпанной решетке. Мерзость…. И опасно – вон завыл поскользнувшийся ничком на решетку гоблин. Он расшиб лицо, но это мелочь – когда он с воем подлетел и поспешно побежал к выходу – мы посторонились – мы увидели под разорванным дождевиком пропитанную потом и

кровью футболку зажатую грязными перчатками. Плукс достал его по животу. Мелкая рана. Но в живот, в брюшину. Измазанным в дерьме когтем.

– Это – прогундела в маску Йорка – Это…

– Экскременты вроде… – ответил Баск.

– Это говно! – отрезал я – Сочащееся по стенам говно! Наверняка в том числе и наше. Дренажтаун, мать его!

– Сюда стекается все дерьмо мира – согласилась со мной безликая фигурка в красном старом дождевике. Фигура с надтреснутым безразличным женским голосом.

– Вон наш участок работы – увидел я и подтолкнул своих.

Подтолкнул и ощутил сопротивление Йорки – девушка не могла заставить себя войти в эту клоаку – на этот раз реальную клоаку первичной фильтрации дерьма. Пришлось подтолкнуть сильнее и ее ботинки на сантиметр приблизились к радостно чавкнувшей бурой луже. Хотел уже пнуть излишне брезгливую гоблиншу под сраку, но тут увидел на ногах одного из работяг что-то интересное – как и на его руках. Крутнул головой и обнаружил пару прилепившихся к углу торговых автоматов.

Ага…

Оттащив своих от гнилостно дышащего входа в ад, я с неистовой надеждой приник к торгматам и после короткого осмотра ассортимента товаров, выдохнул с невероятным облегчением. Да я так не радовался даже благополучной для нас зачистки гнездилище плунарных ксарлов! А тут прямо волна радости прокатилась по телу, стоило мне обнаружить, что тут продаются дополнительные носовые фильтры, какие-то глазные капли, высокие бахилы с двойными резинками, толстые пластиковые перчатки до локтя, длинные прозрачные фартуки, полумаски, огромные очки на пол лица.

Перчатки три сола, бахилы два, фартук два, носовые фильтры два. Девять солов за все. Я приобрел все в тройном комплекте. Вспомнив про Рэка, чертыхнулся и потратил еще девять солов.

Баланс: 870.

Девять солов за все. При награде на одного в двадцать солов. Итого после выполнения задания брезгливому и заботящемуся о своем физическом и душевном здоровье гоблину останется максимум одиннадцать солов. Это в том случае, если у него уже есть полумаска, очки, дождевик. Если нет – придется покупать. И он останется вообще без награды. Бахилы выглядят непрочными. Одноразовые. Перчатки… ну попрочней. Да как бы то ни было, теперь мне ясно, почему немало из крутящихся во влажных желтых испарениях гоблины имеют на себе лишь полумаски и ничего больше из защитного снаряжения. Эти слезящиеся

выпученные глаза, кожа покрытая бурой слизью и черными пятнами, мокрые босые ноги в шлепках, насквозь влажная одежда прилипшая к тощим телам…

Я мало что знаю про ад. Просто расхожее словечко с пугающим смыслом. Но с сегодняшнего дня я знаю адрес хотя бы одного адского филиала – Безымянный мир, город Мутноводье, квартал Дренажтаун, зона 1ПФ, блок 2 и все предыдущие и следующие.

Никогда прежде мы не снаряжались с такой быстрой и такой неохотой одновременно. Скорее бы защититься… но как не хочется входить в бурый туман лезущий в коридор из второго блока.

– Сейчас я рада, что ты слепой, Баск – тяжело вздохнула Йорка. Из-за носовых фильтров ее голос изменился, стал почти неузнаваемым.

– Я тоже – глухо рассмеялся зомби – Я тоже… ну что?

– Вперед – скомандовал я – Начну с вами. А потом брошу вас в этом дерьме и свалю к Рэку на полчаса. Следом мы вас сменим и сами примемся за проверку долбанных сит… Йорка, прихвати вон там пару ведер. А я скребки нам захвачу…

Проверка и очистка сит.

Обнаружить их труда не составило – они выглядели как идущие по стене горизонтальные стальные трехметровые пластины с ручками. От них и начинались бурые потеки тянущиеся по стене до пола. Взявшись втроем за первое сито, мы дружно потянули на себя. Полоса неохотна поддалась, начала вылезать, открывая взорам туго натянутую и дрожащую от напряжения толстую мелкую сетку покрытую… всяким… Рассмотреть тяжело – сетка трясется не просто так, по ней бьет и бьет огромный вертикальный грязевой поток. Я рад носовым фильтрам. Я очень рад носовым фильтрам и полумаске…

Тянем… тянем… еще шаг назад… стоп. Вытянули сито до упора – всего-то с метр. Но сито выходило из стены реально тяжело, пару раз его перекосило и пришлось с натугой дергать туда-обратно, чтобы расклинить и все же выдернуть. Втроем это было тяжело. Вдвоем – еще тяжелее придется. Едва вытянули сито, грязевой поток за стеной прервался, а перед глазами появилась веселая зеленая анимация – улыбающиеся человечки металлическими щетками сметали с сетки всю грязь в подставленные ведра, после чего возвращали сито обратно. И все это за какие-то десять секунд.

Мы уложились в этот лимит – хотя и с трудом. Сбросили в ведра комки каких-то спутанных волос, загремели зубы, мелкие косточки, что-то бесформенное, но похожее на оплывший

изъеденный кусок мяса. А вон какие-то обломки пластика. Все это шлепнулось в ведра единой густой массой. Сито вернулось на место.

Как там говорится в какой-то сраной мудрой истине? Хочешь узнать гоблина получше – изучи его мусор и дерьмо? Ну… я в эту пузырящуюся массу руки запускать не намерен – помимо чисто физического неприятия и даже отторжения, видел там пару острых мелких предметов. Пропороть руку в ведре с говном… Увольте. Никто не захочет.

И я ошибся.

К нам подскочил качающийся гоблин с красными воспаленными глазами. Непрестанно облизывая губы, он жадно глядел на два почти полных ведра. Запустив в рот палец, он грызанул ноготь, явно собираясь с мыслями. Насладившись вкусом, глянул на Йорку и спросил:

– Эти заберу? Пустые поднесу?

– Отвали – за Йорку ответил я.

Скривившийся гоблин утер неприкрытую бугристую харю пятерней и побрел прочь. Я отказал ему не из жалости или жадности – не дай эльфы настанет в моей жизни время, когда я не захочу расстаться с ведром дерьма. Лучше сразу прострелить себе башку игстрелом. Нет. Я отказал ему по простой причине – система четко указала, что все счищенное с сита мы должны доставить в приемник. Так и поступим.

Доставив ведра, вручив Йорке с зомби пару пустых посудин, я зашагал к расположенным на тропе душевым кабинам – штук десять в ряд – бросив через плечо:

– Не усердствуйте! Бойтесь плуксов. Через полчаса ровно выходите, принимаете душ прямо в одежде и топаете до первого кольцевого. Как увидим вас – выдвинемся навстречу.

– Ясно, командир.

– Не думай, что спасся, сраный ты гоблин! – со злобой прошипела мне вслед Йорка – Ты еще вернешься… ты еще окунешься… ты еще нажре…

Я поспешно нырнул в приветственно открывшуюся дверь душевой, отрезая проклятья бешеной гоблинши…

Глава третья

Дерьмо случается.

И не всегда все складывается как задумано.

Но я сам виноват – не подумал о том, что мясо товар во всех смыслах тяжелый и неудобный. Кровит, быстро портится, относится к определенно запрещенным. Человечина как-никак разделанная.

Насчет этого сомнений уже не осталось – человечина.

Это стало ясно из торопливого и чуток сбивчивого доклада, изнемогавшего от нетерпения Рэка, что уже проклял все, что только можно было и с огромным трудом сдерживал себя от немедленных действий.

Я пришел вовремя – еще пара минут и орк бросился бы мне навстречу.

Причина – слишком уж все быстро закрутилось. Стоило нам троим покинуть первый кольцевой и, будто только этого и дожидаясь, к гаражу один за другим повалили одиночки, двойки, тройки и даже пятерки носильщиков, прибывающих с объемными пустыми рюкзаками. Прибывшие дожидались ухода полусферы наблюдения, стучали по нарисованным джунглям в дробном ритме, забрасывали в открывшуюся щель пустые рюкзаки, перебрасывались парой слов и получали другие рюкзаки – столь же большие, но уже полные и реально увесистые. Рюкзаки округлой пружинящей формы. С них не капало, упаковали явно на совесть, в паре мест Рэк обнаружил пятнышки крови, но это ерунда. Тут такое часто. Зато он увидел мелькнувшие в приоткрытой щели передающие рюкзаки руки в белых перчатках, покрытых темной кровью.

После пятой группы, что унесла четыре тяжелых рюкзака, Рэк дождался прибытия шестой – и пока последней – и рискнул пройти мимо гаража на достаточном удалении. Бутылка с коктейлем «шизы» в лапе, хрустящий на зубах пищевой брикет, громкий и злобный мат касающийся всех и вся. На столь привычную картину никто не обратил внимания. А вот Рэк кое-что услышал – деловитый говорок, поторапливание, просьбу передать хозяину Бузы, что они уже заканчивают и через часок заявятся. Надо бы оставить им обычный столик и пару кусков хорошей вырезки.

Выслушав доклад, я задал главный вопрос – условный стук запомнил?

Тут ошибиться нельзя.

На нашей стороне немало факторов. Главные – они кретины.

Могли бы выставить дозорного прямо рядом с дверью. Чтобы поглядывал по сторонам, досматривал прибывающих и был готов дать сигнал, если что-то не так. Попробуй взломай стальные двери. Бесполезно и пытаться без сварочного аппарата.

Рэк заверил – стук запомнил. Что там запоминать? Семь ударов. И не каждая из прибывших групп сумела повторить его с первого раза.

Тут вопрос в другом – делаем что-нибудь? Или уходим и ждем другой возможности? Предварительно подготовившись.

Другой возможности…

А кто знает с какой частотой эти хмыри человечинку подвозят?

Тут все от спроса на продукт зависит.

– Сколько рюкзаков всего ушло? Примерный вес каждого?

– Несуны крепкие – чуть подумав, ответил орк – В рюкзаках под тридцать-сорок кило мякоти. Навскидку. Всего ушло шестнадцать рюкзаков и три мелких свертка.

– Свертка?

– Трое одиночек забрали по свертку каждый. Там немного – килограммов под пять, может чуток больше. Для домашней готовки мягонькую вырезку прикупили? Сядут узким семейным кругом над мясом, оближут зубки подточенные…

– Кровь красная? – вздохнул я.

– Ага.

– Точно ни капли зеленой? Нигде кожи с чешуей не прилипло?

– Думаешь в гараже не свининой, а плуксятиной торгуют? – хохотнул Рэк – Командир! Шестнадцать рюкзаков мякоти! По условленному стуку. Все тайно. С поглядыванием на полусферу – точно ли укатило око материнское? Там свинину ножами пластают и в рюкзаки грузят!

– Слишком уж все небрежно…

– Так они боятся только всевышней – орк с нескрываемым сарказмом указал пальцем вверх – На остальных им считай плевать. А почему? Да потому что все у них схвачено!

– Нет – не согласился я – Ты не поверишь, насколько сильно я верю, что у них не все схвачено.

– С чего бы так?

– Если у них на самом деле везде все схвачено и договорено, а мы нагло влезем в их мясную лавку… то нам не спастись даже в самом дальнем уголке Окраины. Найдут. И еще до полуночи наши покромсанные конечности обнаружит разбросанными по тропам и тропкам, а капли крови будут вести в Зловонку – где и мы станем похрюкивать в лоботомированном оргазме. Так что,

Рэк, если ты прав – нам конец.

– Рано или поздно все равно сдохнем.

– Вот с этим я полностью согласен – усмехнулся я – Но лишь бы не свиньей!

– Положись на меня – буркнул орк – В случае чего лично тебя прикончу. Если другого выхода не будет. В этом же надеюсь и на тебя. Сможешь, командир?

– Пластану тебе по глотке, не задумываясь – искренне пообещал я – Ладно… пока эти гоблины весь товар не распродали, давай попробуем наложить лапы на кровавые остатки?

– Только этого и жду.

– Но попробуем все сделать по плану и с минимум крови и жестокости – добавил я – Сработаем технично.

– За нашими сбегать?

– Успеем ли? – задал я важный вопрос, оглядывая начавший оживать и заполняться горожанами и деревенщиной первый магистральный коридор – Не тонну же мяса они привезли. А черт… – я стиснул кулаки, сквозь зубы процедил – Какого долбанного эльфа они жрут человечину, Рэк? Раз сюда подходят с виду обеспеченные гоблины…

– Одеты на отлично – кивнул орк – Так они просто носильщики. Городская доставка свежей свининки. Вам пожирнее? С прослойками? Сегодня желаете постного мясца? А, не обращайте внимания на щетину – не успели щечки опалить, торопились доставить мясо свежим. Это вы заказывали пальцы средней жирности? А вы вроде как просили хорошо отбитую ягодицу молодой самки? Есть такая! Отложили специально для вас. Осмелюсь порекомендовать редкое лакомство – парные мозги!

– Заткнись! – негромко рыкнул я.

– Ты слишком переживаешь, командир. Поздно уже переживать. Свиней пустили под нож и разделали. А были бы свинки еще живыми в том вагоне… у них ведь вроде как шилами в мозгах ворошили? Как по мне – лучше уж тогда подождать, чтобы их кончили. А потом и постучим.

– Сам не знаю, чего так меня дергает – признался я – Но дергает люто. Стоит подумать про людоедов, про то, что кто-то рвет зубами человечину… и я готов стену проломить, чтобы добраться до ублюдка и пережать его набитую мясом глотку.

– Может из прошлого твоего что приплыло?

– Сквозь добровольно низшую блокировку? – хмыкнул я, сканируя и сканируя коридор раз за разом, отмечая каждого из десятка прохожих – Может и проскочило что-то. О… смотри…

– Вижу.

– Отвернись.

– Рэк послушно повернулся к спешащей вдоль стены фигуре, привлекшей мое внимание своей быстротой, целеустремленностью и болтающимся в руке небрежно свернутым рюкзаком.

Шанс…

– Делаем дело – тихо-тихо пробормотал я, протягивая руку и забирая из лапы орка почти пустую бутылку с водой – Отвяжи у меня с рюкзака веревку. Ту что слева. На ней петля с одной стороны.

– Готово.

– Цепляй – я вытянул руку с бутылкой и понятливый Рэк затянул на моем левом запястье петлю полутораметровой веревки.

– Пошли…

– План?

– Этот хмырь или хмырица с рюкзаком на тебе. Как только двери приоткроются и отдадут пустой рюкзак – вали хмыря дубиной. Приголубь так, чтобы рухнул между створок. И как бы потом дело не обернулось – не позволь убрать наш вялый блок! Створки не должны закрыться!

– Сделаю.

– Полусфера?

– Ползет к нам. Минуты через две-три тут будет. Проблема?

– Наоборот. Если они проворачивают свои дела в сумраке – то мы свои делаем на свету – ответил я, завязывая на веревке еще одну петлю и раскрывая ее пошире. Проверил оружие на поясе. Особенно меня интересовала дубина и она оказалась в полном порядке, вися на ремне и подрагивая словно бы от нетерпения.

– Не облажайся, Рэк! – мой голос лязгнул сталью под скрывающей лицо полумаской.

– Сам в дверях лягу – но они не закроются. А дальше?

– Дальше по обстоятельствам. Но не убиваем! Глушим!

– Глушим по обстоятельствам? Вот это прямо по мне – его лица я не видел, но Рэк явно ухмылялся во весь рот, нежно поглаживая при этом дубину.

Мы замолчали. До ворот с нарисованными джунглями два десятка шагов, а фигура впереди, будто почувствовав наше приближение, ускорила шаг. Так не терпится отведать свежего мясца, гнида? Даже если ты не жрешь, а только доставляешь рубленую человечину – ты мразь. И я желаю тебе мучительной смерти, сука.

Дробный замысловатый стук. Я даже запоминать не стал.

Зачем? Ворота тут же начали раздвигаться. Прямо за ними явно дежурят уставшие от ожидания мясники, спешащие распродать остатки товара и отправиться отдохнуть и пожрать в Бузу, где их уже ждет лучший столик и первоклассное обслуживание. Для своих самое лучшее, да, сраный любитель свиной вырезки?

Опустилась дубина.

Тихий женский вскрик, фигура в дождевике завалилась, Рэк мощным пинком в поясницу подправил направление падения. Обмякшее тело упало между створок. Из гаража запоздало послышался больше удивленный, чем испуганный возглас. Но испуга быстро добавилось, когда я сунулся между створок и, увидев знакомую харю, набросил петлю на шею шестьдесят третьего. Рывком затянул. И резко рванул на себя. Сообразивший Рэк схватился за веревку и помог совладать с боровом по ту сторону замерших дверей.

Оранжевая вспышка. И стальные двери начали сдвигаться. Упершись ручищами в створки, шестьдесят третий уставился на меня быстро краснеющими глазами. Передавило шею, сучонок? Это еще цветочки. Взмах правой рукой и – и в плечо шестьдесят третьего, пробив фасонистый оранжевый плащ, глубоко вошли шипы дубины. Рывок.

Выпучившиеся глаза ублюдка тут же безмолвно высказали всю ту степень неимоверной боли, что он ощутил.

Взмах.

И вторая дубина – орочья – вбила шипы в другое плечо привязанного к дверям бедолаги.

На исказившееся лицо шестьдесят третьего было приятно смотреть – такая невероятная мука была на нем. Изуродованные плечевые суставы сдались, ослабшие руки упали, и голова шестьдесят третьего ударила о металл одной из створок. Отклонился, сука. Ничего – подправим. Я шагнул в сторону, дергая веревку. Едва не споткнулся о зашевелившую фигуру под ногами – она не сама шевелилась, ее сдвинули с места медленно закрывающиеся створки.

Шаг в сторону спас меня – причитающийся мне удар электрошокером пришелся по ребрам Рэка. Коротко выдохнув, дернувшись всего раз, Рэк завалился, но руки не разжал и потащил дубину за собой вниз. То ли петля ослабла, то ли крик шестьдесят третьего нашел выход через другое отверстие, но его безумный воющий крик зазвучал на весь первый магистральный.

– Что же делаете, суки?! – заверещал снова замахивающийся электрошокером дедок без очков и маски, но в знакомой красной футболке – Ублюдки деревенские!

Взмах. Изогнувшись, я чудом избежал удара трещащего

элекрошокера. И тут же боднул дедушку прямо в переносицу. Хрустнуло. Что-то поддалось. Замолкший гоблин сложился, уже на полу застонал и – вот, гнида! – упорно потянулся шокером к моей лодыжке. Пришлось добавить ботинком по шее. Снова что-то поддалось с хрустом, и внезапный недруг наконец-то затих. Пнув Рэка, дернул свою дубину, проворачивая ее.

Щелчок…

Знакомый такой…

Я шарахнулся в сторону. Выстрел игстрела из глубин гаража угодил в кого-то из быстро собирающейся толпы возбужденных зевак. Закричавший гоблин схватился за живот и в корчах рухнул на пол. Выстрел. Женщина зажала руками глаз и упала молча. Выстрел. Низенькая старушка уже убегала, но игла влетела ей куда-то в поясницу. Упавшая бабка поползла на руках, волоча неподвижные ноги.

Щелчок.

Перезарядка.

Посиневший шестьдесят третий схватился искалеченной рукой за нож, но выронил его из ослабевших пальцев. И сам медленно опускался на пол, его застывшие глаза уже ничего не видели. Зато я кое-что увидел – он почти накрыл животом пустой рюкзак и крупный сверток. Рухнув на пол, прикрывшись жопой придушенного ушлепка, я сцапал сверток, вытащил. И тут же поморщился от еще одного сдавленного крика-блеяния.

– Откро-о-о-ой… Откро-о-о-ой…

Зажатая между створок баба в дождевике задрыгалась как рыба. Но ее таз остался неподвижен, намертво зажатый в тисках стальных дверей. Нет предохранителя?

Треск… плеск… натужный звук стремительно выходящей жижи и воздуха. Рад что я в полумаске – по полу потекла кровь вперемешку с дерьмом. Да это прямо фирменная фишка Дренажтауна – дерьмо в крови.

Но створки закрываются.

Привстав, резко дернул. Тут же рухнул, а над головой просвистела еще одна игла. Ублюдок! Выстрел. Из плеча многострадального шестьдесят третьего вырвало клок мяса и плаща, вывернуло дубину Рэка. Третьего выстрела пока нет. Затаился и целится. Но я вставать не собираюсь – я своего добился и пропихнул голову жертвы между створок. Но, похоже, мой план провалился – я вижу укатившуюся оранжевую хреновину. Открывашка далеко, мне не дотянуться. А жертва открыть уже не сможет – отключился.

Створки сошлись еще немного. Оставшаяся безымянной сука-носильщица скребанула ногами и сдохла в вонючей луже, что

быстро добиралась и до меня. Увидев, что створки заденут только макушку шестьдесят третьего, подтянул голову дальше, обдирая уши о края.

Ну же…

Захрипел Рэк. Со стоном перевалился на бок. Ошалело уставился на меня побелевшим глазом. Очнувшись, злобно рыкнул, ударом ноги наградил бесчувственного старичка в челюсть, от чего в его морщинистой шее еще раз что-то хрустнуло – на этот раз влажно. Орк хотел добавить, но я поспешно шикнул:

– Замри!

И нас озарило красное сияние тревожных фонарей замершей под потолком полусферы.

Разом остановились створки, а через секунду начали расползаться. На мне и моих руках скрестились красные и желтые лазерные лучи.

ВСЕМ ЗАМЕРЕТЬ!

Одиннадцатый! Отпустить веревку! Положить ладони на пол. Не двигаться!

Одиннадцатый! **Немедленный** сжатый вербальный доклад в свободной форме о происходящем!

Доклад?

О… я только за, милая ты моя. Я ведь готовился.

– Во время недавнего патрулирования было обнаружено преступление! Виновный – шестьдесят третий! В гараже скрывается его подельник, вооруженный игольным оружием! Преступление заключается в убийствах невинных жителей, расчленении их тел и продаже их мяса! Вот доказательства! – я рискнул приподнять руку и указать на сверток.

РАЗВЕРНУТЬ СВЕРТОК.

Если там дохлый плукс, то нам крышка…

Шуршащий пластик развернулся легко. И прямо перед моим лицом оказалась недавно воспетая Рэком ягодица. Опознать было легко – кожу не содрали.

Системе тоже много времени не понадобилось.

Доклад **прервать**.

Доклад **принят**.

Выдача **обязательного к исполнению экстренного** задания!

Как это принят?

Еще не все!

– Внутри гаража еще один преступник! – напомнил я – Вооруженный!

Гул. И сверкающая огнями полусфера провалилась, замерев

прямо над моей головой, повиснув в метре. В гараж ударил свет фонарей.

Щелк.

Игла с визгом отлетела от металла. Короткое мигание фонарей. И из гаража послышалось сдавленное:

– Сука… почему не стреляешь? Сука… ну же… стреляй, сука!

Ему заблокировали игстрел? Наверняка. Полезная инфа. Пауза… система явно посылает в гараж сообщение и оттуда приходит немедленный ответ:

– Да пошла ты, сука! Сдохни! Сдохни!

Шмяк…

В полусферу влетел шмат мяса и медленно сполз вниз, упав на голову, прижавшегося к полу Рэка.

Бам… от полусферы отлетел топор.

Щелк. В металле открылся крохотный лючок, высунулось дуло. Короткая щелкающая очередь. Вскрик. И полусфера резко взмыла под потолок, замерла, замигала яростно огнями.

Немедленно проверить раздел заданий.

– Меня повысили – прохрипел орк – Ой мля… мы же хотели технично… без крови… а это что? Это говно течет из дохлой суки с раздавленной жопой? Мы же и без дерьма хотели…

– Без крови и дерьма… – прокряхтел я, вставая на четвереньки и выпуская наконец веревку – Ну… как смогли, так и сработали… Очухивайся. И ослабь петлю на шее упыря в оранжевом.

– Ты ему ухо отодрал…

– А ты шею дедушке доломал…

Так…

Раздел заданий…

Чуть отодвинувшись от лужи окровавленного дерьма, открыл интерфейс и удивленно присвистнул – нихрена себе работенки привалило. В теле легкий отходняк, хренов дедушка с шокером добавил невероятно будоражащий элемент неожиданности. Одно я заметил точно – мое тело стало быстрее. Пусть ненамного, но быстрее и координированей. Списать эти успехи только на тренировки не могу. Тут немалую роль сыграли предложенные системой инъекции. И стоит мне вспомнить недавнюю встречу с уродливой зеленоглазкой легко царапающей коготками стальные стены, как из глубины души рвется жадное – и мне такого же вколите!

Задания на пару секунд закрыть. Проверить статус. Срочно.

Состав группы:

Одиннадцатый. (ПРН-Б + 1) **Лидер группы**. Статус: норма.

Девяносто первая. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Тринадцатый. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Семьсот четырнадцатый. (ОРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Рэк не ошибся. Он резко взлетел в статусе, из несчастного низшего гоблина разом перевоплотившись в боевого орка. Но чего я точно не ожидал, так это изменение своего статуса. ПРН-Б +1. Боевой полуросли к +1. Никогда о таком не слышал.

Вот теперь займемся немеркнущими зелеными сообщениями системы.

Задание по проверке и очистке стальных сит **успешно досрочно завершено**.

91-ая и 13-ый направлены в первый магистральный кольцевой.

Немедленно приступить к выполнению экстренных заданий.

Лидер группы 11-ый ПРН-Б повышен в статусе до ПРН-Б+1.

11-ый ПРН-Б+1 – награда за выполнение заданий повышена на 20 %.

714-ый УРН – статус повышен до ОРН-Б.

После выполнения экстренных заданий дать сжатый вербальный доклад в свободной форме касательно отмеченного желтым светом добровольно низшего 874-го и касательно отмеченной желтым светом добровольно низшей 2765-ой.

Глянув на кого указывают желтые лучи, решил доклад дать немедленно – одна желтая точка впилась в лоб хрипящего старичка в красной футболке, а вторая в раздавленный таз дохлой тетки пришедшей за мясцом. Указав на полезшего не в свое дело старика-лютого-ненавистного-деревенских, поднял лицо и четко заговорил:

– Восемьсот семьдесят четвертый посчитал меня и мою группу преступниками совершающими нападение. Вмешался, попытавшись остановить нас с помощью электрошокера, нанес электроудар бойцу семьсот четырнадцатому, по незнанию поставил под угрозу боевую операцию. Был немедленно нейтрализован. На данный момент самостоятельно передвигаться не может, нуждается в срочной медицинской помощи. На этом все.

Пауза… желтый свет исчез. Перед глазами мелькнула зеленые строчки:

Проверить раздел заданий.

714-ый – бесплатная диагностика и медицинская помощь.

Глянув на орка, обрадовал его:

– Сегодня у тебя бесплатный медблок. Проверят и подлечат.

– Да нахрен. Я в норме.

– Сходишь и проверишься! – добавил я металла в голос – И

мне доложишься в деталях! А еще попробуешь выпросить хотя бы пару полезных уколов в свои тощие ляжки.

– Сделаю…

Шагаем дальше. Мой палец сместился на раздавленную створками, номер называть не стал, понадеявшись на глазастость системы:

– Преступница. Явилась сюда с пустым рюкзаком, собиралась получить человеческое мясо. Была раздавлена створками бокса – створки были закрыты шестьдесят третьим. Погибла.

Проверить раздел заданий.

Задания…

Задание: Доставка 63-го в ближайший медблок. (ЭКСТРЕННО ВАЖНО!).

Описание: Принудительное сопровождение\доставка добровольно низшего 63-го в ближайший медблок. Доставить живым!

Место выполнения: 1-ый кольцевой магистральный коридор, 17-ый участок.

Время выполнения: 04:32… 04:31…

Награда: 150 солов.

Дополнительная награда: внеочередное снабжение лидера группы (ПРН-Б + 1).

Задание: Доставка 874-го в ближайший медблок.

Описание: Доставка пострадавшего добровольно низшего 874-го в ближайший медблок.

Место выполнения: 1-ый кольцевой магистральный коридор, 17-ый участок.

Время выполнения: 14:12.

Награда: 42 сола.

Ставшие несколько странными суммы наград за задания не удивили – система начала добавлять мои законные + 20 %. Но я больше внимания обратил на дополнительную награду. Внеочередное снабжение по статусу ПРН-Б + 1. При первой же возможности ринусь проверять чего дают по этому статусу.

– Наши – Рэк заметил их первыми.

По коридору как ополоумевшие неслись Йорка с Баском. Выкладывались в беге по полной. Прямо летят. И столько в них злой энергии, что городские с их дороги аж шарахаются.

– Что? Кто? Какого хрена, Оди?! – Йорка начала с вопля.

– Все целы? – Баск спросил о главном.

Не вставая, резко хлопнул в ладони, давя в зародыше беседу. И тут же начал раздавать приказы:

– Рэк! Подъем! Хватаете втроем шестьдесят третьего и старенького ненавистника восемьсот семьдесят четвертого – и по медблокам их. Немедленно. Баск, где ближайший?

– Четыреста метров. Рядом с двадцатым участком первого кольцевого.

– Живо! Бегом! Держаться настороже – кто-то может попытаться отбить или убить шестьдесят третьего. Система дала три минуты на доставку. Бегом!

Бойцы умчались через шестьдесят секунд, таща за собой веревки и привязанных к ним гоблинов. Упитанного шестьдесят третьего тащили за собой Рэк и Баск, тощего старичка волокла Йорка. Я чуть ли не с гордостью проводил их взглядом – бегут! Двигаются решительно и слажено, никаких следов забитости и страха. Из перепуганных гоблинов Окраины мы быстро превращаемся в хищников. Главное не сдохнуть на этом пути.

Подобрав с пола электрошокер, убрал в сумку. Мимоходом подумал – раз игстрелы система может отключать, то и электрошокеры тоже. А он вообще сработает в чужой руке? Вытащив девайс, активировал. Синяя дуга порадовала – работает. Видимо система приравнивает шокеры к ножам и дубинам.

Задание: Доставка А.

Описание: Доставить в любой медблок останки 1355-го.

Место выполнения: 1-ый кольцевой магистральный коридор, 17-ый участок, бокс 17А.

Время выполнения: 13:05… 13:04…

Награда: 9 солов.

Задание: Доставка Б.

Описание: Доставить в любой медблок останки 2765-ой.

Место выполнения: 1-ый кольцевой магистральный коридор, 17-ый участок, бокс 17А.

Время выполнения: 13:05… 13:04…

Награда: 9 солов.

Задание: Доставка В. (Персональное задание 11-ому ПРН-Б +1).

Описание: Доставить к любому оружейному торговому автомату игстрел 1355-го.

Место выполнения: 1-ый кольцевой магистральный коридор, 17-ый участок, бокс 17А.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 20 солов.

Задание: Доставка Г. (Персональное задание 11-ому ПРН-Б +1).

Описание: Доставить к любому торговому автомату электронный ключ НИЗУР-ДР 1355-го.

Место выполнения: 1-ый кольцевой магистральный коридор, 17-ый участок, бокс 17А.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 40 солов.

Задание: Очистка СОНФ № 284-1КМ. (Персональное задание 11-ому ПРН-Б+1).

Описание: Очистка зеленой губкой поверхности **СОНФ № 284-1КМ. Получив губку из химпота 2-1КМ, поднять скрещенные руки, дав сигнал к готовности выполнения. Очистить опустившийся СОНФ № 284-1КМ. Дать вербальный сигнал о завершении очистки. Обеспечить безопасность опущенному СОНФ № 284-1КМ.**

Место выполнения: 29-ый магистральный коридор с 20-го по 40-вой участки.

Время выполнения: без ограничений.

Награда: 50 солов.

А вот это уже действительно интересно. И радостно. Последние три задания говорят об одном – я завоевал некоторый кредит доверия у системы. Об этом говорит мой новый статус +1. Об этом же говорят прежде не появлявшиеся персональные задания. Ну и особенно громко об этом говорит то, что полусфера готова опуститься к полу по моему зову.

Не так ли случилось в Стылой Клоаке? Теперь ясно, как недосягаемая полусфера могла попасться в лапы ублюдочных вандалов – он, она или они были теми, кто пользовался немалым кредитом доверия у системы. А задание «Доставка А» подтверждает, насколько системе ценны относительно целые останки гоблинов. Валяющийся в боксе дохлый тысяча-плевать-как-там-дальше должен быть быстро доставлен в медблок и там его шустро разберут на запчасти. Комплект конечностей, внутренние органы, глаза…

Глаза…

Если Баск поднимется до моего статуса – сможет ли он тогда попросить у системы оплачиваемое восстановление глаз? Время покажет.

Встав, потянулся, косо глянул на небольшую группу, что притормозила у отмеченного лужей кровью открытого семнадцатого бокса. Те, поймав мой взгляд, поспешили нагнать уползающую обезножевшую бабку и потащили ее в сторону медблоков. Повезло гоблинам – получили дополнительное легкое задание. Минимум десятку заработают. Еще одна отметка-

напоминание – вербального доклада касательно побочного ущерба в виде раненых и дохлых зевак система у меня не спросила. Но она обязательно захотела бы узнать детали. И, следовательно, запросила доклад у кого-то другого. Запросила и получила. Возможно даже у нескольких свидетелей.

Это минус или плюс? Сложно судить. Два увидевших одно и то же событие гоблина опишут его по-разному. Для нас решающими станут слова шестьдесят третьего. А в том, что его ждет безжалостный медикаментозный допрос я нисколько не сомневался.

Ну и последнее пока что задание и заставило меня только что подняться.

Задание: Осмотр бокса 17А и доклад. (Персональное задание 11-ому ПРН-Б + 1).

Описание: Провести тщательный осмотр и обыск бокса № 17. Предоставить вербальный сжатый доклад в свободной форме.

Место выполнения: 1-ый кольцевой магистральный коридор, 17-ый участок, бокс 17А.

Время выполнения: 13:05… 13:04…

Награда: 9 солов.

Бокс встретил удушающе сильным запахом сырого мяса. Неизвестно имелась ли здесь принудительная вентиляция, но сейчас она бездействовала. Вернув полумаску на место, убрал надоевшие носовые фильтры в карман. И принялся действовать, занявшись заданиями. Подобрал с пола оранжевую хреновину и убрал ее в поясную сумку. Рыская глазами по сторонам, дошел до задней части вагона и здесь поднял чужой игстрел, забросил за плечо. Схватившись за край оконной рамы, приподнялся и заглянул в вагон. Дохлого стрелка обнаружил сразу же – лежал ничком. Виден пробитый в нескольких местах лоб. Метко и кучно. Забираться внутрь пока не стал. Прислонившись к изуродованной технике левым плечом, для начала огляделся.

Пустое помещение. Прямоугольное. От стен до вагончика в среднем метра по два. Пол сплошной, но в паре мест имеются решетки с мелкой ячеей. Освещение неплохое. Рядом с полуотворенными воротами большой металлический стол. Стоит прямо на решетке. На столе несколько аккуратно разложенных больших кусков мяса. На краю стола два прикрытых тряпками пластиковых ящика. Тут же разложены инструменты – ножи, тесаки, пара топориков. Мясницкий инвентарь. В углу большой пластиковый бак с открытой крышкой. На стене висит несколько длинных дождевиков, рядом свисает прозрачный пакет, забитый белыми перчатками. У стеночки с дождевиками приткнулась

металлическая тележка груженая тремя ящиками с мясом. Все продумано. Все подготовлено для грязной работенки.

Подойдя, снял тряпки с ящиков, заглянул внутрь. Ящики почти пусты. В одном шесть аккуратных небольших свертков. В другом две замотанные тряпками какие-то банки. Развернув один из свертков, поморщился, обнаружив в нем отрезанную женскую грудь. Шесть свертков. В каждом по сиське? Быстрая проверка показала – да, так и есть. Особый видно заказ. Гурманский.

Банки? Снять тряпку и поднять банку на уровень глаз дело недолгое. В прозрачной посудине со стальной закручивающейся крышкой плавало два глазных яблока с синей радужкой. Во второй банке оказался только один вырезанный синий глаз. Бережно опустив банки обратно в ящик, внимательно осмотрел тару. И нашел сделанные черным небрежные пометки «Окраина. В. Плукс.» на каждом. И больше ничего.

– Дерьмоед – процедил я, глядя на ящики.

Хотел добавить пару крепких слов, но тут послышался топот, в бокс залетели вернувшиеся бойцы. Спрашивать их о результатах поручения не стал – проверил интерфейс и широко улыбнулся. Два задания исчезли, а стало быть, старикан и шестьдесят третий уже в медблоках.

– Отличная работа – не поскупился я на похвалу и указал на изжеванный труп в дверях – Тащим теперь эту. А в вагоне еще один жмур. И поживей – таймер тикает.

Короткие кивки, жадные взгляды по сторонам – логово врага! – недолгая возня в задней части вагона и группа снова убежала, утаскивая за собой трупы на привязи. А я в два шага оказался у вагона и прилип к его боку. Шумная группа пришла и ушла. А звуки в вагоне остались…

Несколько скользящих осторожных шагов вдоль вагона. Напряженный слух ловит каждый шорох, в первый раз в руках игстрел. Вот… слабый шорох, а следом звук чьего-то странно сонного голоса. Чуть выждав, ухватился рукой в перчатке за край разбитого окна, упертая в колесо нога подтолкнула и игстрел уставился во внутренности вагона, нацелившись на…

– Вот дерьмо! – с чувством произнес я, убирая игстрел за спину – Дерьмо!

В вагоне имелось что-то вроде металлического закутка, этакого короба со стальной крышкой, что сейчас была откинута. И внутри закутка, на смятых тряпках, лежала упитанная розовая свинка с сонным выражением лица. Увидев меня, растянула губы в тихой улыбке, задергала приветственно безрукими плечами. Упитанный обнаженный червь лежал на тряпках и ласково мне улыбался. Хорошо вымыта, отлично расчесана, наложен умелый

макияж. К стене короба прислонена табличка с мелким убористым текстом. Сопроводительная к грузу.

«Не трахать, гоблины! Даже не лапать, суки! Подарок на юбилей К. Х! Личный подарок Понта! За ней придут! Нагадит – вымойте! Передавать чистенькой! Понт сказал!».

– Гуппа – слюняво улыбнулась мне свинка – Гу-у-уппа… кушть…

– Гуппа хочет кушать? – спросил я.

В сонных безразличных глазах не появилось осмысленности. Но свинка медленно кивнула. Тряпки под ней начали стремительно темнеть от побежавшей влаги.

– Ты меня понимаешь? Гуппа?

– Гу-у-уп-па… у… у… у…

– Личный подарок Понта – вздохнул я, забираясь в окно и доставая нож – Дерьмо…

Лезвие ножа глубоко вошло между едва прощупывающимися ребрами и пробило сердце. Молодая розовая свинка дернулась лишь пару раз и затихла, глядя в потолок снова ничуть не изменившимся сонными серыми глазами. Выдернув из-под нее сухую тряпку, прикрыл искалеченную девчонку. Сколько ей? Лицо странное, не иначе последствия лоботомии, плюс полнота. Но вряд ли ей исполнилось двадцать пять. Едва-едва за двадцать. Жить и жить. Но долбанные мрази решили ее судьбу иначе.

Дальнейший осмотр вагона ничего нового не дал. Еще один стальной короб, забитый пустыми пластиковыми ящиками и пакетами с потеками крови. Сам гараж пустой, тут нет личных вещей, не оборудован даже уголок для отдыха. Сугубо рабочее помещение.

У шестьдесят третьего обязательно имелись хранилища личных вещичек. Одно официальное и всем известное – что-то вроде арендованной капсулы. Ну и еще один схрон тайный. У подобных типов всегда так. Добраться бы до этих хранилищ и порыться в них. Но для этого надо знать их координаты. Стоило бы выбить их из шестьдесят третьего… еще как стоило бы. Вот только времени мне на это никто не дал. Это и к лучшему – долбаный мудило шестьдесят третий как раскаленная железяка – жжет руки. Он знает немало имен, может рассказать о цепочках сбыта. За ним обязательно пошлют ликвидатора те, кому есть что терять. Пошлют даже сейчас – когда он в руках системы и под защитой стен медблока. Будут надеяться, что подвернется шанс, что удастся заткнуть ублюдка до того, как он заговорит и начнет называть имена.

Хотя здешняя система правосудия удивительна.

Невероятный по мощности карательный и защищающий

орган власти, но при этом жутко ущербный, выхолощенный, во многом основанный на странных докладах, с помощью которых, если у тебя хорошо подвешен язык и есть положительная репутация, ты вполне можешь оправдаться.

Что? Шестьдесят третий на допросе заявил, что я покупал у него человечину, постоянно заказывая ребрышки средней жирности? Ну какая же чушь… я солидный городской полурослик, что уже годы и годы трудится на благо славного Дренажтауна. Я никогда не ел человечины! И не собираюсь! Что? Сдать анализы?

Вот тут тонкий момент, конечно. Уверен, что людоеда можно с точностью определить, изучив содержимое его желудка и кишечника. Что-то не до конца переваренное наверняка отыщется. И это доказательство вины. Но если последний раз человечину они жрали не сегодня и не вчера? Неделю назад?

Не каждый же день они жрут свинину. Или каждый?

Как долго в кишечнике сохраняются волокна мяса и частицы жира?

Может ли что-то дать анализ крови обвиняемых?

На эти вопросы ответов я не знаю.

– Командир!

– С возвращением – поприветствовал я чуть запыхавшихся бойцов – Рэк, помоги-ка. А вы двое – марш в душ, зловонные!

– Спешили спасать! – возмутилась Йорка – Летели спотыкаясь!

– Стольких оросили мы всяким… – Баск невольно покачал головой – Столько криков вслед было…

Кивнув, без малейшей иронии я сказал:

– Спасибо. А теперь мыться. Даю пять минут.

Зомби с гоблиншей уплелись отмываться. А мы с Рэком забрались в вагончик и остановились у короба с мертвой молодой свинкой. Приподнявшему тряпку орку хватило одного взгляда, чтобы увидеть и понять многое. Покосившись на нож у меня на ремне, угрюмо процедил:

– Вот ублюдки… даже свинку зарезали…

– Ублюдки – согласился я.

– Молодая, мягкая, сочная, красивая – нависая над едва прикрытым телом – Я бы сказал пухло-стройная. Сиськи смачные, губы…

– Рэк! Что мля за эротизм над трупом? Где-то в штанах давит?

– Конечно давит! Давно у меня ничего не было. Так что везде давит! Но я не поэтому. Свинка дорогая, командир. Элитная. Ее точно не в общем загоне откармливали или как там у них у

козлов дело поставлено. Видишь кожу?

Внимательно оглядев тело, кивнул:

– Шрамы.

– Ни одного шрама – прохрипел Рэк – Точно элитная свинка.

– Мясо для траха – наклонившись, я перевернул труп на тряпку, взялся за один конец получившихся носилок – Помогай.

– Элитное мясо для чьего-то личного траха – поправил меня орк – Такой сучкой не делятся. Не первое время так уж точно. Как натрахается и мясо наскучит – заведет себе новую, а старую игрушку отдаст другу. Тот раз сорок кончит и передаст дальше, чуть ниже по цепочке. Еще пара таких передач… и уже это будет мясо для общего траха. Пришел, сунул и ушел. Бригадный общак. Групповая вещь. Живая кукла для голодных членов.

Уловив мой вопросительный взгляд даже сквозь покрытые конденсатом очки, орк пояснил:

– Валяясь с червями на выступах окраинных… многое услышишь. Мне столько кровавого дерьма в уши залилось…

Кивнув, я вышел из вагончика, таща за собой завернутую в тряпки искалеченную девчонку. Мы донесли ее почти до выхода, где опустили на стальной пол, после чего я послал Рэка за оставшейся в стальном коробе табличкой. Когда он вернулся, взял у него послание из Зловонки, опустил на грудь свинки, а орка поманил к столу.

Показал ему отрезанные женские груди. Потаращившись на мертвую плоть, орк заключил:

– Упырок какой-то больной заказал. Больной даже для любителей свинины. Кто себе галимый жир и кожу закажет? Жарь не жарь – все по сковороде растечется. Хотя может он сиськи в духовке запекает? Или в горшочках томит вперемешку с крошенными пищбрикетами. Но все равно не еда это, командир. С такой жратвы пользы не будет. Чистое сало…

– Да плевать. Я это тебе для разогрева показывал. Рэк… помнишь про мои простые условия?

– Выполнение приказов.

– Ага – кивнул я – Верно. Выполнение приказов. И никакой самоволки.

– Ты вернул мне ноги и руку. Считай вернул жизнь. Я такого не забуду. И не подведу.

– Рад слышать. Вот в этом ящике под тряпочкой пара банок. И записка. Вдумчиво изучи банки, почитай записку. Подумай хорошенько. Подумай спокойно. Свои выводы доложишь через пару минут. Я снаружи.

– Сделаю – прохрипел орк, но по его тону было понятно, что мой внезапный ребус для него полная загадка.

Он решительно сдернул тряпку, уставился на банки. Я же вцепился в завернутое тело и вытащил его в коридор.

– А это что в тряпках? – подлетела ко мне какая-то гоблинша – Что-то дохлое, да? Что здесь было-то? Откуда кровь у входа? Под тряпку можно глянуть? Я быстро – и уже потянулась жадной лапкой – Я быстро… ой…

Сцапав ее за плечо, развернул и приложил ботинком в поясницу. От удара она пробежала метра два и только затем упала.

– Вякнешь что – и голову отрежу, сука ты любопытная – пообещал я, отворачиваясь.

Когда через пару секунд глянул через плечо – она уже торопилась прочь, одной рукой держась за спину, а другой за стену. Походка неровная, порой девка останавливалась и приникала к стене плечом. Собравшись с силами, продолжала идти. Может хоть этот внезапный жизненный урок научит ее чему-то? Хотя бы тому, что стоит убирать из голоса радостное любопытство, когда пытаешься узнать подробности недавней кровавой заварушки. И тому, что не стоит говорить «что-то дохлое, да?» про сверток на полу. Там вполне может оказаться мертвый друг стоящего рядом злого орка. Или невинная розовая свинка с ласковыми серыми глазами и тихой улыбкой на застывших губах.

Ох…

Меня пошатнуло.

Взмахнув рукой, уперся ладонью в стену. Но ладонь ощутила не холодный металл, а хрупкие кости под тонкой кожей.

Я снова провалился…

«Зажатое в мое руке хрупкое лицо старухи едва не трещало. Высокая и чуть покосившаяся от моего рывка украшенная жемчугом прическа мелко дрожала. Сжав пальцы сильнее, я подтащил старуху ближе, вытер о ее прикрытое белым шелком плечо лезвие испачканного в крови ее двух охранников ножа. На белом шелка остались желтовато-красные разводы той густой жижи, что бежала в венах двух боевых генмодов и вряд ли могла называться кровью. Слишком много в ней химии, нано и биодобавок.

– Дарья Викторовна – из-под боевой маски, отмеченной чертой пришедшего вскользь удара подохшего последним охранника, мой голос звучал приглушенным шипением – Меня послали сообщить, что ваше нежелание поддержать инициативу Брайтествэйв огорчило многих.

Пальцы сжались сильнее, под пергаментной кожей что-то затрещало, глаза старухи расширились от боли.

– Они огорчены настолько, что вы можете и не дожить до своего юбилейного стапятидесятилетия, Дарья Викторовна.

Она хотела что-то сказать, но я не позволил. Чуть повернул ладонь, выворачивая голову, до хруста перекашивая ее тонкую морщинистую шею.

– У вас последний шанс все сделать правильно, советник. Еще одна ошибка – и я наведаюсь к вашим многочисленным потомкам. Я начну с младших. И стану медленно подниматься по вашему столь богатому семейному древу, обрубая ветви одна за другой до тех пор, пока из всей вашей влиятельнейшей и чересчур гордой семьи не останетесь лишь вы – властная, важная и такая безмерно одинокая старуха с горой отрезанных голов на пороге небесного особняка. Вы меня услышали, Дарья Викторовна? Моргните…

Покрытые блестящим составом веки моргнули, на мгновение скрыв пылающие нескрываемой ненавистью глаза злобной и мудрой старухи сумевшей пережить многих своих недругов. В ее злобных глазах отразился я – мрачная и безликая черная фигура палача.

Я осторожно разжал пальцы и пошел прочь по белой ракушечной дорожке, выложенной по краям белыми округлыми камнями. Вечно цветущие белоснежные деревья склонялись над дорожкой, их перевитые крохотными белыми лампочками ветви посылали лучи мягкого освещения. Через пару шагов дорожка перешла в мостик из настоящей и безмерно дорогой белой древесины, пологой аркой перекинутый через большой пруд. Перламутровая вода, белоснежные лебеди, серебристые карпы, светящиеся пресноводные медузы и метровые в поперечнике белые кувшинки. Старуха помешана на белом цвете. Но вся белизна вокруг не сможет скрыть черноту ее прошлого. За глаза ее не называют иначе как Баба Яга.

– Это безумие – прохрипела старуха мне в спину – Задумайся, волчара. Это безумие!

Остановившись, я обернулся.

Выдергивая жемчужные нити из вконец растрепавшейся прически, скривив рот, на меня глядела она настоящая – грозная Баба Яга. А ведь она была невероятно красива когда-то…

Ничего не ответив, я отвернулся и продолжил шагать. Переступив через труп еще одного охранника – облаченный в короткую тунику альбинос с глазницами наглухо забранными белым пластиком.

– Это безумие!

Бросив последний взгляд на растрепанную белую фигурку на другой стороне моста, я перешагнул через невысокий

белокаменный бордюр и полетел навстречу белоснежному облачному полю, испещренному разноцветными светящимися росчерками торопливой летающей техники…».

– Дерьмо – выдохнул я, опуская на пол – Дерьмо…

Рука сама собой нырнула в карман и вернулась с толикой горького лакомства. Разжевав крупицу мемваса, языком растер ее по деснам нёбу, медленно поднялся, повторил:

– Дерьмо…

Нащупав взглядом стрелку указывающую на ближайший химпот, сходил за губкой и, замерев в коридоре, скрестил над головой руки, призывая запачканную кровью полусферу. Та не заставила себя ждать. Гул прибытия, жужжание сервоприводов и с потолка опустилось стальное око, покрытое желтыми и красными разводами. Очистку я произвел качественную, дважды хорошенько пройдясь губкой по всей поверхности полусферы, особое внимание уделив прозрачными сегментами, прикрывающим визоры и лампы. Поработал и сам удивился – настолько сильно посветлел очищенный метал. Руки ожесточенно терли сталь, а я лениво размышлял – о чем сейчас думает система, видя мое лицо перед визорами?

Можно ли доверять этому гоблину?

Когда этот гоблин решит предать меня?

Над полусферой, на крепящей ее к потолку штанге, торчало два рычага, уходило в гнезда три пучка проводов. Несколько быстрых движений – и стальной глаз тяжело рухнет на пол. И тогда на какое-то время немалая часть первого кольцевого магистрального коридора погрузится во мрак, превратившись в тропу смерти. Ненадолго. Быстро прибегут сюда верные слуги системы – те же фанатики Матери – и поспешно все восстановят, после чего объявят охоту на гоблина-предателя Оди. Так что эта акция ничего не даст. В Клоаке это сработало по одной причине – замкнутое низинное пространство, стылый пугающий туман поперший из всех щелей после остановки вентиляции и ожесточенное сопротивление попыткам восстановления. Так родилась Стылая Клоака. Но здесь это не сработает. Все починят. Один вопрос – а найдется ли запасная полусфера, если эту я куда-нибудь успею утащить и надежно спрятать?

Мысли, мысли, мысли…

Мигнув зеленым, полусфера поднялась под потолок и замерла. В прикрытое тряпкой тело уперся желтый лазерный луч. Не став заставлять себя ждать, откинул тряпки, являя холодному машинному взору мертвую свинку. Давая системе время изучить тело, монотонно заговорил:

– Труп обнаружен в передней части вагона. Был спрятан в

стальном коробе. Судя по всем признакам изуродованную девушку везли в подарок некоему К. Х. Об этом утверждает вот эта табличка. Из нее же можно понять, что девушка была послана неким Понтом. Смерть произошла во время штурма бокса – скорей всего ее убил ликвидированный стрелок. Так же в боксе обнаружилось два пластиковых ящика. В первом останки минимум трех женщин, во втором банки с тремя глазными яблоками. Ожидаю дальнейших указаний.

Секунда… другая…

Немедленно очистить бокс 17А от объектов биологического происхождения.

Немедленно покинуть бокс 17А.

Немедленно проверить раздел заданий.

Коротко кивнув, вошел в бокс, ухватил за плечо замершего над вторым ящиком Рэка и хорошенько встряхнул орка.

– Очнись! На выход!

– Это что же выходит… – от звучащей в хриплом голос орка свирепости многие бы тут же обделались, я же только разозлено повторил толчок и приказ:

– На выход!

Гигант качнулся, прижал к груди ящик, побрел в коридор. Прихватив ящик с мясом, я последовал за ним. Снова оказавшись в первом кольцевом, поднял взгляд к потолку и кивнул, не забыв добавить пояснение:

– Бокс 17А очищен от объектов биологического происхождения. Бокс 17А пуст.

Проверять будет?

Стальные створки вздрогнули, разорванные джунгли начали сходиться, медленно поплыла навстречу друг другу разъединённая пара красных попугаев и тянущаяся с ветки к ни о чем не подозревающей мартышке черная пантера.

Мигнув зеленым, полусфера умчалась, оставив меня с трупом, ящиками и снова задумавшимся орком, трущим и трущим пустую глазницу левой лапой, правой же продолжая прижимать к груди ящик с синими глазами. Ткнув его в спину, заставил отойти к стене, ударом ноги туда же отправил ящик, бережно оттащил убитую мной сероглазку.

Что с заданиями? А ничего особенного. На смену ушедшим добавилось два новых. И я этому только рад.

Задание: Доставка А.

Описание: Доставить в любой медблок найденные в боксе 17А объекты биологического происхождения.

Место выполнения: 1-ый кольцевой магистральный коридор, 17-ый участок, бокс 17А.

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.
Награда: 9 солов.

Задание: Доставка Б.
Описание: Доставить в любой медблок останки 996-ой.
Место выполнения: 1-ый кольцевой магистральный коридор, 17-ый участок, бокс 17А.
Время выполнения: 13:05… 13:04…
Награда: 9 солов.

– Сделано! – бодро заявила подбежавшая Йорка – Ну и денек, лопнуть и сдохнуть! От меня воняет? Сильно?

– Вроде нет – пожал я плечами.

Девушка зло сверкнула глазами – я ведь даже не оттянул с лицам полумаску.

– Баск?

Принюхавшись, зомби кивнул:

– Воняет. Немного. Но больше цитрусом, чем…

– Заткнись! – разочарованно буркнула Йорка и слепой зомби философски развел руками и вернул на место полумаску.

Что мол поделать…

– Доставка тела и ящиков в медблоки – скомандовал я – Последняя на сегодня, надеюсь. Потом можно и пообедать.

– В животе бурчит – признался Баск – Что за тело, командир?

– Поясню по дороге.

– А чего Рэк таким умным выглядит?

– И это по дороге поясню. Двинулись.

Забрать у Рэка ящик с глазами не получилось и все четыреста метров он нес его сам, бережно прижимая к груди и что-то беззвучно бормоча. У бедолаги открылись глаза? Глаз… Да плевать. Главный вопрос – дошла ли суть до его косматой головы? Подсказок полно, главное идти по этой тропке от одного указателя к другому…

Как и обещал, рассказал про сероглазую элитную свинку. Не умолчал и о том, что ее жизнь оборвал мой удар. Бойцы лишь молча кивнули, никак не прокомментировав.

У медблока пришлось ткнуть орка пару раз, чтобы он разжал наконец пальцы и отдал ящик. Я сам опустил мертвое тело на дырчатое металлическое ложе, отодвинув тряпку, заглянул в оплывшее, но все еще красивое лицо. И вышел. Перехватив Йорку, забрал у нее ящик с глазами, вытащил банки с глазами и поместил ящик так, чтобы сделанную на нем пометку было невозможно пропустить.

– Что ты делаешь? – спросила любопытная напарница, когда мы выходили.

– Подрываю кредит доверия – ответил я коротко.

– А? Поясни.

– Нет. Подумай сама – улыбнулся я – Ну что? Двинули? Время обеда, выжидания и громких обещаний.

* * *

Текущее время: 10:39.

Баланс: 860.

Мы выбрали угловой столик, бесцеремонно согнав с него пяток городских ленивцев. Те попытались возразить, но все еще молчащий и крайне задумчиво Рэк молча врезал самому говорливому в ухо. Тот, взвыв от прострелившей голову дикой боли, скрючился и позволил приятелям уволочь себя прочь из центра Гнойки.

Усевшись, мы выгрузили на стол недавние приобретения. Пищевые брикеты, изотоники, вода, белковые батончики, витамины. И принялись жрать, не обращая внимания на витающий в воздухе запах жареного мяса. Он может и подстегивал аппетит, но не вызывал ни малейшего желания отведать жаркого – после увиденных отрезанных женских грудей и отсеченной ягодицы, я не положу в рот ни кусочка приготовленного в Дренажтауне мяса.

Но терзающий меня голод просто поразителен – такое ощущение, что я не ел как минимум пару дней. Пустой желудок жил своей жизнью, набрасываясь на внутренние органы подобно озверевшей от голода собаке. Вот прямо сейчас мой желудок пытался сгрызть почку и надкусить селезенку. Я поторопился забросить в рот два пищевых кубика и, торопливо разжевав, проглотил. Залил полулитром воды – жажда! Она сильнее голода. Если взять в расчет мои физиологические отходы, то они окажутся неподобающе малы для взрослого мужика. Я ходил в туалет не больше трех-четырех раз в день, выпивая при этом четыре-пять литров воды и компота. Соседи по столику от меня не отставали, с хрустом разгрызая брикеты и таблетки, с хлюпаньем заливая в глотки воду. Чуть пришедший в себя орк довольно порыкивал, но нет-нет да касался пустой глазницы.

Первой насытилась Йорка. И тут же взялась за расспросы:

– Так чего выжидаем?

– Кого – поправил я, осматривая столики и с удовлетворением видя, что количество обращенных на нас взглядом растет.

Сначала Окраина. И теперь и Дренажтаун – наша известность

растет.

Сейчас по центру Гнойки ураганом гуляют последние громкие новости – окраинная группа завалила шестьдесят третьего и сдала его труп системе. Гоблин Оди лично протер заляпанный кровью материнский глаз. А еще гоблин Оди, лидер-деревенщина, тупой неосторожный придурок, буквально минут пять-десять назад громко заявил и несколько раз повторил свою угрозу отыскать и лично прикончить гребанного ублюдка Понта Сердцееда, людоеда и мясника, главаря ужасной Зловонки.

Только что я уловил об этом шепоток – новость докатилась до соседнего столика.

И о как смешно… и как противно…

Там сидело четверо крепких парня и одна не менее крепкая девушка. Минуту назад они достаточно громко обсуждали наше грубое поведение и, судя по их же словам, собирались доесть и допить, после чего встать и научить деревенских выскочек нормам вежливого поведения. Но вот к ним подскочил тощий однорукий орк, выпросил половину пищевого брикета в обмен на новости и, позыркивая пугливо в нашу сторону, все им рассказал, после чего побежал дальше. Пятерка за соседним столиком тут же сникла, зашепталась, а затем, повторив эту новость самим себе и покачав головами, они потихоньку встали и беззвучно испарились.

Не только они – опустело еще два соседних столика. Теперь от основной массы посетителей нас отделяла полоса отчуждения шириной в три метра. Ожидаемо.

– И кого выжидаем? – надавила Йорка.

– Тех, кому не все равно – охотно ответил я – Тех, кому не плевать на Дренажтаун, тех, кто ведет здесь сытую и спокойную жизнь, имеет немалую власть и хочет только одного – чтобы эта спокойная и сытая жизнь продолжалась как можно дольше.

– И в Дерьмотауне найдутся такие? – недоверчиво спросил слепой зомби.

– Есть – уверенно ответил я – Зловонка у многих бельмом на глазу. Система на может не давить, не может не требовать прояснить ситуацию – ведь до нее доходят слухи про исчезновение гоблинов, про торговлю человечиной. Помимо системы есть другие недовольные в городе – у кого-то пропал друг, у кого-то возлюбленная. Зловонка давит на всех и каждого. Никто не может чувствовать себя в безопасности, зная, что однажды вечерком может получить по затылку дубиной, а очнется уже в стальной клетке и поймет, что рот полон крови, а язык исчез, что ему отхерачили ноги и руки, а культи перетянули проволокой, что к его глазу медленно приближается стальное

жало шила и это означает многое – слепоту и необратимое тупое безразличие ко всему. Ты превратишься в поросенка. И однажды твою ягодицу подадут какому-нибудь богатею – а может и вместе с тушеными на медленном огне яйцами.

– Фу – Баск поежился – Брр-р…

Понимаю его – однажды он чудом избежал подобной участи. Такое не забывается. А вот друг Баск давно уже переварен любителями свининки.

– Да всем плевать – возразила Йорка – Оди… всем плевать!

– Нет – покачал я головой – Не плевать. Никто не хочет беспредела. А Зловонка – беспредел чистой воды. Я видел болотников. И уверен в этом – они наглые и уверенные в своей безнаказанности беспредельщики, что ходят здесь как живые пугала, вселяя страх в души обычных работяг. Но низшая каста мело что может. А вот высшая городская сила… А мы сегодня неплохо помогли, хорошенько растревожив эту старую язву. Сейчас гудит весь город. И сейчас же в медблоке вовсю болтает шестьдесят третий, торопясь рассказать внимательно слушающей системы как можно больше.

– Или молчит – оторвавшись от бутылки с водой, прорычал орк, наконец-то заговорив.

– Молчит? – усмехнулся я – О чем ты? Он в полной власти требовательного машинного разума. Он расскажет все что знает. И расскажет торопливо. Любой расскажет, окажись он в полной власти ничем не ограниченной в своих действиях машины. Если придется, система разберет его по атому, начав с пальцев на ногах. Единственный для него шанс сохранить свои тайны – самоубийство. Но вряд ли он подготовился к такому исходу. Думаю, шестьдесят третий уже немало рассказал. И продолжает рассказывать, мечтая только об одном – не сдохнуть. Полученная от него инфа пойдет дальше – система начнет давить на сильных города сего. А им это только на руку.

– Лишняя морока.

– И неплохой шанс поживиться – усмехнулся я – Система платит щедро.

– Все равно всем плевать – буркнула девушка – Может и мясо себе там же покупают. И только не говори мне, что среди здешних важных шишек не найдется любителей почавкать жирной свининкой!

– Обязательно найдется. Но ты уж поверь, гоблин – этим людям есть кому приказать откормить, заколоть и подать на стол элитную свинку. Зловонка же… они похищают всех подряд, гребут бабло и ведут себя в городе как хозяева.

– Ключ может себе стоило оставить? – спросил невпопад Рэк.

– Не – покачал я головой – Зачем? Для нас это просто красивая стекляшка.

Ключ от бокса я сдал в торгмат. Как и игстрел, получив за все положенную награду. Толку от этих вещей нам никакого, зато на наш счет записалось немного солов, и мы еще раз подтвердили системе, что выполняем все ее поручения.

Снова ожив, орк, что сидел вполоборота к залу, тряхнул косматой головой и тихо прорычал:

– Девушка. Нацелена точно на нас.

– Вижу – так же тихо ответил я и скомандовал – Сидим и жуем. Не грубим.

– Мы и не грубим? – с нескрываемой насмешкой восликнула Йорка – Оди, гоблин ты трахнутый, заболел что ли?

Не сумев сдержать широкую улыбку, пожал плечами:

– Тогда поправка – посмотрим, как с нами говорить станут. Так и отреагируем.

Прикидываться ничего не замечающим не стал. Поднял лицо и, меланхолично жуя, следил за быстро приближающейся гостью, выглядящей здесь так же чуждо как сверкающий рубин в куче дерьма.

Длинные красные волосы, красные брюки, оранжевая безрукавка, красные кеды. Телосложение спортивное, на губах играет легкая и чуть брезгливая улыбка. Ее никто не провожает взглядом. Суровые городские гоблины предпочитают пялиться в столешницу, но не на аппетитную попку молодой девушки. Попку я еще не видел, но почему-то не сомневаюсь, что она выглядит вполне аппетитно.

– Добрый день, Оди – ослепительно улыбнулась красноволосая красотка, остановившись в шаге от столика.

– Добрый день – кивнул я, лениво скользя взглядом по ее груди, прикрытой лишь тонкой тканью футболки.

– Меня попросили пригласить вас на обед.

– Кто?

– Нимфа Копула. Госпожа хочет лично поблагодарить героев, убивших повелителя Стылой Клоаки тролля Тролса.

– Мы с радостью принимаем предложение – улыбнулся я в ответ и поднялся.

Она, похоже, другого ответа и не ожидала и, подарив нам еще одну улыбку, повела за собой к выходу из Гнойки. Сидящие за столиками гоблины продолжали с огромным интересом изучать столешницы или собственные ладони.

В короткой беседе не прозвучало ни единого слова про человечину, Зловонку или же шестьдесят третьего. Но можно было не сомневаться – только о них и пойдет речь во время обеда

с владыкой Дренажтауна нимфой Копулой.

– Ее имя – тихо-тихо прошептала мне Йорка.

– Ее? – указал я подбородком на спину ведущей нас девушке.

– Нет. Нимфы.

– И что с ее именем?

– Он ведь что-то означает?

– А хрен его знает. А что?

– Звучит полузнакомо… да и плевать! Оди!

– Да?

– Мы живыми с того обеда вернемся? Или за обедом нас и сожрут те, кто по нашей вине сегодня остался без мяса?

Уже не шепча, наоборот, повысив голос, я успокоил напарницу:

– Сегодня точно не сожрут. Только хорошенько прощупают.

Шикнув, Йорка врезала мне кулаком в плечо и отстала, вернувшись к Баску. Краем уха я услышал ее злое:

– Лопнуть и сдохнуть!

А следом тихий и спокойный голос мудрого зомби:

– Нас же при всех пригласили. Как героев. Конечно, не сожрут!

«Не сожрут» – мысленно согласился я – «Но пожевать – пожуют. Это точно».

Мы покинули Гнойку, полную ошалевших гоблинов – на их глазах только вчера явившаяся в город неотесанная деревенщина приглашены на обед к самой нимфе Копуле.

Именно так и рождаются легенды.

Глава четвертая

Угадывать направление не пришлось.

Покинув Гнойку, провожатая свернула лишь один раз – при повороте в центральный коридор. Третий магистральный, если точнее. Не знаю как там дальше, но пока широкая стальная улица вела нас прямиком к городскому центру – тому самому, что закрыт от гостей Дренажтауна.

Центральный проход, множество горожан, важная красноволосая провожатая, что вызывает у всех настоящий трепет, сытость в желудке, легкая сонливость в мозгах и погружение в собственные мысли. Думаю, сочетание всех этих факторов и сыграло со мной злую шутку. Приближение опасности я попросту прошляпил.

Ну почти прошляпил.

Начнись атака с дальней дистанции и не ошибись эти козлы, у них вполне все могло получиться.

Но ублюдки решили попытать счастья с предельно близкого расстояния – первая ошибка.

И первым делом они решили вырубить главного в группе и напали на Рэка – вторая ошибка. Она меня и спасла, скорей всего. Хотя эти придурки настолько плохо владели оружием, что предполагать тяжело. Это вообще всегда непросто – прогнозировать действия обдолбанных дилетантов-отморозков.

Сначала я услышал знакомое жужжание и невыносимо медленно начал отклоняться. В метре пронесся жужжащий диск, с размаху угодив в полуобернувшегося Рэка – воткнувшись в левое плечо, где и застрял, оказавшись тесаком. Только тогда я и понял, что целились не в меня. Хотели угодить выглядящему главным орку в спину, но и здесь неудача.

Первого из нападавших удивила Йорка. Сильно удивила – и меня заодно. Крутнувшись, я увидел, как она толкает испуганно завизжавшего Баска навстречу высокому бородатому жиробасу в рваной майке и красной полумаске. Сама же Йорка нанесла заученный удар дубиной – он не прошел. Амбал с ирокезом шутя блокировал ее удар лезвием тесака… и тут же заорал от дикой боли, когда продолжившая многократно повторенную связку напарница опустилась на колено и вбила ему шило в ступню. И еще. И еще.

– Су-у-ка! – амбал взмахнул тесаком.

Я никак не мог предотвратить удар стремительно падающего тесака. Попросту не успевал. Но все же вытянулся в длинном прыжке, швырнул сорванную с пояса дубину, а следом и нож.

Дубина ударила ему в лицо и тесак чуть дернулся. Удар. Отсеченная рука Йорки рухнула на пол, зашедшаяся в крике девушка завалилась на бок, скорчилась от боли, зажимая культю ладонью. Мой нож ударил в обнаженную мускулистую грудь и вошел наполовину. Крика амбала осекся, он накрыл рукоять ножа ладонью, но вырвать его не успел – я ударил кулаком по его ладони, вбивая нож по рукоять. Добавил шилом в глаз – и коротким тычком другой руки вбил и его поглубже, после чего рухнул на пол и невольно заорал, ощутив дикую боль в спине. Крутнулся, перекатился, уходя от нового удара дубины – карикатурный коротышка с толстенным бочкообразным торсом и красным ирокезом с бешеными вскриками молотил дубиной по полу. Он не сразу заметил мое исчезновение и это позволило мне забрать нож из приютившего его сердца амбала. Но лезвие остывало недолго – подступив к распрямившемуся мускулистому карлику, я аккуратно и глубоко вспорол ему шею с правой стороны, после чего толкнул навстречу бегущей девке с дротиком наперевес. На дротик коротышка и налетел.

– Мимос! – тоненько вскрикнула девушка и это позволило слепому зомби точно установить ее местоположение. Баск в неуверенности замер.

– Бей! – рыкнул я и зомби обрадованно рванулся вперед.

Коронное объятие, множественные удары шилом, булькающая и плюющаяся кровью полулысая сука с ирокезом рухнула на пол, задрыгала ногами, колотя пятками по макушке свернувшегося калачиком агонизирующего коротышки Мимоса. Ты плохой! Ты плохой! Ты скушал мой дротик, сука!

Гребаный мемвас дарит лишние мысли…. И не только мне одному – судя по глазам и поведению все нападавшие что-то приняли и запили самогоном. Все под дозой. Все мнят себя героями. Таких резать легче всего.

– Баск! Займись Йоркой!

– Убью за нее! – проревел зомби – Цель! Где цель?!

– Да все уже – ответил я, всаживая нож в спину огромного детины, пытающегося задушить Рэка.

Орк добавил локтем, и детина рухнул, накрыв собой еще одну девку и тщедушного доходягу с окровавленной головой. Гортанно рыкающий орк закрутился, пытаясь отыскать хоть кого-то живого. И отыскал – по коридору бежала хромающая фигура, держась за левое бедро. Не иначе и ее Рэк зацепил. Он же за ней и рванулся на бешеной скорости.

– Живой! – заорал я вслед орку – Живой возьми! Живой!

Сам же я бросился к дергающейся и стонущей Йорке. Схватил ее за целую руку, вздернул вверх, перебросил через плечо,

коленом откинул Баска к отрубленной руке, велев:

– Подбери и сунь мне в руку!

Зомби мигом выполнил приказ, и я рванул по коридору. Вслед мне несся вопль Баска:

– Триста двенадцать шагов в эту сторону! Цифра пять-семь! Так Йорка сказала!

Я не ответил – был занят. Йорка начала сползать. Долбанная гоблинша, что-то бормоча и спазматично дергаясь, медленно сползала мне за спину. Подкинул ее чуть выше, сбил кого-то с ног, по ставшему скользким плечу стекала ее кровь.

– Не брось Баска, гоблин – прохрипела Йорка – Я сдохну, но…

– Заткнись нахрен, дура! – велел я и резко дернул головой в сторону, боднув ее в щеку – Заткнись!

Она все сползала, все скользкое, не ухватиться. Пришлось зажать отрубленную руку в зубах и покрепче схватить ее за ногу, взвалить девчонку на оба плеча и так, уже куда свободней, бежать дальше.

Три медблока. Одна дверь как раз открыта, но какой-то лысый уже занес ногу для шага внутрь. С занесенной ногой он и отлетел в сторону. Что-то вякнул, но встретился с моим бешеным взглядом, увидел болтающуюся в зубах руку и, заскулив, куда-то пополз. Я же шатнулся назад, разжал руки, распрямил плечи и Йорка рухнула на кресло. Только сейчас я увидел у нее еще одну рану – на животе.

Когда успели, суки?! Рассматривать времени нет. Уронив отрубленную руку ей на грудь, выскочил из медблока. Убедился, что дверь открыта и кровавым безумцем рванул обратно, больше всего боясь, что там уже оприходовали слепого зомби.

Баск был жив. Стоял посреди коридора с шилом и с дубиной, склонив голову, он медленно крутился и, скаля зубы в злобной усмешке, цедил:

– Всех… всех порву, мрази! Всех, сука, на куски! В месиво!

– Заткнись уже! – проревел Рэк, будто куль сбрасывая с плеча застонавшую девку с ирокезом. В ее боку торчал нож. Почка пробита самое малое. Но рана длинная, там скорей всего и селезенка вспорота. Хотя мне плевать. Даже на то, что у нее буквально сплющена и раздроблена правая ступня. Тут раз двадцать дубиной врезали. Чтобы не бегала…

Но орк же не знал, что мне плевать и, зажимая рану в руке, прохрипел:

– Заманала своими побегушками, давалка дешевая! Я ей ногу долбашу, а она мне шепчет зазывно – дам тебе, дам тебе! Н-на! – размахнувшись, орк наградил девку пинком в живот – Сама себе дай, сука вшивая!

– Йорка? – в до предела напряженном голосе зомби пульсировала тревога.

– В медблоке она – нарочито спокойным голосом ответил я, пытаясь утереть с лица стремительно застывающую кровь – Оппа…

Шагах в трех от эпицентра внезапно случившейся бойни скромненько так у стеночки лежала на спине красноволосая красотка. Красноты добавилось – ей так смачно перепахали горло, что образовалась нехилая такая лужа, в которой жалобно тонул непонятно откуда взявшийся розовый бантик.

– Вот дерьмо невеселое! – загрохотал Рэк – А я только на ее булки взгляд положил! Мля! Одна дает – не хочу! Другую хочу – сдохла! Мне теперь что делать?

– Валить в медблок! – рявкнул я – И живо!

– Да заживет.

– Бегом! Триста шагов отсюда. И дождись там Йорку! Баск! Влево от тебя три шага. Подбери тесак. И стой у стенки. Так… красноволоску кто резанул?

– Не мы! – несказанно успокоил меня убегающий орк – Та сучья бегунья ей шейку вскрыла!

На самом деле успокоил. Нет ничего более легкого, чем смерть союзника или нейтрала от твоей руки в горячке боя. Тут глаза за руками не поспевают.

– Мы… – булькнула истекающая кровью девка.

Пнув ее подошвой ботинка по губам, велел:

– Тихо.

Та, не обращая внимания на разом вспухшие и наверняка онемевшие губы внимания, торопливо и мелко закивала. В ее глазах – огромных, темных, ошалевших и перепуганных – плескалась безумная надежда. Она рвалась высказаться, но я нарочно медлил, цепко оглядывая место драки.

Дохляки все чужие. Все с ирокезами. У большинства они красные. А это что? Придавленный тушей детины долговязый задохлик с окровавленной башкой застонал, вяло дернулся, приподнял голову. К нему мелкими шажками направился зомби, чутко улавливая каждый звук и заранее подняв для удара дрожащую шипастую дубину.

– Баск! Уймись!

– Они…

– Заткнись и уймись! – уже нескрываемая сталь злобно скрежетнула в моем изменившемся голосе.

Сделав еще шаг, зомби замер.

Я же, подняв голову огляделся и понимающе кивнул. Никакой полусферы. Мы в сумраке, братья и сестры!

Надо спешить.

Наклонившись, с усилием потянул, вытягивая задохлика. Высвободив наполовину, связал ему руки за спиной. Вытянув полностью, связал и ноги. Бросил рядом со всхлипывающей девчонкой. Сам уселся рядом с ними – на спину жирного бородача с ирокезом. Удивительно – задохлик единственный с обычной прической. Жидкие пряди длинных сальных волос. Видать пытался отрастить густую гриву, но получилась какая-то жалкая хрень.

Устало вытянув ноги, глянув на дохлую красноволоску, что обещала нам обед, горько вздохнул и велел пленникам:

– Говорите.

Девка меня разочаровала. У ней начал развиваться шок, и она на глазах теряла сознание. Ну и умирала заодно. Если прямо сейчас взвалить ее на спину и поторопиться доставить в медблок, то есть все шансы на спасение.

Отвернувшись от нее, все внимание обратил на задохлика. Повторять вопрос не пришлось – тот, поняв, что никто не увидит его слабости и трусости, торопливо забубнил, оторопело разглядывая плавающие в крови трупы:

– П-приказали! Вот и все! Ничего личного, чувак! Кровяш велит – ты делаешь.

– Кровяш велел?

– Он! Я вякнул – еще мол не посвящен. Да ты сам погляди – задохлик набычился, и я не сразу понял, что он показывает мне заросшую макушку – Космы мои не обрезаны, не поставлены, не покрашены. Я еще не бригадник. Слушай… ты меня убьешь? Я ведь только и успел что тебя пнуть, да ту девку вашу в бедро пнуть вскользь, когда мимо бежал. Ничего такого.

– Конечно – широко улыбнулся я – Ничего такого. Я понимаю. Поэтому даю слово – отпущу.

– Отпустишь? Не гонишь?

– Слово даю. Уйдешь на своих ногах.

– И с руками?

– Ага.

И с пальцами всеми? И с носом и ушами?

– Ага.

– А…

– Не зли меня, ушлепок.

– Понял…

– Почему Кровяш велел нас убить?

– Да я не в курсах! Только и слышал от твоего кресла, что Кровяшу немало заплатили за расписную руку деревенской сучки. Но кто – не в курсах!

– Расписная рука деревенской сучки?

– Все так!

– И больше ничего не знаешь?

– Клянусь!

– Ну хорошо – я с тяжелым вздохом чуть переместился по спине жирного трупа, взялся за липкий от крови нож.

– Ты обещал!

– Эй… не бзди, ушлепок – буркнул я, вонзая острие ножа в мертвую плоть и давя, пока оно не уперлось в кость – Сказал же – отпущу. Но сначала награжу тебя посвящением в ваши славные ряды.

– Что? Ох… что ты делаешь?

– Ну как что? Сейчас мы тебе сделаем фирменную прическу – оскалился я, довершая оборот вокруг черепа трупа и поддевая кожу с одной сторону.

Теперь сильно, но аккуратно и без рывков потянуть, ножом подрезая кровавые нити. С треском кожа поддалась и, слетев с черепа, заболталась в моем кулаке.

– Ну вот – ласково улыбнулся я, вставая и делая шаг к забившему доходяге – Теперь твое торжественное посвящение, сученыш. Вы какие-нибудь песни поете? Стихи читаете? Ерзаете жопой на коленках ласкового босса Кровяша, что медленно стягивает с вас штанишки? Как все происходит? Может что-то там целуете? Почесываете? Танцуете?

– Стой! Нет! Стой!

– Парик я тебе знатный нашел. Но ведь надо бы сначала тебя подстричь, да? – на этот раз нож вошел в живую плоть и с хрустом пошел по голове, глубоко взрезая кожу.

– А-А-А-А-А-А! А-А-А-АГ-Г-Г-Х-Х! Сука! Сука! Ты БОЛЬНОЙ! БОЛЬНОЙ УРОД! А-А-А-А-А!

Рывок. Захрипевший доходяга отрубился на несколько секунд. А когда очнулся и безумными глазами глянул на меня, я с ободряющей улыбкой помог ему подняться, разрезал веревки на руках и ногах. Обняв за плечо, ободряюще сжал:

– Поздравляю! Тепло поздравляю тебя, малыш! Ты теперь кровяш из кровяшей! И даже не пришлось пухлыми булками по коленкам босса ерзать. Ты счастлив?

– А? Что ты…

Моргая залитыми кровью глазами, он непонимающе улыбался. Но вот до него дошло, он дернул рукой и… наткнулся пальцами на высокий могучий ирокез, гордо вздымающийся у него на макушке.

– Мама…

– Да прекрати. Тебе очень к лицу – улыбнулся я еще шире и

решительно подтолкнул его – Дуй к друзьям! Прямиком к Кровяшу! И по-дружески… мы ведь с тобой друзья? Да?

– Да… да… мы друзья… у меня на голове… его ко… кожа…

– Передай Кровяшу по-дружески – гоблин Оди скоро придет за ним и убьет. Передашь?

– Д-да… да… это… – его дрожащие пальцы зависли над ужасной нашлепкой на голове.

– Ирокез теперь твой! Не вздумай снять – зарежу, с-сука! Так до Кровяша и беги с посланием! А твои старые волосы – я глянул на дохлого жирдяя обзаведшегося новой прической – Ну не пропадать же им, да?

Увидев свой скальп на трупе, доходяга вдруг тоненько и долго завизжал. Почему-то подпрыгнув с одновременным странным поджатием ног, он неуклюже приземлился и побежал по коридору, оглашая его завыванием. Облепивший его голову еще теплый и такой красивый скальп с ирокезом гордо резал воздух. Вот бежит настоящий посвященный Кровяш… как все же легко в этой жизни кому-то помочь, исполнить чью-то заветную мечту, сделать кого-то чуточку счастливей… Все же я неплохой гоблин.

– Ты гребаный больной ублюдочный деревенский гоблин…

Чуть обернувшись, я лениво взглянул на знакомую личность.

Старик с перекошенной шеей и искаженным лицом, опирающийся на длинную дубину, держащий в другой руке шокер с зажатой клавишей, отчего голубая дуга гудела не переставая. Еще один купил? Богат ты, старче.

– Ты мерзкий ублюдочный окраинный…

– Свали нахер – велел я – Или тебя утилизируют уже сегодня.

Морщинистая пасть захлопнулась, дрожащие колени развернулись словно сами по себе, и старик зашагал прочь, не сводя с меня ненавидящего взгляда. Но я уже не видел его. Я смотрел на дохлую красноволоску…

– Добрый день. Это вы ее убили?

Снова обернувшись, я взглянул на неслышно подошедшую зеленовласку. Неслышно, но не незаметно – засек ее минуту назад. Облегающие зеленые шортики и футболка под длинным прозрачным дождевиком с большим капюшоном подчеркивают ладную и запредельно сексуальную фигурку, на губах настолько благожелательная улыбка, что почти незаметен направленный мне в живот какой-то необычный игстрел.

– Не мы – ответил я, изучая игстрел внимательнейшим взглядом – А ты от нимфы Копулы?

– Да.

Игстрел опустился к полу.

– До центра дошли слухи о кровавой драке в коридоре. Мы не думали, но…

До слуха донесся грохот тяжелых шагов. По коридору бежала спаянная группа могучих тяжеловесов.

– Еще девочки Копулы? – спросил я, глядя на мрачных мужиков, запоздало спешащих к месту закончившейся драки.

– Кто убил мою сестру? – склонив голову, спросила девушка.

Я ткнул носком ботинка сдохшую стерву с разбитыми губами.

Подойдя ближе, зеленовласка чуть наклонилась и плюнула в мертвое лицо. После чего протерла губы зеленым носовым платочком, закрыла нижнюю часть лица зеленой полумаской со здоровенными фильтрами и спросила, опуская на глаза очки в толстой зеленой оправе:

– Вы готовы продолжить путь?

– Не – качнул я головой – Мы нихрена пока не готовы. И еще около часа готовы не будем.

– Я подожду – кивнула девушка – Вон нам том пустом выступе.

На указанном ею длинном стенном выступе сидело не меньше тридцати любопытных рыл, издалека наблюдающих за происходящим. Но стоило им понять, что зеленовласка направляется именно к ним, как выступ опустел за считанные секунды и вскоре девушка грациозно уселась там в гордом одиночестве.

– А у твоей сестры не было дождевика и маски – крикнул я.

– Она была наказана Копулой – едва слышно донеслось с выступа.

– Прогулка без прикрытия под дождем из мочи и дерьма? – хмыкнул я – Эй, Баск! Слышал как здесь наказывают? Купанием в дерьме…

– Йорка…

– Топай до медблока. Заодно проверь как там орк наш раненый.

– А ты?

– А меня опять ждет секс с начальством – буркнул я, глядя на летящую по рельсу полусферу – Секс вербальный, сжатый и в свободной форме мать его…

* * *

На подсознательном уровне я все жду – когда уже из полусферы, во время очередного моего доклада, включающего в себя упоминание о нашей невинности и одновременно о куче

новых нами же наделанных искромсанных трупов, раздастся гомерический захлебывающийся хохот наконец-то прозревшего машинного разума, осознавшего, что все это время наглый мерзкий гоблин Оди его обманывал.

Почти все время и почти всегда. Как минимум искажал и подтасовывал факты.

Однако во время последнего доклада я не волновался – ведь излагал чистейшую правду. Ну почти одну лишь правду… нельзя ведь не добавить вранья в правду – вранье действует как клей, соединяя все воедино, добавляя правдоподобности даже истине.

Мы шли и никого не трогали. На нас напали накачанные наркотой и самогоном ублюдки, что быстро померли, но при этом, перед смертью, пока мы пытались остановить бегущую из их ран кровь и сделать искусственное дыхание уже почившим, они покаялись. Заявили, что состоят в ненавидящей весь мир бригаде Кровяша, поклявшегося убивать каждого, кто будет помогать системе. Особенно они ненавидят тех, кто имел шанс коснуться и отключить полусферу наблюдения, но не сделал этого. Именно поэтому взбешенный Кровяш и послал по наши души своих бойцов. Так что же нам теперь делать? Продолжать помогать системе и при этом каждый день рисковать жизнями – ведь безнаказанная ублюдочная бригада Кровяша осталась безнаказанной…

Выслушав мой доклад, полусфера задумчиво помигала зелеными и желтыми огнями, после чего с гудением умчалась по рельсу, оставив напоминание.

Проверить раздел заданий.

Несмотря на количество живописно раскинувшихся трупов, нам поручили доставить в медблок только два из них. Вполне логичное решение – двое из четырех бойцов в медблоках. Можно добавить, что третий перманентно слепой и временно перевозбужденный, но это системе неинтересно.

Тревожить дежурящего где-то у медблоков Баска я не стал. Взялся за конечности подсвеченных трупов и потащил за собой, оставляя на полу кровавые полосы. Спустя триста метров убедился сразу в нескольких вещах – я стал гораздо сильнее и выносливей, левый локоть впервые меня не беспокоит совершенно, нет даже тени боли, а вот поясница проснулась и пульсирует резкими болевыми вспышками. Чертов удар пришедшийся по спине…

Кто в этом виноват? Ударивший? Нет. Я виноват. Давно следовало экипироваться получше. Но лавина событий и вечная спешка заставляют все силы бросать на выполнение срочных заданий. И так вот с самого начала – редкие и краткие моменты

передышки, что быстро сменяются могучей волной, толкающей и толкающей нас вперед.

Запихав одно тело в свободный медблок, а еще один труп бросив на пороге еще занятого, прислонился к стене и, глядя на нервно ходящего из стороны в сторону зомби, принялся меланхолично отхлебывать водичку. Понаблюдав минуты две, не выдержал и спросил:

– Девочку ждете? Мальчика?

– Уж не Рэка точно!

– Да я не про это…

Размашисто шагающий зомби лишь махнул рукой. Пришлось отправить его торгматам в расположенной неподалеку глубокой стенной выемке. Баск подчинился, понуро потопав по коридору и скользя по стене пальцами.

Скучать в компании трупа долго не пришлось. Бесшумно открылась дверь медблока, упертая в нее голова дохляка с глухим стуком треснулась о стальной пол, выпустила изо-рта струйку темной крови. Занесший ногу орк Рэк наступил на труп, глянул на меня, стоя в этой странной позе покорителя племени ирокезов.

– Чем с ним?

– Затащи – велел я, скользнув взглядом по залитой клеем раненой руке – Как оно?

– Только мясо кромсанул мне, гаденыш – проворчал орк, затаскивая труп в медблок – Ерунда.

– Ерунда – согласился я – Деньги взяли?

– Двадцатка ушла. Дороговато за такую мелочь.

– Значит и с Йорки возьмут – заключил я.

– Утрясем проблему.

– Само собой. Туда глянь-ка.

– На зеленую и бугая рядом? Сюда топают.

– Только на бугая.

– И че? Урыть его? Я могу.

– Не – прищурив глаза, я усмехнулся, всматриваясь к размеренно шагающую к нам пару – Не сможешь. Он тебя уделает секунды за три. Причем если и напряжет мышцы, то только лицевые и ягодичные.

– Прям такой крутой? – орк недовольно сузил глаза, набычился.

– Прям таким и ты должен стать как можно скорее – сказал я – Хотя бы с виду. Опасная злобная могучая мышца. Но башку не брей.

– Да чем в нем такого? Хотя весит под полтораста кило. И рост… ну в росте он мне проигрывает… Да стану я таким! Побольше жрать и убивать. А я уже и начал.

– Так и продолжай – кивнул я – Сгоняй за Баском… Он за тем углом.

– Хнычет за углом?

– Он слишком долго за тем углом. Уже пятую минуту. Если он кого-то там уже прибил или добивает – живо тащи злого зомби сюда.

– Сделаю.

Громила утопал. Но его место тут же занял второй громила. Настоящий громила. Гора резких и сильных сухих мышц, запакованных в облегающий прозрачный дождевик, затененный только в области паха. И то не сильно. С расстояния в пару шагов уже становится ясно, что под дождевиком громила абсолютно наг. На правом запястье закреплены средней длины ножны, видна черная рукоять ножа. Левша? На лице, голове и теле ни следа растительности. Ниже приглядываться не стал.

– Не дергайся – прогудел лысый – И не бойся.

– А чего мне бояться? – искренне удивился я – Того, что тебе по голым яйцам сквозняком тянет? Да срать я хотел на здоровье твоего скукоженного небольшого богатства. Я тебе вход в медблок загораживаю? Курсы по увеличению вот-вот начнутся?

Прыснув, зеленоволосая вскинула руку, останавливая качнувшегося вперед громилу. Тихо сказала:

– Сам виноват, Брэн. Считаешь, что все боятся вида твоих накаченных сисек? Отойди.

– Нимфа приказала приглядывать за тобой.

– За мной приглядывает гоблин Оди – девушка мило улыбнулась, но в ее глазах мелькнула некая тень и громила послушно отошел. Надо отдать ему должное – на меня он косых и многообещающих взглядов не бросал. Очко в его пользу.

– Надеюсь это просто обед – улыбнулся я зеленой – А не предложение работы от нимфы Копулы.

– Не знаю. А почему нет? Все любят нимфу. Все рады работать с нимфой.

– Да мне ваша униформа не нравится – признался я, хлопнув себя по бедру прикрытому полой дождевика и брезентовыми штанами. Глянул на широченную спину остановившегося в нескольких шагах амбала. Увидел, что на уровне ягодиц, спрятавшись за затемненным дождевиком, мигает зеленый огонек.

– Не обращай внимания на Брэна. Он сам по себе такой. Любит понравившегося мальчика сначала напугать и только потом влюбить в себя. Но ты не в его вкусе – Брэн девочка томная, любит нежность и ласку, а мальчиков предпочитает добрых и трепетных. Ты не такой.

– Ага… я не такой – согласился я – А вы, девочки, чего подошли-то?

– Предупредить – бригадой Кровяша занялись – лучезарно улыбнулась зеленовласка.

– Поверили только моим словам? – с сомнением прищурился я.

– Не льсти себе, гоблин.

– Успокоила.

– Госпожа Копула узнала обо всем раньше меня. И отдала приказ. Но отсюда лучше уйти пораньше.

– Я передал Кровяшу живое письмецо с обещанием лично прикончить его.

– Не льсти себе, гоблин. Кровяша уже ищут и ему придется пожалеть о своих ошибках. Его девка убила красную гейшу нимфы Копулы. Кровяшу конец.

– Время покажет – пожал я плечами.

– Нам лучше поскорее уйти к центру. Кровяшам нечего терять и они это знают…

Беседу продолжить не удалось – из открывшейся двери медблока выпала побелевшая Йорка. Взмахнула руками в попытке удержать равновесие, и я радостно улыбнулся, подхватывая ее. Обе руки на месте. Не потратив особо много времени, система пришила лапку обратно.

Повернувшись, вручил угрюмо сопящую мрачную Йорку подлетевшему Баску. Зомби подлетел так шустро только благодаря довольно осклабившемуся Рэку, ткнувшего его пятерней в спину.

– Как ты?

– Нормально – пробурчала Йорка, и моя радость стала сильнее – в ее голосе звучала только злость. Никакой обреченность, никакой мрачности. Только злость. Дайте ей срочно любого захудалого Кровяшу и ржавый гвоздь – девушке нужно срочно выпустить пар!

– Ходить можно? – чуть нагнувшись, изучил ее живот. Края раны соединены и заклеены, по краям два широких и кажущихся лишними пластыря.

– Ноги дрожат – призналась напарница.

– Я понесу! – подхватив девушку, Бак повернул лицо ко мне – Куда?

– Идем за зеленой гейшей – широко улыбнулся я, показывая на провожатую – Или?

Зеленовласка выпрямилась и неожиданно официально подтвердила:

– Все верно. Я Норми. Зеленая гейша госпожи Копулы.

Следуйте за мной. Госпожа Копула не любит ждать.

* * *

Первые десять минут путешествия были ничем непримечательны. Очередной и давно опостылевший марш по безликим стальным коридорам. Редкие экраны вспыхивали, гасли, дарили картинки томно улыбающихся женщин и уверенных мрачных мужчин. Все как один в рабочих комбинезонах, все спокойны и деловиты. Кое-где к экранам приникли счастливцы получившие игровой вызов. Сыграй, выиграй, заработай!

Нам давненько уже ничего не перепадало. Система решила, что мы еще не заслужили короткой передышки и небольшого поощрения? Лотерея судьбы еще не выбрала наши номера?

Коридоры, коридоры….

Тропы, тропы…

Перед моим чуть расфокусированным взглядом проплывали стены с черными прямоугольниками вентиляционных решеток, яркие пятна экранов.

Странно… я чувствую себя не гоблином, шагающим по тропе. Я ощущаю себя куском мусора, плывущим по дырявой сточной трубе…

Редкая морось, что беззвучно появлялась, скапливалась в ямках пластиковой материи и крупными мутными каплями скатывалась по дождевику, набрала силу и превратилась в мелкий дождик. Дождевики часто застучали от ударов капелек, по капюшону побежали ручейки. По гладкой стали пола побежала широкая рифленая дорожка, сразу перестали скользить ботинки. Над нашими головами частые сегменты пластикового потолка. Потолок похож на огромную змею с яркой мозаичной окраской. На скелет змеи с кусками сохранившейся шкуры – многие сегменты декоративного и защищающего от вечного дождя потолка отсутствуют, в коридор с шумом изливаются небольшие шумные водопады.

Наш путь лежит через них – нагнув головы, мы пробиваем мутную гладь водяных штор, принимаем на прикрытые пластиком плечи тяжесть льющейся воды и делаем шаг дальше, оставляя преграду за спиной. Уж лучше так, чем шаг в сторону, к стене, где льющиеся потоки не так сильны – пол вдоль стен залит бурлящей грязной водой, не успевающей уходить в частые сточные решетки.

В паре мест решетки по периметру закрыты невысокими

мелкими ситами, рядом сидят сгорбленные фигуры прикрытые дождевиками или большими зонтами. Изредка фигуры оживают. Подобно больным черепахам они медленно вытягивают из рукавов кисти рук, окунают их в воду и проводят по ситам, что-то проверяя, собирая, выгружая мелкие крошки и комочки черно-зеленой слизи в небольшие пакеты или банки. Облепленные мокрыми снаружи и потными изнутри перчатками распухшие и покрытые багровыми язвами кисти рук снова скрываются в рукавах, фигура затихает, превращаясь в уличное украшение. У некоторых под прозрачными дождевиками мигают разноцветные скорбные огоньки, расположенные в явно символичных местах – гроздь мигающих красных огоньков в левой части груди, паутина разноцветных огоньков покрывающих окунающиеся в грязную воду ладони, серые или белые огоньки в пустых глазницах под капюшонами, алые и желтые огоньки пульсирующие за щеками, в ушах, на макушке. Мигающий и тухнущий зыбкий свет освещает изможденные лица и сбегающие по щеке длинные ниточки татуировок, показывающих долгие изломанные судьбы неудачников.

Дренажтаун… город широких возможностей, город забитый липким дерьмом и едкой мочой, город с живыми уличными статуями с огоньками в пустых глазницах…

Еще через двести метров коридор уперся в огромную арку. Тут дежурило целое звено крепких бойцов в серых дождевиках и высоких черных сапогах. Над каждым по огромному черному зонтику, звено стоит так, что зонты образуют над их головами единую округлую крышу, вода бессильно стучит по гудящей преграде. С локтей свисает оружие. Увидев его, я едва заметно замедляю шаг, идущий рядом Рэк вроде как случайно задевает меня плечом. Он тоже увидел их – свисающие с локтей и запястий пистолеты. Дизайн знаком – вырезанный ребенком из тонкой дощечки игрушечный пистолет с едва заметной нашлепкой утопленного картриджа с иглами. С виду не слишком удобная рукоять, но при этом габариты оружия гордо заявляют – нас легче легко спрятать за поясом штанов и прикрыть краем футболки.

Увидев нас, группа в сером осталась недвижима. Мы беспрепятственно прошли мимо и нырнули в огромную стальную арку.

Зеленые буквы сообщения?

Системный запрос?

Хоть что-то?

Нет.

Мы буднично прошли под аркой и двинулись дальше по широкой и куда как ярче освещенной улице. Позабыв про раны и

боль тихо ахнула Йорка, лихорадочно что-то зашептала на ухо Баска.

Фонари. Тут имелись выходящие из стены и стилизованные под старину уличные фонари. Болтающиеся на стальных цепях хрустальные шары налитые белым светом. Многие фонари увиты сетью разноцветных огоньков, что во многих местах накрывали собой целые участки стен, обрамляли светящейся и мигающей паутиной входы в боковые коридоры, окружали огромные экраны.

Экраны…

Тут они светились постоянно, выбрасывая в коридор, а оттуда прямиком в мозг яркие и сочные картинки. Гуляющие по коридорам группы радостно смеющихся горожан. Сидящие на скамейках парочки. Пожилая чета дремлющая в удобных с виду пластиковых креслах перед тускло светящимся экраном. С улыбкой работающие сварочными аппаратами рабочие – их улыбки по яркости могли легко соперничать со вспышками сварки. Девушка выгуливающая на поводке странное механическое создание – передняя часть от щенка, а задняя от сороконожки. Разинув набитую разноцветными огоньками пасть, подняв прозрачные пластиковые уши, домашний монстр изо всех сил налегал на поводок, тяня за собой широко улыбающуюся девушку в бордовой миниюбке и широком белом топе.

Музыка…

Она показалась слуховой галлюцинацией. Понадобилась минута, чтобы я и остальные поверили – в наши уши щедро вливали огромные порции едва слышной музыки. Играл оркестр. К классическим звукам не менее классических инструментов вполне органично добавлялся звук электрогитары. Что-то жутко позитивное и энергичное. Я глянул на Баска – подавшись вперед, наклонив голову, слепой зомби буквально впитывал в себя новое жизненное удовольствие. Доступное ему жизненное удовольствие. Зомби наслаждался музыкой… Какое щедрое и невиданное удовольствие для окраинных гоблинов.

Дождь…

Здесь его почти не было. Но в одном месте в накрывающем улицу пластиковом потолке имелся пролом и оттуда низвергался настоящий ревущий водопад, собирающийся в самодельном бассейне с решетчатым дном. Едва не перехлестывая вибрирующие бортики подсвеченная изнутри вода медленно и неохотно утекала вниз.

К ведущей нас зеленой гейше подошла еще одна – розовая. С тремя зонтиками в руках – раскрытый розовый над головой, зеленый на сгибе правой руки и красный на сгибе левой. За розовой гейшей, склонив голову, стоит еще одна девушка –

изящная, стройная, ее наготу под прозрачным дождевиком прикрывают лишь гирлянды зеленых мелких огоньков, обвивающие упругую плоть, сбегающие к бедрам… В вытянутых руках она держит прикрытую зеленым пластиком пару странной обуви на удивительной высокой подошве. Тут никак не меньше пятнадцати сантиметров. Могучие ножные платформы с логичным предназначением – чем выше от покрытого дерьмом и мочой вечно влажного пола, тем лучше. Девушка в зеленых огоньках – наверняка напрямую связанная с зеленой гейшей странными и прочными узами – опустилась на корточки, помогла зеленой переобуться. Мягко скользнула в сторону, сделала мелкий шажок и оказалась за спиной зеленой гейши. Чувствуется, что заняла привычное для нее место. Только тогда встречающая нас гейша с полупоклоном передала зеленый зонтик. Легким и явно многократно повторенным заученным движением зеленная изящно повела рукой, над ее головой с щелчком раскрылся зеленый и хитро украшенный зонт – снаружи ровная зелень, а вот изнутри сложный белый рисунок.

Передавшая зонтик гейша глянула на сопровождающего нас голого громилу-девочку с зеленым огоньком в заднице, и они неспешно зашагали обратно к арке. Закрытый красный зонтик продолжал сиротливо покачиваться на сгибе левой руки. С частым стуком чудовищно высокой обуви из подсвеченной мягким золотым светом арки выскочило две девушки – гирлянды красных огоньков под красноватыми дождевиками. С плачем они промчались мимо нас подобно потусторонним красноватым облачкам, под взлетевшими полами мелькали обнаженные бедра. Служанки спешат встретить умершую госпожу? Красные сегодня осиротели?

Сколько искреннего горя в их рыдающих голосах.

Равнодушно отвернувшись, я двинулся за зелеными фигурами, ведущими нас к светящейся золотой арке. Особого воодушевления или ощущения причастности к чему-то действительно важному или даже великому я не ощущал. Трудновато ощущать что-то такое, когда видишь, как в паре шагов от золотой арки, прикрывшись от дождя и взглядов дождевиком, со стонами совокупляются сразу трое. Над аркой же горит яркая красная стилизованная надпись «КОПУЛА», где каждая нечетная буква представлена мужиком, а четная девушкой. Какая интересная надпись… нечетные трахают четных, тела безумно изогнуты, лица искажены сладким оргазмом. Почему широко расставившая ноги буква «А» держит в руке тесак с небрежно наброшенной на него сетью алых огоньков, имитирующих льющуюся кровь?

И, само собой, я заметил еще пару мелочей.

Общие очертания «КОПУЛА» сводятся к до предела эрегированному фаллосу.

И каждые несколько секунд красная надпись меняет цвет, каждая буква окрашивается в свой цвет, превращая гигантский член в веселенькую радугу. Ну почти веселенькую – буква «П» почти не светится, она кажется темным скорбным пятном на общем ярком фоне.

К – зеленая.

О – синяя.

П – красная.

У – желтая.

Л – розовая.

А – оранжевая с красным тесаком.

Вроде бы в радуге семь цветов? А тут только шесть. Но я еще не видел владычицу радуги – нимфу Копулу. Прямо хочется познакомиться с женщиной умудрившейся начертать свое имя в форме члена с тесаком. В этом ей было не обойтись без вдохновенной и несколько извращенной фантазии. Явно незаурядная нимфа…

– Добро пожаловать – склонила голову зеленая нимфа, указав на вход – Добро пожаловать в дом Копулы – обитель боли и удовольствия.

– Это еще что? – прошептала Йорка.

– Бордель – буркнул я, не понижая голоса – По члену над аркой золотой непонятно?

– О-о-о…

Зеленая гейша растворилась в золотом свечении. Мы последовали за ней, войдя в дом боли и удовольствия нимфы Копулы.

Глава пятая

Многочисленная придверная охрана из двенадцати отлично вооруженных и экипированных бойцов пропустила нас без единого звука. Мимо моего внимания не могло пройти незамеченным то, что тут каждой «твари по паре» – два розовых, две зеленых, два синих, два оранжевых, желтые… Профессиональная радужная охрана украшенная однотонными огоньками. Сверкают все кроме красных – огни на двух мрачных мужиках потушены. Они уже знают о нелепой гибели красной нимфы и скорбят. А заодно размышляют о том, кто будет назначен на ее место.

На следующем шаге нам пришлось войти, а следом и пересечь бурную и широкую, но мелкую реку наполненную искрящейся пенной водой, что мгновенно смыла с нашей обуви каждую частицу грязи, а неслышный мощный поток теплого воздуха согнал влагу с дождевиков. Зеленая гейша прошла реку «посуху» – высокие платформы гордо пронесли ее изящные ступни над водой.

Спец ли я по борделям?

Был ли их завсегдатаем в свои прежние времена до гребанного этапа «добровольно-низший-стертые-нахрен-любимые-нелюбимые-вообще-сука-все-воспоминания»?

Попробуй тут теперь угадай.

Но, войдя внутрь, я не ощутил ровным счетом никакого волнения. А по моим бойцам такого не скажешь. Йорка вела себя как… как школьница в борделе. Смущенно чуть отстала, но при этом широко-широко раскрыла глаза и старательно тянула шею, стараясь увидеть как можно больше грязного разврата.

Баск…

А что Баск?

Остались ли в наших вычищенных стальными терками и серной кислотой мозгах хоть какие-то смешные истории?

Нет отыщется ли у меня в голове истории начинающейся с: «Слепой заходит в бордель и просит самую красивую и обязательно черную девочку…».

Рэк… орк превратился в громко фыркающего и часто переступающего с копыта на копыта быка унюхавшего пасущихся неподалеку горячих телочек. Но он пока держится, хотя и не скрывает жгучего интереса.

Я равнодушен. Хотя невольно ищу взглядом врезавшуюся в памяти фигурку незнакомки с пронзительными и до безумия зелеными глазами. Скучно… осторожно подцепив кончиками

пальцев серединку таблетки с отломанными краями, подсунул под маску и забросил ее незаметно в рот. Не разжевывая, запихнул под язык. Продолжил осматриваться.

Но рассматривать тут особо пока нечего.

Я вряд ли особо сведущ в вопросах планировки борделей, но в одном уверен – это место изначально являлось подготовленным для отдыха и долгого времяпрепровождения. Через пару минут я в этом окончательно убедился. И заодно поразился фантазии тех, кто планировал эту кляксу – а это КЛУКС, тут не может быть никаких сомнений. Забравшим это место себе не пришлось переделывать его.

Если присмотреться, то все, что им пришлось сделать – развесить повсюду никак не меньше миллиона разноцветных огоньков, погасить парочку излишне ярких фонарей, поставить длинную барную стойку, разделившую огромный зал на две неравные части и размалевать стены множеством далеко не всегда эротичных картин. Про художества можно уверенно заявить – их рисовал профи с ограненным талантом. Все невероятно реалистично и порой до отвращения болезненно.

На картинах освещенных сетями светодиодов и одновременно ими же прикрытых корчились в агонии женщины со вспоротыми животами, запуская себе в раны руки по локоть и что-то пытаясь там нашарить.

Дети… множество фигурок в шортиках и платьицах, без единой раны, царапинки или даже пятнышка крови на одежде, присутствовали на краешке каждой картины. Они ничего не делали – просто стояли поодиночке, парами и группками, держа в руках красные и зеленые шарики, прижимая к груди кукол и плюшевых мишек. Обычные дети… но ни у одного из них не было лица. Просто белесые размытые пятна на месте лиц. Безликие любопытные дети стоящие на краю и неотрывно глядящие на очередную мастерски нарисованную сцену.

Немало замерших в танце пар. Красиво и ярко одетые, они кружатся на зеленых лужайках, паркетных и мраморных полах, отплясывают на столах и барных стойках. Широко раскрыв рты, запрокинув лица, они безудержно хохочут, их переполняет веселье, они по полной наслаждаются жизнью. И при этом в каждой из танцующих пар женщина держит в руке нож с тонким красным лезвием, зачастую уже погруженным в тело мужчины или же только занесенным для грядущего удара. Даже пронзенные ножом мужчины, даже те, у кого на белых рубахах и камзолах растекаются по несколько кровавых пятен, продолжают хохотать и отплясывать, продолжают вести партнершу в смертельном для них танце.

Секс…

Он на стенах повсюду.

Обнаженные и полураздетые фигуры переплелись в экстазе. Кровавые борозды от ногтей на спинах мужчин, запрокинутые лица женщин переживающих сокрушительный оргазм, взлетающая вверх одежда, оседлавшие двух совокупляющихся рыб мужчина и женщина держащихся за руки, косматое чудовище бережно уносящее в лес не протестующую нагую красотку, стискивающий обеими руками вставший дыбом пах старик, жадно наблюдающий за раскинувшейся на кровати парой – покрытый красной шерстью демон лежит на спине, его оседлала расправившая белоснежные крылья ангел…

Пейзажи…

Дождливые пейзажи, где дома, деревья, вспаханные поля, зеленые луга, горы и величественные голубые башни на горизонте нарисованы мастерски, но небрежно, с нарочито затушеванными неясными очертаниями. Зато дождь… дождь всегда на первом плане, прорисована каждая капелька – и среди этих капель и растянутых косых росчерков часто встречаются капли алые и бурые. А еще, я увидел это лишь в паре мест, в струях дождя танцуют сорванные ветром изумрудные древесные листья…

Я невольно задрал голову – вдруг надо мной колышут ветвями хотя бы и нарисованные деревья?

Но нет.

Над нашими головами едва заметно покачивались подвешенные на цепях огромные стеклянные шары и кубы. Каждое такое «украшение» не меньше пяти метров в поперечнике. С каждого свешивается по две металлические лестницы не достигающие пола на пару метров с небольшим. Таких штук подвешено немало, но это еще не все – лестницы тянутся выше, туда, где образуется второй, а затем и третий ярус стеклянных с виду шаров и кубов. Каждая из этих махин едва заметно светится. Но это не фонари. Не источник освещения. Прозрачный материл очень толст, но сквозь него прекрасно все видно – внутри кубов и шаров расположены жилые капсулы. И они не пустуют – в некоторых спят, в других занимаются сексом, в третьих удовлетворяют себя самостоятельно. Светящиеся и окутанные разноцветными огнями шары заполненные нескрываемой похотью и жаждой плывут над нашими глазами, едва слышно маняще позвякивают лестницы, что буквально приглашают – давай! Возьмись! Поднимись к той рыжеволосой нагой красотке, что прижалась грудями к прозрачному полу и смотрит прямо на тебя расширенными от наркотического удара глазами. Она ждет тебя!

Возьми ее!

– Стоять, Рэк! – буркнул я, осаживая потянувшегося к лестнице орка.

Мне показалось или зеленая гейша взглянула на меня с неким разочарованием?

А чего ты ожидала?

Что я, распихивая остальных из группы, рванусь к лестнице? С гоготанием взлечу вверх и пристроюсь позади рыжей красотки? Может у вас так здесь так и заведено, раз уж пустили внутрь, но публичный трах с обезумевшей от наркоты шлюхой внутри подвешенного стеклянного кувшина… проклятье, не могу назвать себя гоблином с твердыми принципами и суровыми пуританином, но это как-то слишком.

Я запоздало стащил с лица маску, поднял на лоб очки, стянул капюшон. И картины разом стали ярче, в ноздри ворвался запах… еды, пота, самогона, крови и дерьма. Но последним попахивало привычно. Так свыкаешься с запахом собственных подмышек после тяжелого и изнурительного рабочего дня. А гоблины Окраины других дней и не знают. Еще тут ощущался терпкий цветочный аромат. Казалось, что он спускался сверху, давил на плечи, забивал сладкой терпкостью ноздри. Почему-то хотелось сделать глубокий вдох ртом.

Подниматься мы не стали. Нас провели к центру зала и показали на проход в барной стойке – охраняемый еще одной дюжиной разноцветных охранников. Внутренняя часть зала была поделена на полупрозрачные закутки – и здесь уже постарались относительно недавно, сделав все красиво, но вынужденно использовав подручные материалы. Пластиковые сегменты потолка, какие-то панно и прочий хлам. Входы в закутки закрыты разноцветными шторами. Я едва слышно хмыкнул, поняв систему. Именно систему. Тут ни намека на хаос, все разноцветье упорядочено.

Мы стояли на перекрестке семи дорог, что веером разбегались в стороны от пройденной нами барной стойки. И тут уже имелось не шесть цветов, а положенные семь – и седьмая дорога лежала прямо перед нами. Фиолетовые дверные шторы, фиолетовые фонарики и светящиеся панно… на этой дороге все было фиолетовым и упиралась она в высокие фиолетовые шторы украшенные золотыми веревками и фонариками.

Теперь я знаю цвет нимфы Копулы.

Нет ни тени сомнения – нас ведут именно этой тропой, центральной из веера путеводных развратных дорожек. Почти за каждой шторой раздаются долгие прерывистый стон, слышится шепот, отзвуки смеха, звон бокалов, женское и мужское

воркование. Где-то громче, где-то тише и все это как-то связано с цветами. Да тут каждой нимфе доверено свое направление похотливых предпочтений?

И кем же была красная нимфа? Вроде как именно из-за красной шторы видимой с пройденного нами перекрестка донеслись щелкающие удары хлыста и сдавленное мычание преисполненное множеством эмоций.

Инкубы и сукки прямо-таки горят на работе…

Последняя остановка случилась в ожидаемом месте – фиолетовые шторы. Украшенный дюжиной бойцов в фиолетовых цветах и почти незаметной крохотной полусферой наблюдения висящей над входом. Коротенький рельс длиной метра в три почти смешон. Его будто ради традиции добавили. И чтобы не подчеркивать тот факт, что полусфера всемогущей системы приглядывает за входом в покои нимфы Копулы, покровительницы Дерьмотауна и заодно хозяйки знатного борделя.

Опередив столь же ожидаемые слова провожатой, я снял с плеча игстрел, затем поясную сумку вместе с остальным оружием, уложив все на скромный узкий стол, приткнувшийся у стены. Очнувшиеся от созерцательной оторопи бойцы последовали моему примеру. Уловив взгляд на мою верхнюю одежду, добавил к оружию дождевик, очки и прочую защиту от здешних ароматов. Остался в штанах, футболке и ботинках. Оставил даже бейсболку. Раз уж пригласили на обед… ради такого я даже волосы приглажу на затылке.

Фиолетовые шторы торжественно и приглашающе приоткрылись.

Ну ладно…

Я вошел первым. Ну как первым – дыша в затылок зеленой гейше, что так смешно шагала на своих высоченных каблуках-платформах.

Пара шагов и… все фиолетовое волшебство полностью исчезло, сменившись безликим и даже бесцветным антуражем довольно большого, но, несомненно, сугубо рабочего офисного помещения.

Квадратная комната, в дальней стене пара ведущих куда-то дверей, в центре невысокий столик, вокруг три кресла и диванчик, приткнувшийся в углу рабочий стол, заваленный стопками пластиковых карточек, разноцветных маркеров, кучками губок.

Но все это мгновенно вылетело из головы, стоило мне только ощутить запах.

Нет. Не так.

ЗАПАХ.

В комнате оглушающе сильно пахло жареной рыбой.

Стоящий к стене спиной высоченный седой мулат ловко орудовал блестящей лопаткой, переворачивая шкворчащие на большой металлической пластине куски рыбы.

– Нимфа Копула? – осведомился я, глядя не на повара, а на жарящуюся рыбу.

– А похож? – с легким интересом спросил в ответ мулат, глядя на меня темными глазами.

Мускулистое телосложение, множество шрамов, на левой руке белый мизинец, перевязанные обычной веревкой седые дреды копной стоят над головой.

– Да мне как-то – признался я – Рыба…

– Рыба – согласился со мной хрипловатый женский голос, донесшийся сзади – Ну что? Рыбку под беседу?

– В сраку беседу – чистосердечно признался я, поворачиваясь – Сожру и так!

– Ничуть не осуждаю – рассмеялась нимфа Копула, делая шаг ближе и позволяя себя рассмотреть.

Высокая. Пышные формы только-только начали оплывать, но сохранили немало привлекательности. Для ее возраста – а выглядит она на прилизанные шестьдесят – все сохранилось более чем хорошо. Чуть мешковатая простая одежда – обыденные футболка и штаны – делают нимфу чуть моложе. Длинные фиолетовые волосы забраны в длинный пук на макушке, мудрые пронзительные глаза древней старухи смотрят пристально, изучающе.

Не только я ее – и она рассматривает мня, подмечая каждую деталь.

Я первым нарушил тишину:

– Сделаю шаг ближе – и твой повар метнет мне лопатку в спину?

– Ну почему же – чарующе улыбнулась Копула, грациозно опускаясь за рабочий стол и указывая нам на кресла – А зачем ты хочешь подойти ближе?

– Что за хрень у тебя в голове? – сделав небольшой шаг ближе, я всмотрелся в голову нимфы – Это хрень ведь не приклеена?

– Оди! – зло зашипела Йорка, едва успев сглотнуть набежавшую голодную слюну – Заткнись, гоблин! Обалдел?

Откинув голову, Копула рассмеялась, взмахнула рукой, успокаивая Йорку:

– Не переживай за меня, милая. Если я что-то и ценю в мужчинах – так это бесцеремонную прямоту. А чего не люблю –

так это ненужных церемоний и расшаркиваний.

Ткнув пальцем в ведущую в общий зал дверь, я сообщил:

– Вон там целая куча церемоний и расшаркиваний.

– Я сказала – ненужных церемоний.

– Так что за хрень у тебя в голове, нимфа?

– Посмотри и сюда – нимфа приподняла футболку.

На сохранившем упругость животе торчала такая же штука, что и на голове – разве только чуть больше в размерах.

Пластиковая фиолетовая округлая нашлепка с тремя углублениями – как раз под пальцы. Одна нашлепка утоплена в животе, другая с левой стороны головы, сразу за виском и ближе к макушке. Фиолетовая хреновина на голове сразу бросилась в глаза – вокруг нее не растут волосы. Кольцо гладкой кожи. Стоит распустить волосы – и ничего не видно. Но нимфа явно не пыталась скрыть уродующего ее «украшения».

– Милая – нимфа снова обратилась к Йорке – Усади своих мужланов. И помоги Эллу переложить рыбу на тарелки. Справишься?

Йорка едва не растаяла от новой чарующей улыбки и часто закивала. После чего принялась действовать. Больно ткнула меня в плечо и с короткой усмешкой уселся в кресло. Следующими уселись молчаливый зомби и ворчащий орк, бросающий взгляды на источающую умопомрачительный запах жарящуюся рыбу.

– Это заглушка – Копула щелкнула ногтем по пластиковой нашлепке на голове – Она прикрывает фистулу. Дыру, если говорить проще.

– Сквозная дыра в коже и черепе? – уточнил я.

– Все верно. Открути крышку – и увидишь мой мозг. Ну почти.

– Это хирургическая операция – медленно произнес я – И не слишком простая.

– Ага – безмятежно улыбнулась нимфа, не отрывая взгляда от исписанной карточки, изредка делая какие-то пометки красным маркером – Такой уж я родилась неподалеку от семнадцатой окраинной кляксы. Много-много лет назад.

И она не играла на публику, не изображала из себя поглощенную делами хозяйку борделя – она на самом деле работала, разгребая скопившиеся завалы.

– Окраина! – едва не подпрыгнула Йорка, изумленно вытаращившись на нимфу – Вы…

– С Окраины – кивнула Копула – Рождена орком, сползла до гоблина, стала зомби, превратилась в червя и радостно давала всем желающим попользоваться остатками своего тела в обмен на глоток воды и кусочек пищевого брикета. Жила грязным

беспомощным животным. Но меня спасла она – и снова нимфа щелкнула ногтем по заглушке на голове.

На этом Копула сделала нарочитую паузу. И Йорка ее не подвела. Плюхнув разложенные по пластиковым тарелкам куски рыбы на стол, она подалась к нимфе:

– Крышка в голове спасла? Как?

– Верно, милая. Это случилось прекрасным ранним утром, когда очнувшись от забытья, я поняла, что добродушный щедрый полурослик, угостивший меня целым пищевым брикетом, литром воды и пятью вот честно большими глотками алкоголя, завис над моей головой и, натужно пыхтя, нервно хихикая, пристраивает свой член вот сюда – и опять щелчок ногтем по пластиковой крышке – Щедрый полурослик решил трахнуть пьяную бедолажку особым способом – прямо в мозг. Как тебе?

– Лопнуть и сдохнуть – выдавила Йорка…

– Твою мать – добавил обычно сдержанный зомби.

– Да – ослепительно улыбнулась Копула – Это стало переломным моментом. И началось все с того, что я изрядно изгрызла хрен щедрого полурослика, после чего он схватил меня за волосы, вырвал член из моего окровавленного рта и ударил меня головой о пол. Когда я пришла в себя – была одна в том закутке. В голове открытая дыра, дикая головная боль, крышка валяется рядом. Меня спас старый и никчемный безрукий мулат, наткнувшийся на меня и с помощью пальцев ног сумевший вкрутить крышку обратно.

Нимфа лениво взглянула на седоволосого повара-мулата и перевела взгляд на Йорку:

– Такая вот обыденная жизненная история, милая. Вижу, ты хочешь что-то спросить?

– Тот ублюдок полурослик…

– Он здесь. У двери. Под черной тряпочкой – длинный фиолетовый ноготь указал на небольшой холмик у двери. Холмик прикрытый черной тряпкой – Если хочешь – посмотри.

Йорка хотела. Еще как хотела. Подойдя к тряпке, помедлила лишь миг и решительно сдернула ее. К тому времени я вовсю пожирал рыбу, пожирал с такой жадностью, что даже не чувствовал вкуса. Поверх тарелки я глянул на скрывавшееся под тряпкой и, хмыкнув, отвернулся. Отбросил опустевшую тарелку, подхватил новую – ее Йорка отложила для себя. Хитрая гоблинша выбрала себе самые жирные куски! И вот теперь, утолив первый голод, я почувствовал вкус и зажмурился от удовольствия. Вкусно… просто вкусно…

А у двери…

Там был уродливый холмик из прозрачного материала –

литров под сто чего-то похожего на застывший медицинский клей. Внутри несколько огоньков и дохлый человеческий обрубок. Изрезанное тело, кое-где не хватает кусков, срезаны щеки, между стиснутых зубов зажат отрезанный вместе с мошонкой член.

Поймав взгляд Копулы, понял, что она ждет комментариев. Неохотно оторвавшись от еды, прочавкал:

– Так себе. Но посыл понятен. И еще кое-что понятно.

– Что же?

– Еще рыба есть?

– Сколько угодно.

Будто в доказательство, мулат вытащил из небольшого ящика и бросил на небольшой разделочный столик еще живую бьющуюся рыбу. Серебряная крупная чешуя, немалый размер рыбины… удар тесака прервал мучения серебряного красавца. Отрубленная голова проехала по столику, а с моих губ неожиданно сорвалось:

– Одно доброе начало дня, байтуо…

– Что это? – удивленно приподняла бровь Копула.

– Жирный пряный острый суп из рыбьих голов и утиных яиц – без промедления ответил я и помотал головой – Просто всплыло в памяти вдруг…

Остро захотелось отгрызть кусочек от новой серой таблетки, бережно хранимой в кармане. Но я сдержал порыв руки.

Прикрывшая останки «щедрого полурослика» застывшего в вечном самоублажении, Йорка вернулась к креслам и обнаружила исчезновение своей тарелки. В ответ на ее злобный взгляд, я невозмутимо произнес:

– Урок тебе.

– Это какой?!

– Если есть шанс сожрать вкусную жареную рыбу – жри вкусную жареную рыбу, а не бегай трупами в клее любоваться!

– Да пошел ты! – прошипела девушка и с надеждой направилась к повару.

– Так что тебе еще понятно, гоблин Оди?

– Что долгое время ты жила местью – ответил я, ткнув жирным пальцем в прикрытые тряпкой останки – Представляла себе как и зачем будешь мстить, как ты поймаешь этого больного упыря, как лишишь его ног и рук, заставишь молить о прощении, а потом, после долгих пыток, прикончишь. Почти наверняка в ходе пыток ты услышала немало откровений о нехороших вещах, что он творил с другими бедными девушками.

– Верно. Как ты это понял?

– Да как-то не верится, что нормальный мужик ни с того ни с сего вдруг решит воткнуть член в чей-то мозг – и неважно живой

или мертвый. Думаю, ты была его особой сексуальной фантазией. Столько сладких дырочек… а одна особо сладкая и манящая…

– Верно… эта тварь поиздевалась над многими женщинами.

– Ну да. А ты поиздевалась над ним. После чего, когда он сдох, напоследок попробовав на вкус собственные причиндалы, ты замариновала его в корыте с клеем и лампочками. Получившееся убожество поставила на самое видное место. В центр. Чтобы ходить и любоваться. Но так как долго этой хренью даже не совсем нормальный человек любоваться не сможет, изрезанное убожество начало ерзать по этому залу. Из центра в угол, затем в другой, потом в третий. И вот наконец дохлый ублюдок у самой двери. Как приготовленный к выбросу мусор. Под эту тряпку ты не заглядывала очень долго. Хотя историю знают все. Великая история поднявшейся с самого дна нимфы Копулы, превратившейся из черведевы в повелительницу Дренажтауна. А этот мусор в клеевом кляре… Еще пару месяцев, может лет – и ты наконец-то соберешься с силами и выбросишь прошлое из своей жизни.

Повисшую тишину нарушил безудержный хохот седого мулата.

– Заткнись, Элл! – зло рявкнула Нимфа.

Ее приказ не подействовал. Мулат продолжал хохотать. Рядом с ним стояла Йорка поглощенная созерцанием процесса только брошенной на плиту жарящейся рыбы. Встрепенувшись, я спросил:

– А можно мне рыбную голову?

Мулат коротко кивнул. Внимание нимфы переключилось на меня:

– Все верно, умник. Угадал в каждой мелочи. Кроме последней.

– Это какой?

– Дерьмо в клеевом кляре я выброшу уже сегодня.

– Тебе решать – улыбнулся я – Зачем мы здесь, Копула?

– Убьешь Понта Сердцееда?

– Убью – без малейшей паузы ответил я – Но я так и так собирался. Если собиралась как-то уговаривать и что-то обещать – не старайся.

– Вот как… – могущественная покровительница и владыка Дренажтауна, хозяйка огромного борделя, выглядела неподдельно удивленной – И тебе…

– Ничего от тебя не надо – продолжил я.

– Ты убьешь Понта?

– Я убью гребанного Понта – подтвердил я.

– Я тут репетировала, подбирала нужные слова, приготовила

звено податливых девушек на любой вкус и цвет, дабы полностью ублажить боевитую деревенщину. И что прикажешь делать с мотивированными распутницами?

– Уже прямо ждут?

– Уже прямо ждут – кивнула Копула.

– Рэк?

– Да! – в коротком хриплом ответе звучало… многое.

Даже я услышал немало. А Копула так и вовсе закатила глаза – видимо опытная жрица любви прочувствовала каждую из звучащих в голосе оголодавшего по женскому телу эмоций.

– Свободен до дальнейших указаний – кивнул я.

Нимфа отыскала среди пластиковых ведомостей и отчетов небольшой колокольчик и коротко позвонила. Звук просто чудесный… и колокольчик выглядит очень дорого… очень по… эльфийски…

Вошедшей зеленой гейше не пришлось задавать вопросов – ей навстречу размашисто шагал сгорающий от нетерпения Рэк. Я же тихо спросил Баска:

– А ты чего?

– Не – твердо и спокойно ответил слепой зомби – Не надо.

Его голова едва заметно повернулась к Йорке. Я заметил. И нимфа однозначно заметила – на ее губах появилась легкая понимающая усмешка.

– А сам командир? – спросила Копула – Чресла не лопаются, гоблин? Грамм сто хорошей выпивки, податливая послушная девочка мечтающая выполнить любой твой каприз… А всего один грамм нашей фирменной смеси вдохнет новые силы в твоего переставшего гарцевать скакуна… ну или неспешного пони…

– Грамм сто выпью – с готовностью согласился я – Еще рыбы было бы неплохо. А чресла в кресле. И им нормально.

– Предложила бы и мальчиков. Отдельно и вперемешку с девочками. Но ведь вижу – ты самец старомодный.

– Старомодный – кивнул я – Самому от себя тошно – в такие ведь прогрессивные времена живу. Но с упорной тошнотворностью всеми лапами держусь за сияющее женское лоно. Баск… у вас с Йоркой увольнение. Отдыхайте. Я вас сам найду…

– В роскошной тринадцатой фиолетовой комнате – тут же добавила Копула, бросив на зомби короткий взгляд – Рыбу можете прихватить с собой и вас уже дожидаются напитки и самая настоящая большая мягкая кровать.

– Спасибо – коротко сказал поднявшийся зомби и безошибочно устремился на шум жарящейся рыбы.

Вскоре в покоях нас осталось четверо. Четверо живых и один

мертвый. Я, нимфа Копула, мулат Элл, бьющаяся новая рыбина и застывший в клею дохлый извращенец. А нет… рыбина уже не бьется…

– Я сварю тебе суп из рыбьих голов. Будет остро. Жидкий огонь. Я постараюсь изо всех сил, бвана – не скрывая насмешки, оповестил меня мулат, опуская на плиту подобие глубокого котелка.

– Я тоже люблю слово бвана – усмехнулся я в ответ.

С благодарностью принял от нимфы наполовину полный янтарной жидкости фужер. Пригубил – обалденно. Крепко и горько. Уделил должное внимание фужеру – конической формы, длинная толстая ножка, массивное круглое основание. Элитной вещью бы не назвал. Где-то в глубоко в голове есть четкое осознание, что в жизни приходилось видеть куда более дорогую посуду. Но для здешних мест это несомненно предмет роскоши.

Роскоши… роскошной…

Нимфа сказала «в роскошной тринадцатой фиолетовой». Совпадение? Или показывает свою осведомленность?

Отхлебнув еще, покрутил головой по сторонам и спросил напрямую:

– Где?

– Кто?

– Внутреннее кольцо защиты. Любимый повар не успеет меня остановить даже игстрелом. Ты крутым бойцом не выглядишь. Так кто тебя прикрывает от наглого гоблина Оди?

– Не понимаю, о чем, гоблин.

– Еще раз солжешь столь явно – и наши добрые деловые отношения закончатся не начавшись. Я сожру супчик верного мулата, выпью с ним на брудершафт и свалю отсюда. Ну или сдохну в попытке.

– Не стоит так сразу выпускать коготки, милый – промурлыкала Копула – Ну что ты за мудак такой? Однажды котик может поплатиться за свою агрессивность и неумение вести хитрую беседу. Может я просто капризничаю и не хочу говорить? Я ведь девочка. А ты сразу такой весь из себя обиженный… весь такой ощетинившийся… Будь чуточку умнее – нимфа постучала ногтем по крышке, прикрывающей черепную фистулу – Напротив тебя не тролль сидит.

– Там прямо дыра? – поинтересовался я, глядя на фиолетовую хреновину.

– Нет. Сначала что-то вроде эластичной красной мембраны.

– Искусственной?

– Агась… именно искусственной. Тебя это удивляет? Много видел вокруг природного?

– Разве что рыбу и плуксов.

– Точно подмечено. Будешь спрашивать откуда рыба?

– Зачем мне это? Вопрос только в том откуда мальки – изначальное поколение. А так ясно, что вырастили сами. Искусственный – снова это слово – пруд создать несложно. Кормить пищевыми брикетами, следить за температурой и чистотой воды, поставить аэратор, обучить методом тыка и тюка пару трудолюбивых гоблинов, обеспечить охрану личного прудика, назвать каждую рыбку собственным именем и регулярно наведываться туда с умным видом для проверки личного рыбного стада. Ну и прогуляться заодно по стальному бережку, представляя, что бредешь по песочку…

– У тебя дерьмовый характер – заключила Копула и сделала большой глоток – От таких как ты рано или поздно избавляются. Не потому что ты можешь предать. Нет. Просто, потому что надоедает терпеть такого мудака.

– Всегда ценил откровенное мнение – признался я – Так что? Полусфера бдит за безопасностью первой леди Дренажтауна? Ну и за поваром заодно присматривает…

Я демонстративно смотрел на потолок – в центре висел большой светящийся шар. Довольно хорошо вписавшийся светильник. Функциональное украшение. Разве что размеры великоваты – как раз чтобы вместить среднюю полусферу наблюдения, несущую за стальным бортом пару игольников.

– Да – легко признала Копула – Мамочка приглядывает за мной. Она же сказала мне, что тебя можно не бояться. Ты верный и старательный. Мамочка сказала не бояться. Вот я и не боюсь.

– Откуда у системы такая забота о блудной старушке? Дашь ответ?

– Я бесплатно не даю.

– А на платной основе? – заинтересованно подался я вперед – Как раз в чреслах зачесалось. Сколько за час?

Гулко захохотал мулат. Задумчиво изучившая меня нимфа, встала, сходила за бутылкой. Налила себе, плеснула меня, оставив бутылку на столике, ткнула в меня пальцем:

– У меня есть для тебя награда, гоблин. Она не слишком велика. Сочтем авансом за голову Понта, ладушки, милый?

– Я же сказал – так и так его убью.

– Ты хоть спроси, что за награда.

Вздохнув, вопросительно уставился на нимфу. Чуть помедлив, Копула широко улыбнулась и трижды позвонила в колокольчик. Едва затих третий чудесный звук, двери распахнулись и два голых амбала в прозрачных дождевиках затащили внутрь неистово бьющийся сверток. Уронили груз на

пол, поклонились нимфе и вышли вон. Мычащий сверток продолжал трепыхаться на полу прямо как вытащенная из воды рыбина.

– Позволь представить его – Копула ткнула бокалом в сверток – Кровяш. Главный гребаный ирокез. Ну что? Отказываешься от подарка?

– Принимаю с благодарностью, нимфа Копула – я бросил это через плечо, с фужером в руке шагая к мычащему свертку – И не как аванс за Понта. Отныне я у тебя в небольшом долгу.

– На кой эльф мне деревенский гоблин в должниках?

– А хрен его знает.

– Ладно. Принимается. Как-нибудь попрошу почистить капсулы после групповых соитий. А то столько жалоб на липкость и запах…

Дальше я уже не слышал. Опустившись на корточки, дернул за тесемку, потом за другую, с неспешной радостью открывая нежданный, но, не скрою, приятный подарок.

– Привет – с веселым добродушием сказал я, заглянув в перепуганные глаза запакованного мужика со сломанным носом и заклеенным ртом.

Надо отдать должное – о пленнике позаботились, оставив в пластыре прорезь, чтобы он не задохнулся. Поэтому я начал с того, что прижал прорезь тычком кулака и, наблюдая, как Кровяш безуспешно пытается сделать вдох забитым кровью и соплями носом, сказал:

– Я Оди. Ты послал своих крыс убить нас, но они облажались. Ты, гнида, послал крыс отрубить руку одному из моих бойцов. И этих сук почти получилось…

Выждав еще неспешные тридцать секунд, убрал кулак.

Судорожный облегченный вдох. Но никакого выдоха – мой кулак вернулся на место вместе с ударом, вновь отрезая воздух.

– Ты расскажешь мне кто тебе заплатил за расписную руку – я не спрашивал, я утверждал, говоря спокойно и размеренно – Расскажешь в мельчайших подробностях. Не упустишь ни одной крохотной детали. Ты меня понял?

Часто замигавшие выпученные глаза отчетливо выразили полное согласие задыхающегося Кровяша. Из его ноздрей поползли кровавые сопли – он неистово пытался освободить дыхательные пути и сделать вдох. Хотя бы один мелкий вдох, дать мозгу и сердцу немного кислорода…

Я убрал кулак. Рывком содрал пластырь. Выжидательно уставился на пленника. Тот не подвел – заговорил. Вот только обратился не ко мне. Вывернул голову, он хрипло закричал, даже не пытаясь скрыть звучащий в голосе страх:

– Копула! Да ладно тебе, владыка! Никто не хотел трогать твою девочку! Случайно ее зацепили! К чему воевать? Моя бригада не желает войны с госпожой Копулой!

– Воевать с кем? – удивленно отозвалась Копула, медленно подходя с бутылкой к повару и наливая ему порцию спиртного – Вас больше нет, милый. Треть сегодня подохла и уже вовсю разбирается на части в медблоках. Две трети разбежались по темным углам. Кто-то рванул по Гиблому Мосту, кто-то поспешил к Улыбке Над Бездной, многие спрятались в Зловонке, другие забились в темные углы здесь, в Дренажтауне. Пока мы с тобой говорим, твоим оркам режут глотки.

– Остановись! Мы искупим! Замолим вину! Просто назови цену, госпожа!

Не пытаясь мешать не туда повернувшей беседе, я внимательно слушал. Уселся поудобней и слушал, делая мелкие глотки из фужера, любуясь янтарными волнами сквозь хрусталь, что оставляли на стенках маслянистые следы.

– Ты не понял, Кровяш – нимфа отвернулась – Мамочка списала тебя. Шестьдесят третий много чего рассказал в медблоке. Он ответил на каждый вопрос Матери, наблюдая, как она медленно разбирает его и не в силах солгать или промолчать. Оди… ты знаешь, как Мать проводит допрос тех, в чьей вине больше не сомневается и чью участь уже решила?

– Нет.

– Однажды я попросила. И любимая мамочка не отказала. На моих глазах она разобрала на мелкие кусочки одного ублюдка, вздумавшего изобразить какого-то снящегося ему психопата и взявшегося похищать и кромсать моих вышедших погулять девочек. Он резал им животы, уносил внутренние органы, оставлял странные кровавые письмена на стенах. Его выследил Элл. Оглушил и притащил сюда.

Мы все внимательно слушали – а Кровяш так с особым вниманием.

– Мы хотели решить все сами. Но не успели – Мать потребовала ответа, а узнав кто это, велела немедленно доставить в медблок. Тогда-то я и попросила. Элл тоже был там, пряча в кармане тайком отрезанный мизинец.

Мулат улыбнулся, показал темную руку с белым мизинцем.

– Мы уложили его на кресло. Один укол… и он замер. После чего Мать принялась за него всерьез. Сначала забрала комплект, начав с ног. Следом вскрыла живот и принялась бережно забирать один орган за другим. А он все видел, смотрел завороженно, неотрывно, стонал и плакал, отвечая на вопрос за вопросом и провожая взглядом уходящие прочь органы. Почка, селезенка,

вторая почка. Все отрезанное заменялось трубками. Кожа срезалась широкими лоскутами и длинными лентами, выдираемые кости проверялись и исчезали в больших прозрачных контейнерах… Под конец от него осталась одна голова – и какое-то время она еще жила, болтаясь вверх тормашками на поднявшем ее пуке искусственных вен и воздушных каналов! Болталась, беззвучно шевеля губами, с освежеванного лица со срезанным носом и пустыми глазницами капала кровь… А потом голова соскользнула с трубок и рухнула в контейнер. Вот что такое допрос Матери, Оди. Ты уже догадался как его называют?

– Даже не задумывался.

– Последней Исповедью! Вот куда ты отправил шестьдесят третьего – исповедаться перед Матерью, одновременно очищаясь не только от грехов, но и от собственной плоти. И вот что ждет тебя, милый Кровяш. Шестьдесят третий немало сообщил про тебя. Ведь вы его любимые курьеры поросят и доставщики рубленой свинины. Поверь мне – тебе лучше попасть туда мертвым. Тебе конец. У меня персональное задание от Матери – доставить тебя к ней в медблок живым или мертвым.

– Тогда просто отпусти меня… дай темный дождевик, я проскользну по сумраку до Зловонки или Улыбки. Исчезну! Исчезну навсегда!

– Нет – чарующе улыбнулась нимфа – Я не могу подвести мамочку… ты сдохнешь, Кровяш.

– Сука! Старая сука! – заорал мужик, извернувшись и кусая стальной пол – Шлюха!

– Я знаю, милый – вздохнула, усаживаясь Копула – Я знаю…

Но тот уже опомнился и принялся пол не кусать, а торопливо вылизывать, часто вскидывая голову и пытаясь достучаться до сердца нимфы:

– Прости! Прости меня! Ты же знаешь – я много раз говорил о твоей красоте! И тебе говорил! Прости меня. Хочу… хочу и всегда хотел тебя. Только тебя! Ведь я…

– Достал! – буркнул я, допивая напиток и ломая ножку фужера о пол.

Ахнула с сожалением Копула – она жалела фужер, а не левое ухо Кровяша, куда я воткнул стеклянное толстое шило. Поддалось, фужер ушел глубже. Другой рукой прижав голову заоравшей жертвы к полу, наклонился и крикнул в фужер, будто это рупор:

– Ты меня слышишь, ушлепок? А? Слышишь хорошо?

– А-А-А-А-А! С-у-у-у-ка! Су-у-у-ка!

– Не слышит – подытожил я и нажал чуть сильнее.

– А-А-А-А!

Рывком вытащив стеклянный рупор, поднялся и подошел к столу, плеснул в фужер янтарного великолепия. Возвращаясь назад, отломал и незаметно бросил в бокал четвертушку таблетки мемваса. Присев на корточки перед дергающими в болевых спазмах ублюдку, дождался паузы в его воплях и спокойно заговорил:

– Живым тебе отсюда не выйти. Ты молишь не о том, придурок. Ты молишь о жизни. А должен молить о быстрой смерти. Давай так – пока я пью, ты мне быстро и правдиво отвечаешь на несколько вопросов. После чего я тебя убью.

Едва Кровяш разинул рот, остановил его коротким жестом и добавил:

– Других вариантов предложено не будет. Откажешься – все равно получу ответы. Вырву их из тебя вместе с мясом.

Молчание…

Долгое молчание…

Замерший Кровяш уставился в мокрый от крови и слюны пол и… медленно сдувался, будто из него выходил воздух. Да так и было – осознав, насколько глубоко дерьмо вокруг, он решил перестать барахтаться.

– Спрашивай.

– Кто и за сколько заказал расписную руку?

– Вырубить вместе с плечом расписную руку. Бросить в ящик со ста порциями фисташкового мороженного. Доставить ящик к пятой Жиле. Ввести пароль три-три-три-два-три. Поставить ящик в лифт и отправить. Через полчаса подойти к любому банкомату и получить десять кусков.

– Десять тысяч солов? – повторил я – Неплохо… но ты не ответил кто заказчики.

– Он ответил – тихо сказала Копула.

– Кто?

– Гномы – Кровяш, нимфа и Элл произнесли это одновременно, после чего мулат добавил – Жилы ведут вниз. В нижний квартал. К гномам.

– Прекрасно. Гномы… – буркнул я – Пароль три-три-три-два-три?

– Да…

– Как к ним попасть?

– К гномам? – спросил Кровя и зашелся булькающим смехом – К гномам? Кем себя возомнил, сука?

– Они могут к нам. Мы не можем к ним – пояснила помрачневшая Копула – Так нам, городским, можно на Окраину, но деревенским нельзя в центр. Сегрегация.

– Чтобы еще спросить… про Зловонку? Такой инфе доверия

ноль…ладно. Умри.

Ножка опустевшего фужера резко вошла в беззвучно лопнувший и потекший глаз, пробила себе путь к лобовым долям и дальше. Нажать чуть сильнее… и Кровяш, похрипев недолго для приличия, благополучно сдох.

Вытащив хозяйскую посуду, осторожно удерживая за самый край ободка побагровевшей хрустальной посудины, вопросительно глянул на Копулу. Нимфа не скрывала веселья, глядя на бокал.

– Что не так?

– Этот фужер давным-давно подарил мне молодой и красивый парень, заодно признавшись в любви и поклявшись в вечной верности. Он старательно трудился в моем доме, ублажая всех и не особо обращая внимания на пол. Но потом поссорился со своей девушкой, затем ему изменил парень… и он ушел, чтобы гораздо позже выжить на мрачных улицах Дренажтауна и превратиться в Кровяша. Я помню, как он нежно целовал этот бокал и говорил, что так его губы, через звонкий хрусталь, соприкоснутся с моими. А ты ему фужер в голову воткнул… Прямо философское что-то получилось, верно, милый? Можно сделать какой-то вывод…

– Да в сраку.

– Тоже так думаю – кивнула Копула и указала пальцем – Выкинь эту хрень на труп.

Так я и поступил. Когда по звону колокольчика прибыли амбалы и с безмятежной безразличностью принялись заворачивать голову с огромной дырой вместо глаза, Копула распорядилась:

– Заодно вынесите и тот мусор под черной тряпкой. Кровяша – в медблок. А дерьмо в клею… пусть оно исчезнет, мальчики.

Кивнувшие громилы убрались, унося с собой трупы. Две миловидные девушки в полупрозрачных пластиковых туниках на голое тело умело протерли пол, церемонно поклонились и исчезли.

– Расписная рука… – Копула протянула мне другой бокал – простенький и пластиковый, но с тем же напитком – Это рука Йорки.

– Верно – не стал я лгать.

– Про гномов мало что известно, Оди. Они живут в двух кварталах под нами. В своем обособленном мире, со своими порядками. Они скрытны и не любят чужаков. Но кое-что я все же слышала. Мутные рваные слухи… в паре таких слухов утверждалось, что гномы фанатично верят в божественность

Матери – нимфа глянула на светящийся шар, скрывающий сторожевую полусферу – Они свершают обряды поклонения. Приносят жертвы, вскрывая углеродными клинками грудные клетки брошенных на стальные алтари красивых юношей, заживо вырывая их еще бьющиеся сердца.

– Гномы приносящие кровавые жертвы – повторил я – Твою мать… с этим миром все очень и очень плохо… Но причем тут расписная рука?

– Все священные ритуалы и жертвоприношения проводят специально обученные девушки, чьи тела сплошь покрыты росписью священных татуировок – медленно произнесла Копула – Эти девушки… живые святыни для гномов. Им поклоняются.

Я задумчиво молчал, смотря, как шкворчит и подрумянивается жирная рыба.

– Оди… хочешь совет?

– Ты мудрая старуха с дырой в голове. Я не откажусь от твоего совета.

– Скорее от предложения.

– Уже догадываюсь…

– Давай сами отрежем девочке проклятую руку – нимфа заглянула мне в глаза – Забросим в ящик с чертовым фисташковым мороженым и отправим по пятой Жиле вниз вместе с запиской – «заберите и отвалите нахрен». А бедной девочке Мать пришьет новую руку. Можешь в записке указать свой номер – и гномы выплатят обещанную награду тебе. Они славятся тем, что всегда держат свое слово.

– При чем здесь сраное фисташковое мороженое?

– Оно продается только в одном торгмате и, насколько я знаю, только в Дренажтауне, в паре троп отсюда. Клубничное – тоже только там и далеко не каждый день. Сам понимаешь… может потерявшая руку гнома любит фисташковое мороженое? Так что скажешь?

– Мы отрежем Йорке руку – без раздумий кивнул я – Отмахнем по плечо. Затем запихнем гоблиншу в медблок, а чертову руку выпотрошим, набьем расписную кожу фисташковым мороженым – в каждый пальчик затрамбуем вкуснятину! – и отправим вниз по долбаной Жиле. Как звучит?

– Ты пьян, гоблин.

– Пьян или не пьян, а руку напарнице придется отрезать – вздохнул я, принимая от мулата кусок жареной рыбы.

– Да ты научился шутить.

– Почему я еще здесь?

– О чем ты, гоблин?

– Да все о том же – почему я все еще здесь? Я тебе уже четко

и громко заявил. Даже повторил пару раз – я так и так шлепну Понта Сердцееда. Или сдохну пытаясь. Меня не надо улещивать, не надо мотивировать на это дело. Не пригодились твои девочки и мальчики, из всех козырей зашла только вот эта жидкая янтарная благодать и жареная рыба – я показал оба «козыря» и припарковался рядом со старым мулатом, оккупировав край его кухонной стойки – Так почему ты все еще меня терпишь, злая, капризная и мстительная нимфа Копула? Ты должна была меня выпнуть отсюда минут двадцать тому назад. Но я еще здесь…

– У тебя нехило так расширены зрачки – сообщила Копула.

– Знаю – кивнул я и отпил еще глоток – Знаю… так что?

– Какой у тебя ранг?

– Боевой полурослик плюс единица.

– Неплохо. Действительно неплохо. ПРН-Б плюс один… Мужик ты целеустремленный…

– Почему я еще здесь?

– Но нудноватый – поморщилась нимфа – После нашей беседы я напрошусь на интимный разговор с Мамочкой. И уверенно ей сообщу – я убедила одну боевую группу заняться проблемой Зловонки. Боевой полурослик с номером одиннадцать пообещал немедленно заняться этим делом.

– Продолжай… – прикрыв глаза, я наслаждался тающей на языке рыбой, но не пропускал ни одного слова.

– Вряд ли сейчас, но после – если ты действительно справишься с Понтом – Мамочка может задать тебе несколько строго деловых вопросов.

– Вербальный доклад системе – понимающе кивнул я – Было уже такое.

– Про меня она может и не спросить. Но ты ведь и сам с мозгами – и вполне можешь потратить минуту времени и пару десятков восторженных слов касающихся моей скромной персоны – обворожительно улыбнулась старая потаскуха с дырой в голове.

– Мол нимфа Копула сделала все возможное, чтобы этот успех состоялся? Не пожалела никаких сил и средств, обеспечила, накормила, снабдила важными советами?

– Ты умный мальчик…

– Я сделаю это – коротко произнес я и вернулся к поеданию рыбы.

Желудок почти полон. Я давно уже сыт – физически. Но мозг и вкусовые рецепторы еще голодны. Они требуют – больше рыбы! Больше рыбы, сука! Сначала огромный кусок – разжуй наспех и глотай! Следом пару крохотных волоконец и вот их разжуй хорошенько, потом разотри языком в жирную кашицу и только

затем проглоти… добавь микроглоточек янтарной благодати… наслаждайся… наслаждайся, гоблин…

– Упомянешь мое имя? – недоверчиво уточнила нимфа.

– Именно. Даже не упомяну – напрямую скажу, что ты идейный вдохновитель снабдившийся нас всей возможной информацией, снарядившей нас, накормившей и укрывшей. Представлю тебя в наилучшем свете.

– И при этом не хочешь от меня ничего кроме рыбы и выпивки?

– Да.

– Почему?

– По пути сюда я видел необычные игстрелы. Крохотные, но наверняка с неплохой убойностью.

– Пиги – кивнула Копула – Пятизарядные, одного нажатия хватит, чтобы опустошить картридж, который выскочит и отлетит сам. Крутое оружие.

– Пиги, значит?

– Да. Или свинка. Они будто хрюкают при выстреле.

– Снарядишь такими?

– Только для боевых полуросликов плюс два. Такое подарит только мамуля. Но не я.

– С потолка как-то пристрелили одного беглеца. Достали с очень большого расстояния. Тело пробило навылет.

– Только для боевых полуросликов плюс четыре.

– Такое подарит только мамуля – с понимающей усмешкой кивнул я – Как называется чудо дальнобойное?

– Официально – игдальстрел. Про сленг не знаю. Коротыши – игстрел 5 м. На сленге – пиги или же свинка. Я не могу тебе с этим помочь.

– Вот поэтому мне и не нужна твоя помощь – развел я руками – Все прочее я смогу достать сам. Много ли солов надо, чтобы снарядить четверых боевых полуросликов?

– Немало.

– Я достану эти деньги за пару суток. Сам.

– А у меня не возьмешь ни единого сола?

– Не возьму.

– Так почему, черт тебя дери, долбаный гоблин?!

– Потому что ты старушка с принципами – улыбнулся я – И не любишь быть в долгу. Я не позволю тебе чувствовать себя со мной квитами, Копула. Этот фокус у тебя не прокатит – бросишь мне пару тысяч на снаряжение, мы грохнем Понта, а ты добавишь еще тысчонку и решишь, что мы в полном расчете. Нет. Этого не случится. Я убью Понта. Выставлю тебя в самом положительном свете перед системой, при этом позабочусь, чтобы мой доклад не

услышал никто – вдруг кто ополчится на старуху с дырой в голове.

– И я окажусь у тебя в большом долгу?

– Да.

– И как мне его тебе отдавать, гоблин? Смотрю на тебя и вижу кусок чёрствого закаменелого хлеба – такой и сожрать-то не получится. Не разжуешь, не проглотишь. А если и проглотишь… запор обеспечен.

– Как-нибудь да отдашь – беззаботно пожал я плечами – Можем у тебя отоспаться?

– Твоя комната – третья фиолетовая. Мой дом – твой дом, гоблин. На сегодня беседу завершим?

– Я перебрал чуток – признался я, проводя ладонью по лицу – Выпью еще чуток – и на боковую. Рыбу переваривать.

– У нас будет время для бесед.

– Конечно… – кивнул я – О… вспомнил… те ужасные и прекрасные картины. Кто их рисовал?

– Соренцо – без промедления ответила нимфа, на ее лице мелькнуло хорошо знакомое мне чувство.

С таким выражением вспоминают старого друга, с которым уже нельзя увидеться.

– Он мертв?

– И похоронен. Вне чрева ее. А что?

– Он был талантлив.

– Художники видят мир иначе.

– Ты сказала – похоронен вне чрева ее? Это как?

– Слышал о слепых зонах?

– Вне зоны наблюдения системы?

– Верно. Мамуля там слепа и глуха. Есть одно такое место и в центре Дренажтауна. Огромное овальное помещение метров. Заброшенное.

– И там? – начал я уже догадываться.

– Кладбище – просто ответила Копула – Настоящее кладбище. Само собой для очень и очень богатых.

– А в чем похоронены? Сталью залиты? Клеем?

– Землей. Видел на улицах фигуры у сточных решеток?

Подстегнутое и одновременно замедленное наркотиком и алкоголем сознание с ленивой неторопливостью показало яркую картинку – сидящие у решеток фигуры в подсвеченных огоньками дождевиках. Они неторопливо окунают в темную жижу пальцы, собирают какие-то комочки…

– Вот оно что…

– Их называют хтониками и все они дети Харона, владыки кладбища Шартрез. Он и его дети оберегают Шартрез, пополняют

его землей, совершают танцевальные ритуалы памяти у могил, ведут и хранят списки с именами и номерами погребенных.

– Прямо неожиданно – признался я.

– Мамуля всем хороша… кроме расчленения померших детишек своих – тихо улыбнулась Нимфа – Мы с Эллом уже немолоды. И хотелось бы лежать и гнить себе спокойно. Вместе с комплектом рук и ног.

– А причем здесь список номеров? Имена еще ладно…

– У тебя номер одиннадцатый.

– Верно.

– Веришь, что до тебя никого не было с этим номером?

– Бред. Само собой одиннадцатых здесь было немало. Как и прочих номеров.

– Верно. Чип – Копула постучала себя по пластиковой заглушке – Твой номер тут. Прописан в чипе намертво. И пока чип остается в голове – и номер остается при тебе. Даже после смерти. Хотя для Мамы ты не умрешь – просто пропадешь и все.

– Уверена про номера?

– Так говорят – пожала плечами нимфа, допивая свой напиток – Так говорят… и так говорили те, кто давно уж лежит на кладбище Шатрез. Знаешь – да мне насрать. Пусть мой номер достанется кому-то другому. Плевать. Мое имя сохранится. И я буду себе спокойно лежать под вонючей землицей и слушать завывания хтоников, танцующих и сношающихся вокруг моей могилы. Разве это не весело?

– Более чем – после короткого раздумья признал я и поднял бокал, салютуя – За хтоников!

– И за память – тихо добавил мулат Элл.

– У тебя есть дела с Окраиной? – круто сменил я тему.

Моргнув от неожиданности, Копула кивнула:

– Конечно.

– А с бригадой Солнечное Пламя?

– Не твое дело, гоблин. К чему интерес?

– Ты явно ценишь способных, умелых и амбициозных девочек.

– Как и мальчиков. И что?

– Просто совет – присмотрись к номеру двести девяносто девять. Она из бригады Соплей и усиленно старается пробиться повыше. Но сама понимаешь – мужской сексизм, где командир не командир без волосатой груди…

– Прямо настолько интересная?

– Перспективная – честно ответил я и потопал к выходу – Я спать. Спасибо за рыбу, Элл.

– Всегда пожалуйста, Оди.

– Как высплюсь – начнем ворошить гнездо – не оборачиваясь,

пообещал я – Прямо сразу и приступим…

Двери…

Шатающийся коридор рывками поплыл навстречу…

Девушка с умело поставленной улыбкой указывает на нужную дверь…

Постель – настоящая постель – летит навстречу, и я отключаюсь еще до касания с ней, так и не успев ощутить ее мягкость…

Глава шестая

Пробуждение меня испугало.

Испугало своей безмятежностью, комфортом.

Впервые за все время с моего здесь появления я испытал не физическое, а психологическое нежелание вставать. До этого пробуждению и вставанию противились разве что перенапряженные израненные мышцы. Сейчас же я испытал одно из самых страшных чувств, что только может испытать мужчина – я ощутил почти непреодолимое желание задержаться в этой мягкой, теплой и уютной постели еще немного. Позволить себе чуть-чуть понежиться под тонким мягким одеялом, провести ладонями по гладкой прохладе простыни вокруг себя, поглубже утопить голову в подушке, потянуться всем телом и задремать…

Едва ощутив это страшное чувство, едва поняв, что вот-вот поддамся и проведу в постели больше двух минут с момента пробуждения – тут же вскочил. Встряхнул удивительной легкой и свежей головой. Настолько легкой и свежей, что это показалось странным, учитывая принятое и выпитое накануне.

Бросив взгляд на смятую постель, потянул изжеванную сном футболку, оглядывая мятую ткань. Повел глазами по сторонам – раз уж это люкс, то…

Узкая неприметная дверь обнаружилась в паре шагов, а за ней нашлись все необходимые блага цивилизации – туалет и душевая кабина. На полочке под зеркалом внушительный брусок фиолетового мыла, рядом тюбик с гелем для удаления щетины, пластиковая расческа. На стенном держателе висит аккуратно сложенная черная футболка, тут же длинные и достаточно просторные шорты с карманами, свисает пара длинных черных носков и черный шейный платок.

Я не удивился – меня сюда направила Копула и она, как всякая мудрая хозяйка, не могла не учесть интересы и пристрастия гостя. И насущные потребности – об этом говорила литровая бутылка воды и две таблетки – «шиза» и обезболивающее. Ошиблась только в одном – мыло было слишком пахучим. Пришлось подольше постоять под горячими струями душа, смывая с себя аромат. Заодно обнаружил, что здешняя вода совсем другая – от нее не прет химией как на Окраине, я даже рискнул сделать глоток на пробу. Напившись и приняв таблетки, переоделся во все свое, но не забыл прихватить даренную одежду, оставив только шорты. И вышел, ни разу больше не посмотрев на постель.

Проклятье… мягкое уютное ложе – убийца мужчин. Удобная

постель превращает хищников в ласково мурлыкающих котиков, что только и ждут, когда их погладит нежная женская ручка.

За дверью обнаружился профессионально улыбающийся юный паренек, стоящий рядом с небольшой тележкой, где аккуратно было разложено все мое имущество. Рюкзак, поясная сумка, оружие и прочее…

– Господин Оди.

– Когда сработала сигналка? – спросил я, продевая руку в рюкзачную лямку – И только не говори, что простоял здесь все утро.

– Когда вы встали. Датчик под кроватью – лучезарно улыбнулся паренек – Еще один – в двери ванной. Не подумайте плохого, господин. Это не слежка, а забота. Вы встали – повар начал готовить завтрак. Вы вышли – а я уже здесь и готов проводить вас к друзьям.

– Моя группа там?

– Да, господин Оди. Хотя… может вы предпочитаете другое обращение?

– Бвана.

– Слушаюсь, бвана Оди. Ваши друзья уже позавтракали, но задержались и общаются.

– Друг с другом?

– Не совсем так, бвана Оди. Мистер Рэк предпочел сидеть с Гурией и Пфией, девушками, что составили ему компанию минувшей ночью. Мистер Баск и госпожа Йорка сидят вместе и наслаждаются напитками. Вас проводить? Повар решил порадовать вас на завтрак рыбными котлетами и особым нежным пюре. Ну и кофе, разумеется.

– Веди.

– Вас не порадовала оставленная одежда?

– Порадовала – ответил я, не пытаясь язвить и выключив ехидный сарказм. Паренек просто пытался выполнить свою работу как можно лучше и ему еще, несомненно, держать ответ перед хозяйкой. Его работа проста и сложна одновременно. Глуп тот, кто попытается язвить человеку, чья работа – твой комфорт.

Переспрашивать и уточнять умный паренек не стал. Во всех его жестах и движениях ощущалось полное удовлетворение своим социальным положением. Он был на своем месте и тихо радовался этому счастью, не забывая выполнять работу наилучшим способом. Обиды, горечь и жизненное разочарование придут позже – когда он разменяет пятый десяток и поймет, что прошаркал всю жизнь в попытке удовлетворить чужие нужды. Поняв это, он начнется прикладывать к бутылке, делать работу спустя рукава и однажды его, поседевшего и небритого,

потерявшего блеск глаз и осанку, выбросят на улицу, где он и умрет под струями эльфийской мочи.

И какой отсюда вывод?

А просто – нехрен мне больше перебарщивать с мемвасом. От него в голову приходят слишком странные и слишком глубокие мысли. Странность – еще ладно. А вот глубокомыслие… этого дерьма мне не надо. Жить надо проще.

Черт… опять меня потянуло не туда…

Мемвас…

Похоже, я пробормотал вслух и паренек, все прекрасно расслышав, тут же выудив из кармана пластиковый пакетик с тремя знакомыми серыми таблетками, уложил на вторую ладонь, прикрытую белоснежным платком и с полупоклоном протянул мне:

– Прошу вас, бвана Оди. Выбейте из мозга серую реальность. Вдохните радугу.

– Ага – с легкой заминкой кивнул я и забрал пакетик.

Принимать не собирался. Во всяком случае пока. Если паренек доложит Копуле, что гоблин Оди плотно сидит на наркоте – хуже от этого не будет. Наоборот – сплошные выгоды.

Заметив мою заминку, вышколенный юный служитель тотчас выудил еще один пакетик – с красными продолговатыми пилюлями.

– Миксера не желаете? Но для утра тяжеловато немного… хотя если запить апельсиновым концентратом и не слишком плотно завтракать…

– Не – качнул я головой.

– Мемвас – будущее – понимающе кивнул парнишка и указал рукой – Прошу вас сюда, бвана.

Меня ввели в просторный прямоугольный зал. Одна стена – экран с изображением морского побережья. Воздух наполнен птичьим щебетанием, по рыхлому серому песку бродят переваливающиеся птицы с грязным белым оперением, терзают дохлых рыбешек. Десяток столиков пустует. За угловым сидят рядышком Баск с Йоркой. Рэк втиснулся задницу между хихикающими девушками, что-то порыкивает им в ушки. В центре уставленный едой стол. Туда я и направился, давая бойцам время заметить явившегося командира.

Схватил большой кусок еще теплой жареной рыбы, зачерпнул им как ложкой солидную порцию зеленоватого пюре и отправил все это в рот. Пережевав, повторил операцию. Запил огромным бокалом рекомендованного апельсинового концентрата, подумав, сжевал еще кусок рыбы. На все ушло не больше двух минут. Но когда обернулся, все трое уже стояли бок о бок в ожидании.

Придирчиво оглядев их, сыто цыкнул зубом и приказал:

– Собираемся. Выходим через десять минут. Йорка…

– Ау? – в необычно хрипловатом голосе Йорки слышалась непривычная ласка.

– Гоблин! – рыкнул я – Эй!

– Да! Лопнуть и сдохнуть! Чего орешь, гоблин трахнутый?!

– Во-о-от… так-то лучше. Одежду – сменить. Начинаем тренировку. Сбор у выхода из элитной части обители разврата.

Общий обреченный стон прозвучал в моих ушах настоящей песней. Намекающе приподняв брови, я оглядел бойцов и те, поняв меня правильно, развернулись и зашагали к выходу из зала с фальшивым побережьем.

– Мы можем предоставить вам подходящее помещение – едва слышно пробормотал за моей спиной паренек.

– Не стоит – отказался я.

– На городских улицах… грязно… и мокро…

– Именно.

– Понимаю…

– Мы пробыли в Дренажтауне двое суток. Нам пора покинуть городские пределы?

– Нет, бвана. Вы здесь по личному приглашению нимфы Копулы. И до тех пор, пока она ежедневно подтверждает ваш гостевой статус – вы можете оставаться в городе сколько вам угодно. Если госпожа отменит ваш статус – счетчик в любом случае обнулится, и вы опять же можете пробыть здесь еще два дня.

– Ясно.

– Можем ли мы еще что-то сделать для вас, бвана Оди?

– Хм… – я задумчиво глянул на паренька, кое-что прикинул и кивнул – Пожалуй.

Наклонившись, сообщил желаемое. Ничем не выдав удивления, служащий кивнул:

– Все будет исполнено. И доставлено.

– Найдете нас?

– Обязательно найдем, бвана.

Паренек удалился, а я зашагал к выходу, на ходу натягивая шуршащий дождевик, очки и полумаску. Во рту медленно исчезал вкус жареной рыбы и апельсинов. Только что – не вчера, а именно только что – я кое-что понял. Я люблю рыбу. Я люблю рыбу с невероятной силой. Я готов жрать ее каждый день. И это не жадность гоблина всю жизнь видевшего только дешевые пресные пищбрикеты. Нет. Это моя страсть, которую не смогла уничтожить даже блокировка памяти. А еще я люблю плавать – меня буквально потянуло к фальшивому морскому побережью.

Плевать я хотел на песок и жирных грязных птиц. Меня потянула к себе вода. Потянула неудержимо. И откуда-то я знал – плавать я умею. И плаваю я просто отлично…

Проверять системные сообщения я не стал. Убедившись, что система легко меняет время заданий, заставляя своих гоблинов выйти на работу и службу пораньше, я решил не давать ей пока такого шанса. На следующие три часа у меня были совсем другие планы. Прекрасные, если не сказать потрясающие планы по нашему времяпрепровождению.

Искренне надеюсь, что мои планы понравятся и команде.

Хотя…

Да насрать мне…

Понравятся или нет – им придется через это пройти.

Вытянув руку, поймал за локоток миловидную пухлую шатенку в микроскопических зеленых шортиках и просторной сетке на плечах.

– Я готова – улыбнулась шатенка, прижимаясь ко мне грудью.

– Где здесь поблизости самая грязная и вонючая улица? Чтобы дерьма прямо по пояс или даже выше? Чтобы шагать и хлебать, шагать и хлебать…

– О… – округлила розовые губки девушка – Но я…

– Желание бваны Оди будет выполнено – тихо шепнул ей в милое ушко непонятно откуда взявшийся паренек-служитель.

Шатенка вздрогнула, обреченно кивнула:

– Я провожу вас…

– Без тебя – улыбнулся я и увидел, как вновь оживают глаза пухляшки – Просто скажи.

– Лучше я, бвана – церемонно поклонился паренек – От выхода – направо. На первом повороте снова направо, на следующем опять направо – и вы на месте.

– Прямо позади борделя? – уточнил я.

– Зато будет куда зайти отмыться, бвана Оди.

– Это точно – кивнул я, широко улыбаясь – Это точно…

* * *

– О нет… я утопила его… я утопила свое шило – привалившись к склизкой стене, медленно по ней съезжая, причитала Йорка – Сука… я тупая сука… я утопила его…

– Я помогу – утирая с лица дерьмо, просипел вынырнувший из жижи зомби, с трудом выпрямляясь, выдирая из тягучего месива уже одеревеневшее от перенапряжения и холода тело.

На нас давно не было дождевиков – смысл? Льющаяся со

стальных небес моча только помогала, хоть как-то промывая горящие от едкой жижи глаза.

– Не помогать! – заорал я, втягивая себя на то, что некогда было теплым и сухим стенным выступом, моржовым лежбищем, а превратилось слегка притопленной мелью в море дерьма. Дрожащие руки подогнулись, я с плеском рухнул, успев перевернуться на бок. Отдуваясь, повторил – Она сама нырнет за своим гребаным шилом! Найдет его! И! Держа на изготовку, по пути отрабатывая удары, доберется до меня. Как и все вы, долбаные гоблины! Вперед!

Запрокинув голову, хохотал Рэк, отставший от меня на шестом витке устроенного мною марш-броска. Орк не сдался. Просто замедлился, но продолжал упорно переставлять ноги. На третьем месте по скорости оказался Баск. Йорка последняя – но с ее ранами это вполне понятно. Я еще проявил понимание и доброту, не став протестовать, когда она потратила на себя все тюбики медицинского клея, для надежности еще раз пройдясь по всем ранам.

Сдернув с плеча ремень, аккуратно снял с игстрела оборачивающую его пленку, из положения лежа прицелился, трижды нажал на спусковую клавишу. Из трех игл две угодили в цель – плавающий в жиже пластиковый красный ящик. Перезарядив, выстрелил еще трижды. Один из трех в цель – руки ощутимо тряслись. Перезарядил. Отстрелялся. Два из трех в цель. Перезарядившись, собрал картриджи, распихал по карманам того, что еще совсем недавно было штанами. Упаковал игстрел и, с обреченным стоном, сполз обратно в море дерьма, что достигало мне до пояса.

Третий час ада…

Мои ощущения не передать словами.

Это не описать. Это можно только почувствовать.

Кожа горит, глаза уже даже не слезятся, меня корежит и лихорадит, перенапряженные мышцы требуют немедленного отдыха. Тошнота, рвота… это давно уже позади. Опустевший желудок молчит. Вообще все позывы исчезли – я не хочу пить, есть, не хочу ничего. Я даже не хочу отсюда выбраться. В голове осталось только монотонное гудение и горящие пункты мною же придуманного списка наших действий.

За борделем оказался заброшенный частично затопленный коридор. Отрезок длиной в триста метров, закрытый по краям высокими наваренными щитами. В потолке несколько сквозных щелей с выгнутыми наружу краями – есть над чем задуматься. Из щелей выползает тягучее бурое месиво. Выползает неудержимо. Попробуй перекрой дыру, когда тут поступает тонна за тонной.

Где-то само собой есть сточные решетки, и они кое-как справляются – благодаря работягам, что изредка появляются здесь и, даже не глядя по сторонам, со стонами плюхаются в жижу и двигаются вдоль стен, ожесточенно работая стальными шестами. Они вдоль стен – а мы смело прямо по середине, поочередно отыгрывая сначала штурм, а затем отступление. Потом снова штурм – и снова отступление.

Бойцы двигаются за мной, прикрываются щитом и тушей Рэка, перестраиваются, по команде опускаются по шею. Особенно бойцы радуются, когда я кричу одну из своих излюбленных команд «Рэк ранен! Спасайте его жопу!». С благодарными стонами бойцы хватают хрипло дышащего орка, тащат его по жиже за собой, а я слежу, чтобы Рэк им не помогал. Следом ранят другого солдата. Единственный кого не ранили ни разу – это я. Я прошагал каждый метр гребанного маршрута много раза туда и обратно.

И вот сейчас последний рывок…

Разгребая грязь, переваливаясь, чувствуя, как противно кружится голова и как тоскливо что-то екает внутри, как мягко и неотвратимо начинают подгибаться колени, а в пояснице проворачивается раскаленный гвоздь, я упрямо шагаю вперед до тех пор, пока руки не касаются стального щита-перегородки.

Перевалившись, я повисаю на нем, бесславно повернувшись задницей к бредущим за мной бойцам. Кто-то хватает меня за пояс штанов. Цепляется, начинает карабкаться. Чуть повернув голову, вижу опускающийся ботинок. Успеваю дернуть шее, избегая ребристой подошвы и Йорка просто вываливается наружу, с мокрым шлепком ударяясь о пол и замирая.

– Дерьмо… дерьмо… сучье дерьмо… – безостановочно шепчет она, шевеля губами над тягучей лужей, медленно уходящей в сточную решетку.

– Тебе понравилось, гоблин? – выдавливаю я из себя и, заставив податься вперед, вываливаюсь следом, падая на Йорку.

– А черт… пошел ты… пошел ты…

– Я… – с этим странным началом без продолжения на пол падает зомби.

Упал и затих, разбросав руки и глядя в потолок. Ему по лицу стучит обильная капель, но зомби не реагирует. Последним с говнополигона – как я его окрестил на третьем витке – выползает орк. Он пытается бодро скалить клыки, но поскальзывается, падает и тоже замирает.

Все четверо здесь. В полностью непригодном для чего-либо кроме бездвижного лежания состоянии.

Нам понадобилось несколько минут, чтобы хоть немного

ожить. Шевельнувшись, я с трудом уселся, зыркнул на удивленно застывшего хрена в желтом дождевике. Тот недоуменно блеснул окулярами защитной маски, но шматок брошенного Рэком дерьма залепил резиновое лицо и обратил любопытного гоблина в бегство. Привалившись к стене, я глухо рассмеялся:

– Никому не плакать, гоблины. Никому не рыдать.

– Ты о чем? – едва слышно спросила продолжающая лежать.

– Я проверил меню заданий.

– Мы тоже. Просто чистка решеток.

– Ага. На указатель стенной глянь-ка.

Через долгие десять секунд Йорка начала с тоскливой злобой материться. Рэк захохотал. Баск молча уткнул лоб в грязный пол, когда я ему пояснил – решетки нам предстояло прочищать именно здесь. Стало быть придется встать, вооружиться стальными шестами и вернуться в море дерьма, дабы старательно прочистить сточные решетки.

Похоже, тренировка продолжается. Я не я, если не заставлю себя и остальных пройтись еще пару раз по тому же маршруту сразу же после выполнения заданий.

Ощущаемое нами полное бессилие – просто выдумка хитрожопого мозга. Всегда можно отыскать каплю сил для еще одного усилия, для еще одного броска.

– Встаем, гоблины – ощерился я и начал подниматься – Встаем…

– Просто убейте меня… – попросила Йорка – Наступите мне на лицо и пусть я задохнусь. Кто-нибудь… давайте смелее…

– Вперед! – чуть поднял я голос и гоблинша с трудом зашевелилась.

Вскоре мы уже двигались за шестами, скользя плечами по стене, оставляя на нее широкую бурую полосу. Все же правы городские – от нас окраинных тут только грязи прибавляется. Не место нам в городе. Не место…

– Я ненавижу тебя, гоблин… Просто ненавижу – сипела мне в затылок плетущаяся следом Йорка – Ненавижу…

Я промолчал, уставившись в одну точку и механически передвигая ноги. Надо беречь силы.

* * *

– Гоблин! Я обожаю тебя! Просто обожаю! – прочавкала Йорка, обнимая сразу два пластиковых кувшина. В одном бульон, в другом компот.

Я промолчал – рот забит плуксовым мясом, плотно сжимаю

губы, чтобы не выпустить ни одной капли такого невероятно вкусного мясного сока.

Уркающие орк с зомби насыщаются по соседству.

Коротко поклонившийся паренек-служащий еще раз пожелал нам приятного аппетита и удалился, оставив нас под вместительным пологим навесом, накрывшим стенной выступ. В спины ровно дула вентиляция, спасающая от вони и сырого городского тумана.

Мою недавнюю просьбу исполнили в точности – доставка из Веселого Плукса. Шесть порций лучшего жареного мяса, три кувшина с бульоном и три кувшина с компотом. Вообще я заказывал в бутылках, но сервис оказался на высшем уровне – все притащили в кувшинах. А компот в двойном количестве – я уже «зарядил» хорошенько три бутылки таблетками.

Выполнившие первую порцию заданий, чисто отмытые, посетившие медблок и получившие инъекции, мы послушно слопали предложенные пищевые брикеты, напились воды и, ничуть не утолив голод, набросились на мясо. На побледневших воспаленных лицах читались простые и сугубо положительные эмоции – голод, наслаждение вкусом, наслаждение медленным насыщением. Рвалось мясо, булькал бульон, хлюпал компот, скрежетали зубы о края кувшинов, громкая отрыжка уносилась искусственным ветром. Бойцы абсолютно довольны. Бойцы счастливы.

Дождавшись, когда все насытятся, отдал еще одну команду – из тех, что всегда принимаются на ура:

– Отбой на два часа – впрочем я тут же добавил немного горчинки – Дрыхнем здесь! Без одеялок, без подружек, без постелек. Маски и дождевики не снимаем, очки натянуть на глаза, обувь зашнурована, оружие держим под рукой. Я на страже.

Тяжело вздохнувший Рэк завалился набок, натянул на очки, дернул край капюшона и затих. Через минуту послышался тихий храп. Вскоре его примеру последовали остальные, оставив меня рядом с опустошенным «столом». Кувшины я отдал бесшумно подошедшей девушке в зеленых одеждах, прикрывающейся от дождя обычным прозрачным зонтом – ну и коротеньким дождевиком, не скрывающим прелестные ножки.

Проводив ее взглядом, задумался – почему я вчера заснул в одиночестве?

Почему меня не привлекла ни одна из многочисленных девушек?

Я бы не отказался от ночи с нимфой Копулой, будь она свободной и моложе лет на десять. Это настоящая женщина – горячая, холодная, безумная, разумная, капризная и жутко

мстительная стерва легко способная воткнуть нож в спину, а затем еще и провернуть лезвие в ране.

Легкое мерцание отвлекло от мыслей. Мимо неуклюже, но почти бесшумно, проковыляла фигура облаченная сразу в несколько рваных дождевиков, несущая на плече большой и тоже частично рваный оранжевый пластиковый зонт. Мигает десяток разноцветных огоньков в рукавах, мелькают в хороводе улыбающиеся смайлы на крутящемся на плече оранжевом зонте. Вместо одного смайла дыра, все что осталось – нижняя часть с беззаботной улыбкой. Ноги на высоких и с виду жутко неудобных пластиковых подставках плавно передвигаются по поднявшейся воде, босые темные ступни примотаны к дереву глубоко впившейся проволокой.

Путник не ушел далеко – уселся в паре шагов от облюбованного нами крытого выступа. Опустился на корточки, подставил под задницу еще одну подставку, чуть сдвинул зонтик и затих, не обращая внимания на льющий дождь. Он смотрел только на бурлящую пенную воду, что переливалась через приподнятые края сточной решетки. Охотник за грязью? Дитя Харона, смотрителя кладбища.

Чуть сдвинувшись, оказался за спиной безразличного ко всему сборщика могильной земли. Устроившись поудобней, спросил:

– Кого ты ненавидишь?

– Отвали…

– Кого любишь?

– Отвали…

– Выпьешь? – в моей левой руке плеснула бутылка компота – Глотнешь? – а в другой мелькнула серая таблетка.

– Выпью. Проглочу.

Я молча протянул дары и отвернулся, не забыв забросить в рот и разжевать четвертушку мемваса. И долго смотрел на льющую с края навеса воду, зябко кутаясь в дождевик. В голове всплыло воспоминание о такой теплой и уютной постели, что всего в десятке минут ходьбы отсюда. Поднять бойцов, направить к борделю – нимфа не откажет в гостеприимстве, она заинтересована в нас. Мудрая старуха с дырой в голове хитра и терпелива…

Я остался на месте, неподвижно лежа на едва теплом с этого краю металле. Заговорить больше не пытался, но за меня это сделал старик с огоньками:

– Я был великим!

– Верю.

– Я убивал! Сражался! Однажды разорвал серого плукса

голыми руками! Я орк!

– Верю…

– Но жизнь дерьмо…

– Кого ты ненавидишь?

– Пауков!

– Почему?

– Ссут на нас! Паучьи твари ссут на нас! Ты видишь трубы наверху? То их земля стальная. С обрывов ссут на нас! Кем возомнили себя?

Чуть подвинувшись, глянул на далекое стальное небо, на переплетения труб.

Ну да. Тут даже гадать не надо – сборщик грязи прав на сто процентов. Кто из мужиков откажется пустить струю в бездну с огоньками? Все равно ведь там вечные осадки. Что изменят добавленные к дождю поллитра-литр паучьей мочи? Гоблины и не заметят. А заметят – да плевать!

– Кого ты любишь?

– Харона! Отец, заступник… хранитель голов и хребтов… он велик! Он добр! Я ответил, гоблин?

– Ты ответил, хтоник.

– Отвали.

И я послушно отвалил, сдвинувшись на пару метров в сторону. Приткнувшись к стене, замер. Гудящий ветер вырывался из стены, трепал полу дождевика, гоняя по блестящей поверхности крупные капли небесной мочи.

Гудел ветер. Гудели мои расслабленные мышцы, жадно всасывающие из крови питательные вещества и воду, взамен отдавая продукты разложения. Мое тело уже поняло – долбанутый хозяин покоя не даст, долгих передышек не будет, поэтому надо бросать на восстановление все силы.

Сквозь прозрачный пластик рукава я бросил взгляд на левое предплечье, оценив, оглядел и правую руку, сжал и разжал кулаки, повел запястьями. Уже никто не сможет сказать, что раньше эти руки принадлежали старику. Пигментные пятна исчезли вместе с дряблостью. Отвисающая на локтях и трицепсах кожа подтянулась. Руки подросли в объеме на пару сантиметров, обрели жесткость, под кожей пробежали синие нити вен. Хват пальцев усилился в несколько раз. Левый локоть… про него я больше и не вспоминал. Ноги скрыты выстиранными едкой химией штанами, что уже потеряли всякий цвет. Но под материей – жилистые крепкие ноги способные на многое. Я сделал это – привел арендованный у системы комплект конечностей в надлежащее состояние. И наконец-то обрел доверие к рукам и ногам, уверившись – в опасный момент они не

подведут.

Регулярные беспощадные упражнения, выполнение рабочих и боевых заданий – все это сделало нас сильнее.

Но…

Этого мало. Ничтожно мало.

За последние дни мне довелось увидеть несколько долбанных гоблинов двигающихся так, что любому опытному бойцу мгновенно становится ясно – эти гоблины сдерживают быстроту и скорость своих движений. И не только это. Они сдерживают и силу, нарочито мягко касаясь предметов и живых существ. Ведь одно неловкое резкое движение – и что-то хрустнет.

Во время одной из последних посиделок в Веселом Плуксе я заметил, как хохочущий детина-орк в боевой экипировке сжал пластиковый кувшин чуть сильнее требуемого – и в потолок ударил фонтан бульона. Кувшин не просто треснул – его сплющило, один из острых краев глубоко вспорол палец, брызнула кровь. А если этот орк зажмет в своей лапе чью-то ладонь и сожмет ее покрепче?

Синеглазый ублюдок с вкрадчивым голосом и разумом змеи – он тоже сдерживал свои движения.

Обалденно готовящий рыбу мулат-повар Элл. Он выглядел абсолютно нормально, но я почувствовал – он не показывает и десятой доли возможностей своего тела.

Зеленоглазка способная двигаться с умопомрачительной силой и оставлять глубокие борозды на стальной ткани мира.

Пара безликих фигур в дождевиках разок прошедших мимо, буквально проскользнувших в нескольких шагах. Им было плевать на нас, даже не глянули. Но мы с Рэком что-то ощутили, проводили спешащих незнакомцев долгим взглядом. Йорка с Баском ничего не почувствовали. Даже внимания не обратили. А вот меня и орка зацепило.

Система помогает как может, вкалывая нам усиливающие коктейли, мы сами прилагали немало усилий, но я еще недоволен темпом. Надо как-то ускориться…

Идущего мимо широкоплечего мужика с низко опущенной головой я заметил сразу. Он брел вдоль противоположной стены коридора. Ладони в рукавах, плечи ссутулены, движения монотонны. Видно – усталый гоблин идет по не слишком важным и приятным делам, скорей всего топает выполнять какое-то особо грязное задание. На сидящих же на стенном выступе доходяг ему глубоко плевать.

Его выдал едва заметный разворот корпуса – чуть направленного в нашу сторону. Лицо смотрит в пол, ноги идут прямо, а плечи направлены на нас. Странновато ты двигаешься,

гоблин. Проблемы с однажды ушибленным хребтом? Или…

Додумать я не успел – ссутулившись еще сильнее, незнакомый чудила начал обходить разлившуюся лужу, приблизившись метра на три. На очередном шаге резко дернулся, разворачиваясь и одновременно опускаясь на колено, вскидывая руки к распахнувшемуся на груди дождевику, что до этого скрывал висящий на ремне…

Щелк. Щелк. Щелк.

Уже схватившиеся за игстрел руки разжались, скособочив пробитую шею с побежавшей по коже тонкой темной струйкой, гоблин беззвучно упал, медленно подтянул к себе мелко трясущиеся ноги и через пару секунд затих, утопив левую щеку в грязной луже и смотря на меня с легкой укоризной.

С еще одним щелчком я высвободил опустевший картридж, вставил новый. Только затем поднялся и махнул подскочившему Рэку, ворочающему мутным взглядом.

– Спи.

– Дохляк кто?

– Понятия не имею – признался я, сползая с выступа – Но точно по нашу душу пришел. Спи.

– Пригляжу – возразил Рэк и я молча кивнул, принимая его помощь.

В несколько шагов оказавшись рядом с трупом, ненадолго замер, оглядел потолок. Полусферу увидеть не ожидал – само собой, что несостоявшийся убийца выгадал момент, когда облюбованная нами тропа ненадолго погрузилась в сумрак.

Пара минут у меня точно есть.

Присев, распахнул дождевик, оглядел мертвое тело, в первую очередь оценивая свою меткость. Одна моя игла пробила грудь, другая шею, третья прошла мимо. Кто он сам? Хватило секунды, чтобы понять, что тут нихрена не понять. Одежда дешевая и стандартная. На груди игстрел. На ремне нож и поясная сумка с тремя полными картриджами. Особых примет – ноль. Безликий убийца посланный по наши души. Кем? Неизвестно. А гадать не хочется.

– Отдай его нам, гоблин – ко мне медленно старый хтоник с зонтом, покинувший «запруду» – Отдай.

– Зачем? – поинтересовался я, отступая от трупа.

– Хребет, голова и доски…

– Мясо?

– В задницу мясо – выплюнул старик – Доски… отдай. И я шепну Харону твое имя.

– Шепни – кивнул я – Меня зовут Оди. И возможно однажды я загляну в ваш тихий могильный тупичок.

– Оди – повторил хтоник – Сраный гоблин Оди. Я запомнил. Помоги подтащить…

Мне помогать не пришлось – старику помог Рэк, ухватив труп за шиворот и легко подтащив к указанному месту. Короткий рывок и тело упало на сточную решетку, вокруг забурлила бурая вода. Вернувшись на выступ, заметил вопросительный взгляд продолжающей лежать Йорки, держащей ладонь на рукояти дубины. Успокаивающе кивнул, махнул рукой – отдыхайте. Девушка расслабилась, что-то шепнула, и успокоенный зомби перевернулся на другой бок и затих. Меня прямо гордость взяла – растут бойцы, растут.

Я сел под навес, орк пристроился рядом, но в вертикальном положении не остался – рухнул на спину, скрестил руки на груди и, пережевывая пищевой брикет, проворчал:

– Что он с трупом делает? Жрет?

– Режет – ответил я, завороженно наблюдая за удивительно ловкими движениями старого хтоника.

Я даже не заметил, как в его руке появился нож с коротким загнутым лезвием – явная переделка-переточка обычного тесака. Несколько сильных надрезов, короткий удар кончиком лезвия, еще несколько режущих движений – и отвалившаяся голова тут же отправляется в снятый со спины рюкзак. До этого рюкзака я не видел и сейчас понятно почему – на него нашиты лохмотья ткани, куски пластика. Но я успел заметить, что с изнанки рюкзак обшит металлически блеснувшей материей. Голову будто в гибкий стальной контейнер забросили. Тут же опустился клапан рюкзака, а старик взялся за конечности. С невероятными скоростью и умениями он взрезал одежду, кожу и мясо, круговыми движениями – так с овощей вырезают гнилые места – вырезал несколько кусков плоти, тут же отправив их в рюкзак. Потрясающая быстрота. Хтоник будто в соревновании участвует. Хотя почему будто? Так и есть. Он играет против системы – чье всевидящее око вот-вот заглянет на эту частично прикрытую навесами, дождем и водопадами тропу. Скосив глаза на далекое стальное небо, увидел огромную полусферу медленно плывущую над Дренажтауном. С этой высоты обзор у нее потрясающий. Но пока старик скрыт стеной – у него еще есть секунд сорок в запасе. Мелких полусфер пока не видно. У тебя есть время, хтоник. Что дальше?

А дальше приподнявшийся хтоник вбил нож в грудь трупа. В область сердца, стопроцентно пробив его. Дернул рукоять на себя, расширяя рану. С хрустом поработал лезвием внутри. Убрав оружие, по запястье запустил ладонь в узкую кровавую щель заливаемую дождем. Пошурудив в грудной клетке покойника,

вытащил сжатый кулак, что-то забросил в рюкзак. Все? Нет. Новый удар пришелся по правой стороне брюшной полости. Те же манипуляции, снова из раны выныривает окровавленный кулак, в рюкзак летит небольшой кусок плоти. Рюкзак плотно закрывается, сдавливается, подпихивается под хтоника, труп же закрывается большим куском ткани обшитой лохмотьями и разными мусором. Я моргаю, а когда открываю глаза снова, вместо трупа вижу лишь небольшой мусорный засор поверх сточной решетки. Дырявые бутылки покачиваются в луже, трепещет в течении лоскуток, тянутся по воде длинные зеленоватые нити какой-то пакости… нет ни малейшего желания приближаться к этой куче склизкого дерьма. Да и с чего бы возникло такое желание? Ведь это просто куча склизкого дерьма, частично забившая сток…

Я только что обрел небольшую мечту и едва сдерживал себя, чтобы не приступить к ее исполнению немедленно. Сначала понаблюдаю еще чуток. Ну и выжду явления ЕЕ…

Над нами неспешно проплыла огромная полусфера, на несколько секунд добавив освещения обычной городской улочке. Скользнули по воде и стальному полу несколько цветных лазерных лучей, пробежали по стене и утянулись дальше, расцвечивая Дренажтаун прицельной сеткой. Дай только повод – и я уже видел, что происходит с тем, кто осмелился не выполнить приказ системы. А ведь лазерные лучи скользнули и по куче мусора на сточной решетке… и по старику сидящему на рюкзаке с частями тела… С жужжанием проползла мимо небольшая стенная полусфера. Она безразлично прокатилась прямо над головой старого хтоника и над приютившим нас навесом. Тропа снова погрузилась в сумрак. И старый хтоник принялся за дело.

Оглядев еще пустой коридор, он чуток откинул покрывало, запустил руки под него по локоть и принялся орудовать ножом почти наощупь. Усевшись поудобней, вытянув ноги, я усердно разминал бедренные мышцы, пил остатки компота, зажевывая остатками мяса и изумленно наблюдал, как прямо на моих глазах исчезает труп немаленького мужика. Кривой нож ритмично дергался, острейшее лезвие срезало плоть кусок за куском. Никакой крови – любые красные потеки мгновенно смывались в сток, плоть постоянно омывалась грязным частым дождем. Вода же пропихивала отбрасываемые хтоником лоскутки плоти в щели решетки, где они и пропадали навсегда. Скорость потрясающая – чтобы добиться такой точности и эффективности скупых движений надо поработать ножом над парой десятков трупов самое малое. Он буквально строгал мертвое тело, начав с плеч и двигаясь вниз. Отпала правая рука, полетели в воду лохмотья

кожи и мяса, стремительно обнажая кость. Смачное чавканье, хруст, по вывернутой кости пару раз проходится лезвие ножа, счищая остатки плоти. Кость уходит под старика, нож продолжает работу. Едва покончив с рукой и обнажив начало позвоночника, старик сильным движением пододвинул труп ближе к себе и принялся мелко нарезать кожу на груди…

Поняв, что дело это долгое, я кивнул Рэку и орк протянул старику бутылку на треть полную компотом.

– Мемвас! – сердито старик, не отказываясь все же от бутылки.

Получив заветную серую таблетку и тут же забросив ее в рот, он запил компотом и вернулся к разделке трупа. А я приступил к вопросам:

– Зачем кости?

– Доски – качнул головой старик, ласково оглаживая реберную кость – Славная дощечка.

– Зачем доски?

– На гробы и помосты, на плиты и ограды. Работ много. Годных досок мало – вздохнул хтоник, убирая очередную кость под себя.

Переглянувшись с орком, я переспросил:

– Из костей… то есть из досок костяных делаете гробы, ограды?

– Верно, гоблин Оди. Шартрез красив.

– Ага… А хребты и головы?

– То надобно Харону. А я лишь старый плотник и удильщик. Отвали, гоблин.

Рэк сердито дернулся, но я зло на него зыркнул и орк остановил гневный порыв. Я же вкрадчиво сказал:

– Хочу торговать. С тобой.

– Что тебе надо? Что дашь?

– Мемвас – предложил я.

– За что?

– Дам четыре таблетки за четыре вот таких покрывала – указал я на «мусорную накидку» плавающую в луже.

Невероятно искусное изделие. Мало распороть пару старых футболок и штанов, сшить все это вместе и затем нашить сверху мусора. Получится неправдоподобно. Тогда как тут настоящее произведение искусства. Удивительное средство маскировки от глаз орков да гоблинов. Под такой накидкой не скрыться от бдительного ока системы, но мне этого и не требуется. Во всяком случае пока. Хотя…

Прежде чем старый хтоник успел что-то ответить, я добавил:

– И заплачу больше, если покрывала с внутренней стороны

будут обшиты той странной блестящей тканью.

– Обшиты душеловом? – переспросил хтоник и зашелся дребезжащим смехом – Гоблин! Это душелов! Его не найти так много! Редкость!

– Душелов? – повторил я, заново прокручивая в голове воспоминание о блеснувшей внутри рюкзака блестящей металлической ткани, что выглядела мягкой и прочной одновременно. Это именно ткань. Душелов… хм… название логично, смысл прозрачен – Простые покрывала? Не обшитые душеловом.

– Десять таблеток! И помощь донести доски до сороковой поминальной тропы.

– Легко – тут же кивнул я.

– Оплата вперед.

– Легко – повторил я и добавил – Запомни старик – я не спешу ссориться с Хароном и обманывать его детей. Я за честную сделку. И не забудь про душелов…

– Хочешь стать призраком, гоблин? – хохотнул старик, с хрустом отрывая еще одно ребро от растерзанного трупа.

– Просто люблю разные крутые и блестящие штуки – улыбнулся я.

Кто такие призраки? Хотя… опять же логика подсказывает ответ.

– Десять таблеток за четыре накидки – повторил хтоник и умолк, с головой погрузившись в работу и воспоминания. На его согбенную фигуру лился серо-бурый дождь, хлещущая вода стекала по стенам, бурлила вокруг быстро исчезающего трупа и на миг моему воспаленному взору показалось, что труп просто тает в воде – как тает в струе кипятка кусок тростникового сахара…

Сахар… тростниковый бурый сахар… почему я вспомнил про него?

А еще много тонких колышущихся стеблей с острыми как бритва тонкими листьями, свист стальных лезвий прорубающих нам путь сквозь заросли, тяжелая поступь молчаливых многотонных гигантов, оставляющих в земле глубокие ямы быстро заполняющиеся бурой болотной водицей, облака надрывно гудящей ядовитой мошкары бессильно кидающихся на мое мутное от крови насекомых и растительного сока забрало шлема, медленно ползущие перед глазами строки с донесениями и тающая на языке сладость пропитанного особым атомным самопальным кусочка сахара… В зарослях метнулась чья-то быстрая тень, грохнул взрыв, подбросивший к небу фонтан грязи и тела двух…

Я невольно вздрогнул, тряхнул головой. И воспоминание-галлюцинация рассеялась.

Это не флешбэк… я не провалился никуда – просто погрузился в странное зыбкое воспоминание… или все же галлюцинацию? На языке все еще ощущалась фантомная призрачного кусочка сахара…

– С тобой прогуляются как закончишь – сказал я вслух и трудящийся хтоник едва заметно кивнул.

Я гоблин упертый, поэтому попытался еще раз, решив дождаться внятности:

– Что насчет накидок с душеловом?

Презрительное хмыканье, отрицательное качание головой. Ясно. В этот раз удача отвернулась. Отсев подальше – старики зачастую раздражительны и сварливы, неохота портить внезапные деловые отношения – взялся растирать плечи и бицепсы, разгоняя в них кровь.

– Кто послал душегуба? – тихо спросил Рэк – Не Копула точно.

– Не Копула – согласился я – Захоти убить – мы бы не покинули обитель разврата.

– Понт?

– Грешу на этого ублюдка – кивнул я – Но он на втором месте. На первом – кто-то из богатых друзей или клиентов-гурманов сдохшего шестьдесят третьего решил отомстить. Долго ли нанять меткого гоблина не боящегося замарать лапы кровью?

– Из-за куска сладкого мяса? – не поверил орк – Да проще нанять того же душегуба завалить кого-нибудь не слишком тощего и притащить десяток кило вырезки с ляжек. Шестьдесят третий просто мясник. Винтик-болтик-безделушка.

– Дебил ты, Рэк.

– Пояснишь? Или я сразу молча глотаю командирскую похвалу?

– Сиськи на подносе видел отрезанные? – задал я очень простой и очень при этом глубокий вопрос.

– Там в боксе? В смысле – в ящике которые валялись?

– Ага.

– Ну. Ты же сам показал. Вместе с глазами в банках.

– Рассмотрел внимательно?

– Да на черта? Я по сиськам прусь, конечно, но только если они на бабе, а не в ящике.

– А я рассмотрел. И увидел шесть примерно одинаковых по объему, возрасту и цвету кожи женских грудей. Это не просто мясо на подносе. Это персональный, важнейший и стопроцентно невероятно дорогущий особый заказ, сделанный каким-то очень

богатеньким извратом-горожанином. Желанный заказ, что никогда не будет доставлен по адресу из-за каких-то гребаных деревенских вонючих гоблинов, влезших не в свое дело и сломавших многолетнюю цепочку, работавшую все это время как часы. Я уверен – этот заказ ждали с большим и грязным тайным нетерпением. Вот нежные вздутия уже срезаны с воющих свинок, тут же бережно запакованы, погружены в отдельный лоток и отправлены. Подрагивающая вкусная масса уже едет! А вот уже ждет в боксе! И тут перестрелка, вмешательство системы и всему конец…

– Я бы убил нахрен – признался Рэк.

– Вот-вот.

– Он успел пальнуть? Я дрых…

– Не. Придурок дождевик свой распахнул гостеприимно, прежде чем пушку достать. Я и поселил в его тушке две иглы. Третья мимо ушла. Стреляй он сквозь одежду – мог бы успеть.

– Как засек? – эта тема орка интересовала явно куда сильнее, чем какие-то там отрезанные сиськи.

– Он двигался странно. Привлек внимание.

– Как странно?

– Смотри.

Встав, но оставшись под навесом, показал походку несостоявшегося киллера, положение его излишне напряженных плеч. Сузив глаза, Рэк внимательно наблюдал, впитывая каждую мелочь. Я преодолел всего-то метров пять туда и столько же обратно, а орк успел задать десять вопросов и получить столько же ответов. По вопросу на каждый метр…

– Кого особо боимся? – пошел он дальше – С кем сближаемся в дружеском соитии?

– Всех – улыбнулся я – И ни с кем.

– Мы гоблины сами по себе?

– Мы гоблины сами по себе – подтвердил я.

Рэк успокоено осклабился:

– Это лучше всего. Бей любого – и попадешь по врагу.

– Рэк…

– Слушаю, командир?

– Насчет друзей и врагов – даже и не парься. Мы на самом деле гоблины сами по себе. Сегодня мы зарезали мясника, сорвали кучу мясных сделок – и нимфе Копуле это на руку. Она аж светилась от тихой радости. Но завтра мы убьем кого-то другого – и этим встанем Копуле поперек горла. И тогда уже она отправит за нами ликвидаторов.

– А мы точно кого-то убьем… – подытожил орк.

– Мы многих прикончим – улыбнулся я, высовывая голову из-

под навеса и смотря на далекое стальное небо сквозь мокрые линзы защитных очков. Капли дождя тарабанили по линзам, я смотрел наверх сквозь размытые искаженные пятна. Ссыт сейчас на меня какой-нибудь ухмыляющийся паук? Или это просто технический конденсат? Да мне плевать. Я думаю не о воде на линзах. Я думаю о…

– Попасть бы туда, да? – улегшийся на спину Рэк тоже уставился на безумные переплетения труб и частые огоньки.

– Низко метишь, орк – ответил я – Низко метишь.

– Но Копула крутая старуха, да?

– У нее полусфера личным телохранителем.

– Важная шишка.

– И прямо под визорами бдительной полусферы она годами держала замаринованного в медицинском клею запытанного до смерти мужика с собственным членом меж клыков. И нимфе это сошло с рук.

– Вот об этом я не подумал – признался удивленно Рэк и приподнялся на локте – А почему так?

– Потому что он просто гоблин – не задумываясь, ответил я – Или даже зомби. Добровольно низший зомби.

– А она тогда кто? Ясно что не зомбак, но…

– Она сильно плюсовой боевой полурослик – столь же быстро ответил я – И лидер бригады.

– Бригады?

– Бордель – ее штаб-квартира заполненная бойцами всех мастей. Обольстительные шлюхи-убийцы, громилы способные нежно поцеловать в ушко или сломать шею. Это боевая бригада, а Копула ее командир. В прошлом наверняка принесла немало хорошего Дренажтауну и система помнит ее заслуги и многое прощает. Ну и разница в рангах… не уверен, но вот почему-то мне упорно кажется, что пристрели я сейчас мирно ползущего куда-то червя – и система не отдаст никому приказ схватить меня и доставить в медблок. Она пропустит мой выстрел мимо глаз и ушей.

– Запросто – пожал плечами Рэк – Кто такой червь? Пустое место. Навидался таких, жил с такими. Однажды ночевал на их лежбище, когда заболел. Так они меня чуть не грохнули там – из зависти к руке. Суки. У них все разговоры о том, как и что у кого выпросить, кто из гоблинов жалостливый, а кого лучше не трогать. И при этом все у них все равно плохие – дашь такому брикет, он тебе улыбнется, поблагодарит со слезами, а стоит отвернуться – плюнет в спину и прошипит что-то злое. Твари. Пресмыкающиеся – последнее слово Рэк проговорил с особыми злыми интонациями – А ты крутой чувак, что успел сделать много

хорошего. Про ранги – не совсем согласен, командир.

– Поясни.

– Ты герой. Ну и мы немного. Вот что систему в нас зацепило. Вот почему она многое и нам прощает. Я вот почти сука уверен, что ей уже не раз и не два про нас разное нехорошее наговаривали завистливые или обиженные. Старичка с электрошокером помнишь?

– Ублюдок старый – кивнул я.

– Во-во. Он тут прожил годы. Горожанин с долгой и спокойной жизнью. Думаешь он после того, что ты с ним сделал, что-то хорошее про нас сказал?

– Сомневаюсь.

– И система его послушала – и укатила. А нам ни слова.

– Верно. Но почему сразу – герои?

– А кто мы? Вы Клоаку зачистили, Тролса завалили, стальной каньон от тумана очистили, полусферу обратно на сучок повесили и включили. Это подвиг как не крути. Всем подвигам подвиг. Потому я к вам причалил. И мы мясника грохнули, вскрыли цепочку, отправили ублюдка на допрос системы – а она молчунов наверняка не терпит. Еще один подвиг. Еще одна жирная зеленая галочка в наших досье. И одна такая жирная зеленая галочка перевешивает десяток мелких красных – вроде частых жалоб от нытиков с переломанными носами и ребрами.

– Или так – вынужденно признал я возможную правоту орка – Ага… то есть герои – как бы немного вне таблицы обычных рангов и отношение к ним другое.

– Но как проверить?

– Да легко – буркнул я – Чуть копнуть в прошлое и узнать не совершала ли давным-давно нимфа Копула какого-нибудь громкого подвига. Если было что-то – такое не забудут.

– А это мысль! Попроси Баска заняться, командир – посоветовал орк, глянув на дрыхнущего зомби – Он молодец. Что угодно выпытает.

– Как и девочки Копулы – улыбнулся я.

– А? – дернулся Рэк и отвернул харю.

– Расспрашивали развратницы обо мне? После влажного соития? – лениво поинтересовался я.

– Расспрашивали – признался орк – Умело и сладко спрашивали. И подливать не забывали. Про каждого спрашивали. Но про тебя особо.

– Что знать хотели?

– Все. Каждую мелочь.

– И что ты рассказал?

– А почти ничего – осклабился Рэк – Сказал, что ты крут и

любишь убивать. Настоящий мужик. И тебе это же самое говорю.

– И все?

– Сегодня вечерком обещал к ним заглянуть. И они обещали.

– Что?

– Что-то невероятно бонусное и сладкое, если в подробностях расскажу, как прошел наш интересный день.

– А ты что ответил?

– Пообещал рассказать – еще шире улыбнулся орк.

– Молодец – похвалил я – Обещание держи. Обещал – расскажи.

– Без вранья?

– Без вранья – кивнул я – Это проверка, Рэк. За нами следят. Может сама система нет-нет что-то шепчет Копуле на ушко про наши сегодняшние дела. Соврешь – нимфа сразу поймет.

– А может просто послать их к…

– Пока не надо – попросил я – Пока не надо. Поглядим что еще у тебя попросят девчата со сладкими бонусами.

– Сделаю.

– Пора будить наших сонь. Время немного пробежаться.

– И куда бежим?

– Отсюда и до обеда – ответил я чистую правду – А обедать будем на Гиблом Мосту. Но это я с гоблинами. А ты – топай давай за дедушкой. Он труп уже весь на очистки пустил…

Сточная решетка была пуста, вода беспрепятственно уходила сквозь ячеи в рокочущую темноту. В вывернутое наизнанку маскировочное покрывало, превратившееся в обычную свернутую тряпку, были завернуты «доски». Старый хтоник стоял над свертком и из-под низко опущенного до самой головы зонта, глядел на нас.

– И помоги косточки донести – тихо попросил я – В дороге будь вежлив и молчалив. Вообще ни о чем не спрашивай. И никаких конфликтов.

– Сделаю. Встреча на Мосту?

– Верно.

– Все понял.

Поправивший дождевик громила шагнул к старику, нагнулся. Вскоре они уходили по залитому водой широкому коридору. Проводив их взглядом, отвернулся – как бы не хотелось поглазеть на кладбище Шартрез, я не хотел никому показывать свой интерес к этому месту. Пусть те, кто наблюдает, думают, что гоблину Оди плевать на здешних воротил и теневых манипуляторов.

Ткнув ботинком дрыхнущую Йорку, шагнул к Баску, но тот чутко встрепенулся и уселся.

– Лопнуть и сдохнуть – сонно проворчала напарница – Ой косточки затекли…

– В борделе было спать мягче и слаще? – ласково осведомился я.

– Заткнись, гоблин! – тут же окрысилась Йорка, сверкнув глазами сквозь очки.

– Подъем – скомандовал я – Время пробежки. Затем пообедаем в месте с хорошим видом. Встаем и бегом! Живо! Без раскачки! Йорка! Не тянись к бутылке. Бегом!

Вскоре мы уже неслись по лужам, стараясь не отстать от стремительно летящей по верху стены полусферы. Я бежал легко, а вот еще толком не проснувшихся бойцов шатало по всему коридору. Вернее, шатало Йорку, а за ней следом мотало и терпеливого зомби, державшегося за ее плечо. На жалобы напарницы о пересохшем горле и прочих естественных надобностях внимания я не обращал. В случае реальной опасности нам никто не даст времени на раскачку и подготовку. Вскочил – беги! Беги, гоблин! Будь готов, гоблин! Не готов? Все равно беги, грязная скотина! Иначе сдохнешь!

Если Йорка начинала ныть особо громко, я, не оборачиваясь, участливо спрашивал о том, как все же прошла ночевка на мягкой постельке в борделе и гоблинша тут же затыкалась и молчала следующий километр, пыхтя и разбрызгивая ботинками воду.

Глава седьмая

Текущее время: 04:56.
Баланс: 620

Наши аппетиты и нужды только росли, наград с обычных заданий уже не хватало. Мы жрали и пили в три горла, футболок, штанов, трусов и носков хватало максимум на один день, система радостно вкалывала не слишком дешевые усиливающие инъекции. Все стоит денег. Но я не пытался экономить. В этом мире всегда можно найти способ быстрого обогащения. Поэтому нечего скулить, глядя как тикают на убывание денежки на счету.

Оди обещал – Оди сделал. Вот вам место для обеда с открывающимся хорошим и даже живописным видом…

На обед мы устроились на крутом речном бережку, усевшись в тени березовой рощи, расположившись неподалеку от присевших рядом с дымным костерком бородатыми мужиками, разбирающими горы набитой дичины. Над костерком исходящий паром котелок. Они вроде как обедали. У нас второй завтрак.

Роща, костер и мужики – фальшивые. Как и пронизанные солнечными лучами облака нависшие над рощей.

А вот берег и речка вполне настоящие, хотя и выполнены из прочной стали – огромный желоб на четверть заполненный густой мерзкой жижей истекающей из Зловонки. Пузырящаяся масса самотеком уходила в облепленную какой-то гадостью решетку, вставленную в стену начинающегося здесь Дренажтауна. Над желобом тянется отчетливо видимый буроватый туман. Осклизлые стенки внушают опасения – упади в желоб и без посторонней помощи можешь и не выбраться. Не за что зацепиться. И вряд ли эта жижа увлажняет и питает кожу – скорее растворяет ее вместе с мясом, заодно шлифуя кости.

Масок и очков мы не снимали. Наоборот – сменили фильтры, прижали очки плотнее к коже, подтянули капюшоны, затянули дождевики, ладони в перчатках втянули в рукава, прижались спинами к фальшивой березовой роще нависшей над жуткой стальной рекой и принялись завтракать. Пищевые брикеты извлекались из рукавов и тут же отправлялись в рты сквозь щель в приподнятой на выдохе маске. Жевали медленно, сидели тихо.

Через десяток минут к нам присоединился Рэк, приведенный отправленной на его поиски Йоркой и притащивший за плечами большой сверток. Развернув посылку, он набросил на наши плечи маскировочные накидки, уселся рядом и, получив свою долю пищевых брикетов, тоже затих, внимательно вслушиваясь в шепот

сидящего рядом с ним Баска, поясняющего мою простую задумку и несколько недавно сделанных мною же предположений. Вместе с коротким планом я все это рассказал задыхающимся после пробежки бойцам, пока мы закупались пищевыми брикетами, водой и шизой в торгматах, щедро при этом тратя сбережения.

В ответ Рэк продублировал уже замеченное нами – на входе в город тормозились все, кто имел при себе рюкзак, ящик или иную емкость способную вместить в себя кусок мяса. Явно после допроса шестьдесят третьего система взбесилась и отдала четкий приказ. Обычными путями мясо в город не пронести.

А мои предположение… они были просты, но оказаться правдивыми могли только в одном случае – если Понт Сердцеед и его ближайший круг не совсем уже конченые дебилы. Умниками им быть не обязательно. Достаточно уметь сложить два и два, плюс крайне желательно наличие злобной паранойи. Если такой набор в наличии – Понт или кто-то из его заплечных умников обязательно сделает простое предположение – долбанного гоблина Оди кто-то нанял с единственной целью – задушить Зловонку.

Почему?

Да так вот чисто случайно сложились события недавнего прошлого.

Сначала я убил жившего под Гиблым Мостом тролля Тролса, после чего мы уничтожили Стылую Клоаку целиком и полностью, мимоходом восстановив в ней видеонаблюдение. Этим мы невольно обрубили сразу две пусть платные, но при этом безопасные дорожки ведшие из Зловонки в Дренажтаун, на Окраину и обратно к ним же. Худосочных червесвинок уже не удастся доставить «нижней» туманной тропой на фермы. И свежатину тем же путем не отправить клиентам.

Но Зловонка не унывала. Ведь остался еще один верный и надежный способ доставки – шестьдесят третий! Чудесно жадный вагоновожатый, что всегда с радостью отвезет покупателям пару коробов сочной вырезки, а за дополнительную плату – забросит будущих свинок в лапы свинарей.

И тут гребанная группа гоблина Оди уничтожает и этот способ…

Тем самым я невольно, специально этого не планируя, лишил Зловонку двух их трех самых безопасных и темных торговых тропок. Если представить Зловонку островом – я обрубил два моста.

И засел рядом с потенциальным третьим – у заполненного вонючей жижей сточного желоба упирающегося в решетку.

Есть ли еще тропки у Зловонки?

Запросто.

Я понятия не имею что и как там устроено, есть ли еще крысиные норки. Но с достаточно большой уверенностью могу предполагать, что других тропок могло и не остаться. Ни одной кроме этой. Вот я и решил здесь отобедать, не забыв перезарядить пустые картриджи. Само собой проверил я и раздел заданий. Но в подменю пустота – такое впечатление, что система либо забыла о том, что моя славная боевая группа сидит без дела, либо же она решила дать нам передышку – чтобы мы могли собраться с мыслями и силами для покорения Зловонки. Сторожевая полусфера в покоях мудрой старухи с дырой в голове не могла не слышать мои слова. И наверняка сделала какие-то выводы из этого.

Так что у нас было время сидеть в спокойном неторопливом ожидании и размышлять каждый о своем.

Что сделает Понт Сердцеед?

Первым делом он должен показать всем, что умеет огрызаться. Если того киллера послал не он – вскоре по наши головы придет целая толпа озлобленных болотников или хорошо проплаченных профи.

Этого допустить нельзя. Рано или поздно, но мы схлопочем по игле в спину, и наша героическая эпопея бесславно завершится. Мы не можем отсиживаться. Нам надо играть на опережение, надо продолжать грызть вонючие ноги Понта и Зловонки.

Тяжело ли питаться сидя в невероятно вонючем и ядовитом тумане густой волной выползающего из сточного желоба?

Вовсе нет. Забросил пищевой кубик в рот и сидишь себе, медленно прожевывая его под маской и сквозь линзы очков поглядывая на клубящийся вокруг бурый туман, оседающий крупными каплями на стене с рисунком березовой рощи. Скрытые туманом и мусорными накидками со стороны мы наверняка кажемся длинной грудой отбросов. Но я не полагаюсь на накидки – если желоб используется регулярно, то путешествующие по нему не могут не знать, что еще вчера или позавчера на этом месте не было мусора. Нет. Я полагаюсь на туман и на чужую небрежность. Туман может подвести и меня. А вот чужая небрежность… к ней я отношусь с благоговейным уважением, ведь она, как мне кажется, давно уже моя верная подруга. К тому же у меня есть небольшой козырь прямо под боком. Поэтому сидим относительно спокойно.

Можно даже поговорить – чем и воспользовался вернувшийся последним орк. Повернувшись, через голову жующего зомби, Рэк спросил:

– На выходе группу видели?

– Патрулирование – кивнул я – Стоят, ничего не делают, денежка сама капает. Везуха. А что?

– Выходил как-раз, а передо мной орк шел. Чуть пониже меня, но куда плотнее. Но ступал так мягонько, будто его жопа весит не больше пару кило. Пушинка в два метра ростом и почти такими же плечами. Мускулы растут везде – даже на затылке. Увидел сквозь капюшон.

– И что?

– Подходит он к той группе. И сходу начинает что-то выговаривать одному из охранников. Тихо, но очень сердито. Даже маску и очки снял, чтобы доходчивей объяснить. И с себя и с бедолаги охранника. Тот что-то блеет в ответ, головой тупой машет, руки держит по швам, сам вытянулся и дрожит как член девственника перед первым причастием. И тут сердитый орк как даст охраннику ладонью в грудь.

– Именно ладонью?

– Ага. Основанием ладони. Между ними полметра было. Орк руку даже не выпрямил толком. Но охранника отшвырнуло шагов на шесть и только затем он упал. И он не притворялся. Первые три шага летел в отрыве от лужи. Потому уже коснулся вонючей глади и наконец-то шлепнулся на жопу. Проехался на булках еще метр и скрючился, держась за грудь. Повторю – орк руку толком даже не выпрямил. И плечом не шевельнул. Просто ткнул охранника ладонью в грудь – и тот полетел…

– Куда именно ударил?

– Справа по груди пробил. Ударь слева – может и мотор бы остановил бедолаге. Сила бешеная. И я клык даю – он не отжиманиями такую силу набрал.

– Система – согласился я.

– Система – подтвердил и Рэк, сгибая руку в локте – Видите?

– Тебе пять лет что ли, орк чертов? – недовольно пробурчала Йорка – Еще чего покажешь?

– Что показал то хоть? – с любопытством спросил Баск – Дай угадаю – бицуху?

– Бицуху – удивленно подтвердил я – А ты как понял?

– По голосу – пожал плечами Баск – Орки на Окраине вечерами так хвалились. Кто чем богат. Бицухами, трицухами, кубиками, выпуклостью вен…

– Я не хвалился! – оскорбился Рэк – Но да – бицепс показываю. Он вырос!

– Вырос – подтвердил я и напряг мышцы рук, сжал пальцы. Сквозь прозрачный рукав было отчетливо видно движения змеящихся под кожей мышц – У нас у всех. И пока что у тебя

худший прогресс, Рэк.

Орк не стал спорить. Молча кивнул и развел руками. Чуть подумав, добавил:

– Система.

– Система – снова согласился я – Мы рангом выше и уколы нам делают круче. И уколы непростые. У меня волосы стали гуще, кожа стала чище и более эластичной, да еще и подтянулась, перестали болеть суставы, уходит боль из поясницы, быстрее стала отрастать щетина, после каждой убойной тренировки мы восстанавливаемся с удивительной быстротой.

– Уколы – буркнула Йорка – Волшебные уколы.

– У меня слух обострился – вставил Баск – А главное – я стал чуть четче видеть уцелевшим глазом. Может частично прозрею?

– Глаза тебе будем менять полностью – возразил я – Этот вырвем – новые вставим. А теперь внезапный вопрос – кому-то это кажется удивительным?

– Что ты мне глаза вырвешь? – уточнил Баск.

– Нет. Кому-то кажется удивительным тот факт, что система с такой шутливой легкостью превращает нас в крепких выносливых бойцов? Логики не надо. Скажите, что чувствуете. Да? Нет?

– Нет – первой отозвалась напарница – Кажется обычным делом.

– Мне не колют особо, но что тут удивительного? – проворчал орк – Химия в крови – звучит привычно.

– Кажется странноватым – признался Баск – Но как странноватым… будто слышать приходилось, а вот на себе испытывать – никогда.

– Мыслю примерно так же – кивнул я – Это кажется обычным. Ничего особенного…

– И к чему вопрос был, командир? – спросил Баск.

– Пытаюсь понять наше подсознательное отношение к таким вот чудесам – ответил я – Они не могли стереть из наших голов все подчистую. Мозги – не доска с маркерными записями, так легко все не сотрешь и тряпкой накинутой не блокируешь. Что-то да останется.

Баск открыл рот, но внезапно дернулся, замер, наклонив голову к плечу. Посидел так пару секунд и тихо пробормотал:

– Звуки с желоба.

– Всем тихо – скомандовал я, разворачиваясь к желобу – Что за звуки?

– Легкие стуки.

– Далеко?

– Не понять. Но шум нарастает.

– Принято. Всем приготовиться.

Йорка уже привычным движением выставила перед собой узкий щит, взялась за дубину. Баск вытащил шило, Рэк остался неподвижным, но его рука и так все это время лежала на дубине, достаточно чуть сжать пальцы.

– Может за угол? – предложил орк – Чтоб не засекли сученыши.

– Туман и нам на руку – усмехнулся я, оставшись сидеть, но согнув левую ногу и уложив на колено игстрел. Подошва ботинка вросла в мокрый пол, опора для оружия без отдачи просто отличная.

– Шум ближе… – оповестил Баск ровным и даже несколько безразличным голосом – Метров десять…

– Никому без приказа не дергаться – велел я.

Зомби замолк, но свободной рукой показывал на пальцах оставшиеся метры. Пять и четыре. Пять и три. Пять и два. Просто пять.

В густом мареве бурого тумана проявилось нечто большое и темное, медленно двигающееся по желобу. Через равные промежутки времени слышались слабые-слабые постукивания по металлу. Бум. Бум…

Я замер, приникнув к тонкому неудобному прикладу. Палец на спуске, в другой руке, чуть поддерживающей ложе игстрела, зажат второй картридж, еще четыре рядком лежат на правом бедре.

Туман чуть раздался, разорвался как сырая штора и мы увидели странное сооружение.

Плот.

Немалых размеров плот из смотанных вместе пустых пластиковых бутылок. Тут сотни бутылок. Добрый десяток шестов поддерживает низкую крышу, под которой согнулись темные фигуры пассажиров. Мы их уже видим. А вот они пока могут заметить лишь что-то темное наваленное под стеной.

Еще метр…

Еще один…

Да их тут не меньше восьмерых. Сидят на ящиках, в руках шесты, что-то едва-едва слышно поскрипывает на дальней стороне плота. До ушей донеслось бормотание, чей-то приглушенный возглас и короткий смешок. Одна из особо крупных фигур в передней части плота повелительно махнула рукой и этим подписала себе приговор – командиры дохнут первым. Я мягко утопил спусковую клавишу и утвержденный на неподвижном колене игстрел тихо щелкнул. Целился я чуть-чуть ниже шеи, резонно полагая, что у пожаловавших гостей вполне может оказаться нагрудная защита. Расстояние плевое,

промахнуться практически невозможно. Сдавленно охнувший командир пошатнулся и головой вперед ушел в вонючую жижу. Я отметил это краем глаза, успев уже перевести оружие и выстрелить два раза подряд.

С щелчком показался опустевший картридж, и я тут же выдернул его. На его место встал новый. Щелк. Щелк. Щелк. Нажимая на спуск третий раз, подхватил с бедра следующий магазин, выдернул старый, перезарядил. Щелк. Щелк. Щелк. Перезарядить. Повторить по уже обмякающим фигурам.

– Вперед! – не отрываясь от приклада, приказал я – Придавить к плоту сук! Мне нужно двое живых!

Подскочившие бойцы молча бросились к плоту, что перекосился в желобе и застрял между его стенками. Едва мне перекрыли обзор – неумехи еще – и вскочив, я побежал следом, держа оружие перед собой и готовый мгновенно поселить иглу в любой угрозе. Моя троица нырнула под крышу плота, послышался чей-то перепуганный визг, что тут же оборвался, кто-то протяжно хрипел, пытался встать, но орк коротко ударил пяткой по его горлу и хрипун замолк. Стоя у края желоба, я не отрывал от лежащих взгляда, не обращая внимания на возню в корме. Вернувшийся орк прошелся от тела к телу, взмахивая шипастой дубиной, нанося по два удара каждому, целясь в шею и лицо, стараясь утопить шипы в уже начавших стекленеть глазах. Двое оказались притворщиками. Первый от удара в шею засучил ногами, застонал, а второй, не дожидаясь прибытия рыкающей смерти, перевалился через край и нырнул в говно. Метра через два вынырнул, фыркнул, поспешно погреб. Я чуть сместился и, когда пловец добрался до берега и вскинул побуревшую харю, выстрелил ему в лицо. Пальцы разжались и труп медленно утонул в дерьме.

– Чисто, командир! – тихо доложил Рэк – Двое целехоньких. Одного оседлал Баск, второго Йорка.

– Связать.

– Ща.

– Трупы в говно – добавил я и с покачивающегося плота один за другим скатились по покрасневшим от крови бутылок тела.

– Все целы? – задал я главный вопрос, пригибаясь и ступая на захрустевший пластик плота.

– Норм – чуть напряженно ответила напарница.

Баск кивнул.

– Цел – буркнул орк – А Йорка шилом в ляжку получила.

– Да едва ткнули! Заткнись, гоблин! – мгновенно окрысилась гоблинша.

– Еще раз соврешь в подобном – искупаю в дерьме – ровным

голосом произнес я – Погружу с головкой и подержу так ровно три минуты. Поняла?

– Да…

– Отлично. Ушлепков на берег, Рэк. Остальные – осмотреться на плоту хорошенько.

Вернувшись на край желоба, посмотрел на крышу плота и удивленно присвистнул – это длинное корыто, доверху наполненное вонючей грязью, с краев часто свисают веревки с навязанным мусором, со стороны плот легко спутать с большой кучей мусора плывущей по желобу. Особо крупный комок небесного дерьма. А снизу? Пригнувшись, оглядел крышу внимательней и понимающе хмыкнул – знакомый блестящий металл. Ясно. Конструкция неплохо продуманная, крепка, плот вполне надежен, одна проблема – рано или поздно система или любопытные гоблины его заметят. А пауки? Им сверху далеко видать. Далеко не лучший способ доставки свининки. Опасный. Рисковый. И раз уж болотники пошли на это – у них действительно не осталось других тропок. Мы – четыре деревенских гоблина – умудрились нехило прижать Зловонку. Вот и третью тропку перекрыли – сомневаюсь, что у болотников целый флот так хорошо замаскированных плотов. Хотя ненадолго – уже чего-чего, а плотов и челнов у обитателей Зловонки должно быть немало – по глубокому дерьму аки посуху не походишь.

Но зачем гадать, если можно вежливо спросить?

– Рэк, спроси у ребят – может кто хочет с нами побеседовать?

– Ага – ответил Рэк и поочередно врезал каждому из лежащих на полу болотников по яйцам. Их скрючило, из забитых тряпками ртов донеслись глухие стоны.

Орк удовлетворенно повернулся ко мне:

– Хотят говорить. Мечтают даже.

– Отлично. Оттащи вот этого шагов на пятнадцать вон туда – указал я – И хорошенько расспроси. Интересуйся всем, устрой себе настоящую лекцию по Зловонке. И спроси про то, каким способом они хотели доставить мясо в город. О… а есть ли мясо? Баск! Йорка! Свинина есть на борту?

– Дерьмо! – отозвалась чуть сдавленно Йорка – Тут в трех ящиках нарубленная жирная баба! Даже не освежеванная! В остальных десяти ящиках – то же самое. Требуха еще в двух. Мрази!

– Мясо есть – заключил я – Действуй.

Довольно зарычавший орк ухватил одного из продолжающих стонать болотников и потащил в сторону, попутно отбросив к стене изъятое у них оружие и вещи.

Присев рядом с оставшимся, выдернул кляп, содрал с него очки и капюшон, внимательно рассмотрел перекошенную бурую харю испещренную зеленоватыми прожилками вен. Перманентно воспаленные глаза смотрели на меня с хорошо понятным чувством – со страхом. Совсем молодой болотник хотел только одного, но хотел этого с безумной силой – он хотел жить. Не дожидаясь моих слов, он заговорил первым:

– Я сделаю все, чтобы оказаться вам полезным. Все! Пожалуйста, не убивайте меня!

– Имя?

– Гюнти! Я всего лишь свинарь! Кормлю свинок! Не убиваю! Я хороший!

Подавшись вперед, я вкрадчиво спросил:

– Что даже не трахал свинок пискливых? Не сжимал сисек жирных в потных ладошках, а?

Болотник дернулся, скосил глазами. Резким ударом я сломал ему нос:

– Смотри на меня, сука Гюнти!

– Смотрю, смотрю – прогундел тот, смаргивая побежавшие слезы.

– Отвечай – свинок беспомощных мацал? Трахал?

– Да все трахают! Все! А им ведь все равно! Они тупые! Им даже приятно! Я никогда не бил! Не издевался! Делал им приятно! Мыл их, чесал! Они ведь сами почесаться не могут. А я чесал! Разминал!

– И трахал – стоял я на своем.

– Да все их трахают! Все! И ты бы трахал, мужик!

Следующий мой удар пришелся ему в горло. И пока мудак сипел и хрипел, пытаясь впихнуть в грудь хоть немного вонючего кислорода, я отчетливо произнес:

– Ты меня с собой не путай, гнида.

– П-понял… п-понял… пожалуйста…. Я хочу жить. Я очень хочу жить.

– Ты обделался что ли?

– Да… да…

– Ладно, ушлепок. Вы чего с салом к решетке приплыли? Дальше куда?

– Вниз. С левого края желоба сбросить вниз зажженный фонарь внутри пластиковой бутылки. Из-под желоба поднимется десяток парней Кровяша.

– Ага… У них там вход в город?

– Не знаю. Я же болотник. Они городские. Их дела. Наше дело – доставить.

– Часто ходите этой дорогой?

– Вообще не ходим, мужик! Какой-то гребаный упырь Оди лихих проблем наделал. Раньше все чинно было. Туманкой ходили с рядовым мясцом, вагончиком элитку развозили. А теперь все ящики в кучу – и плотом по желобу.

– А раньше ты кем был?

– Болотник я…

– До Зловонки. Ты же не там появился?

– Окраина… орк работяга. Три года там спокойно жил не тужил.

– И чего ушел? Захотелось послушных свинок?

– Нет! Поссорился с весовым из кляксы. Мне от него передали – сегодня исчезни или завтра похоронят. Вот я и…

– Исчез – понимающе кивнул я – Знаешь зачем ты мне нужен?

– Зачем? Я все сделаю! Все!

– Догадайся – поощрил я.

– Да хрен его знает, мужик. Я же тебя не знаю! Даже имени твоего! Ты ведь мяса грабануть решил? Так забирай! Помогу донести. И вообще – возьми меня к себе, а?

– Ты же болотник. А как же верность племени и все дела?

– Кому?

– Верность Зловонке.

– Да в задницу Зловонку! Ты не представляешь, как там живут, мужик! Это же сущий сука мрак! Куда мне еще было податься? В город сраный надолго нельзя, на Окраине убьют – вот я и рванул в Зловонку.

– Окраина большая – не согласился я – И не одна. Прошел бы через город – а там другая.

– Да завербовали меня в городе. Болотникам ведь тоже пополнение нужно. Причем из молодых – старики там быстро дохнут и на корм свиньям идут. Я прошел испытание. И меня взяли.

– И что за испытание?

– Да… мелочь…

– Не хочешь говорить?

– Хочу! Хочу! Корм надо было украсть! И все!

– Корм?

– Да старуху тощую мы с еще одним новичком с Окраины сперли. Притащили на Зловонку. И все…

– Корм сперли – понимающе кивнул я – А потом со старушкой что случилось?

– Ну… ее того…

– Если еще раз придется тебя поощрять на ответы – выколю глаз – предупредил я, доставая нож.

Забившийся как рыба болотник торопливо затараторил:

– Убили мы ее при старших болотниках! А потом на куски порубили – и в бак для готовки кормового варева побросали. И все!

– И все – повторил я – Ну да. А че тут такого? Старуха же совсем доходяга была?

– Да древняя сука с отвислыми си… ыкх!..

Подавившись моим кулаком, молодая гнида зашлась хрипами и кашлем, а я сидел и досадовал на себя – надо быть поспокойней, посдержанней. Сдерживай себя, гоблин, сдерживай!

– Что с мясом делать? – донеслось с плота.

– К трупам! – ответил я – Все за борт! Не в ящиках – вываливайте так, чтобы человечина гарантировано потонула. Или хотя бы пропиталась этим дерьмом и проскочила в решетку.

– Делаем, командир.

– Там сотни солов, мужик – прохрипел пленник – Ты чего? Озолотишься. Я помогу продать. Кинешь мне пару сотен – и я исчезну, начну правильную жизнь на другом краю. А?

Я не успел ответить – с плота подала голос Йорка, живо интересующаяся судьбой крупно нарубленного трупа:

– Оди! Тетку рубленную куда девать? Если тоже в желоб? И голову кидать? Или?

– Голову оставь – после краткого раздумья решил я – Сдадим системе за копейку.

– Ага.

Я перевел взгляд на болотник и увидел, как его корежит в мелких конвульсиях. Он пытался, но никак не мог отвести от меня расширенных глаз.

– Оди? – выдавил парень – Тот самый Оди?

– Оди – кивнул я.

– Я не хотел тебя оскорбить. Не хотел, дружище.

– Я тебе, сука, не друг. И даже не враг – ведь ты просто плесень говорящая. Понял?

– Все понял! Все уяснил!

– Слушай меня внимательно, любитель свинок Гюнти.

– Я к ним со всей нежностью…

– Со всей нежностью что? Член пристраивал?

– Нет! Нет! Только по согласию! Я же не психопат! Не извращ! Им приятно – мне приятно!

– Ты понял для чего ты мне нужен, Гюнти?

– Я…

– Подсказать?

– Пожалуйста…

– Мне нужна информация о Зловонке. В первую очередь – о подходах к ней. О том, где обитают старшие и младшие, где

держат свиней, как передвигаетесь, велики ли разливы. Понял?

– Все понял!

– Но учти, любитель свинок – потом я наведаюсь к твоему другу и послушаю уже его и своего орка. И я тебе честно признаюсь – я больше доверяю твоему приятелю, которого сейчас месит мой орк.

– Да почему?

– А ты прислушайся – посоветовал я.

Гюнти послушно замолк, повел головой, прислушиваясь и через минуту его глаза расширились еще больше, ноздри разбитого носа задергались, гоняя туда-сюда уже начавшую спекаться кровь. Из бурого тумана до нас доносилось злое рычание задающего вопросы Рэка и смачные звуки ударов. Шмякающих сильных ударов, после каждого из которых второй пленник протяжно сипел и выталкивал из себя пару хриплых слов – умоляющих, судя по его скулению.

– Правду всегда проще выбить, чем получить бесплатно. Да, Гюнти?

– Нет! Я все расскажу! Спрашивай!

– Ты давай-ка сам – лениво взмахнул я рукой, глядя, как Баск с Йоркой опрокидывают в желобное месиво ящики, вываливая килограммы и килограммы жирной человечины.

Следом полетели черные как смоль распухшие руки – видать та самая порубленная жирная тетка. Вкусы у всех разные. Кто-то любит сочную вырезку, а кто-то предпочитает обжаренные на сковороде маринованные в кетчупе пальчики… Спит и видит, как с сопением будет высасывать из-под распухших вареных ногтей сладенький соус…. Найти бы этих ублюдков – и разом всех живьем пустить на фарш.

– Так с чего начать-то, Оди? – пытаясь заглянуть мне в глаза, спрашивал трясущийся паренек.

Отодвинув маску, я забросил в рот треть серой таблетки, задумчиво прищелкнул языком и пожал плечами:

– А давай со входа – и дальше.

– Мне бы тоже…

– Открой пасть – милостиво кивнул я и забросил в разинутый рот целую таблетку – Жуй, гнида. И говори.

– Глаза без очков жжет…

– Говори – добавил я чуть металла в голос и это подействовало волшебным образом.

Гюнти, молодой и трусливый болотник, бывший орк-работяга с Окраины, торопливо забубнил, немилосердно щуря воспаленные глаза и выплевывая слово за словом.

Зловонка…

Заброшенный и покинутый системой кластер коридоров и залов, затопленных во время давнего мощного прорыва нечистот. Жижа продолжала поступать сквозь огромную дыру, ленивый, но неудержимый поток не остановить, дыру не запечатать. Так родилась Зловонка. Ее бы следовало назвать проклятыми и покинутыми землями… но оттуда ушли не все…

Болотник говорил долго – не меньше получаса он заливался хриплым пением, а я внимательно слушал. Когда он, не замолкая, явно стараясь быть максимально полезным, продолжил говорить, но уже начал повторяться, я оставил его под присмотром Йорки. А сам наведался к Рэку, где обнаружил зло сопящего орка и еще одну хорошенько избитую небритую птичку постарше. Там я пробыл минут двадцать, слушая столь же внимательно, изредка задавая короткие вопросы, не забывая ввернуть в них пару только что узнанных словечек – обозначение дорожек и мест, имена старших и прочее.

Что ж… полученная из двух источников информация сходится.

И многое из услышанного мне жутко не понравилось – Понт Сердцеед, лидер Зловонки, на самом деле решил, что против него и его вонючего царства ополчился кто-то могущественный, незримой тенью стоящий за спиной гребаного гоблина Оди. Сначала мол они обрежут нам все дорожки, а затем явятся сюда. И потому Зловонка начала готовиться к обороне, наращивая защитные сооружения. Пока толком еще не готово, но болотников уже начали беспощадно гонять, заставляя строить поперек входа плавучую высокую стену. Говно пойдет под стеной – попробуй пронырни – а сверху постоянные патрули с мощными фонарями. Никто незваный войти в Зловонку не сможет. Но пока до завершения строительства еще далеко.

Ключевое слово – пока.

Отведя Рэка, подозвал к себе остальных. Стянув маску, оглядел бойцов и прогудел в маску:

– Готовы, гоблины?

– Всегда – мгновенно отозвался Рэк.

– Двинули – произнес Баск.

Последней кивнула Йорка. Пусть с легкой заминкой – ох уж эта параноидальная гоблинша! – но все же кивок был уверенным.

– Тащите дерьмоедов на плот – скомандовал я – Пока осмотрю невиданную технику…

Сказано громко, а вот осматривать особо нечего – прямоугольная плавучая хреновина из средств управления снабженная четырьмя шестами для отталкивания от стен желоба и большой лебедкой на одном конце. На лебедку намотан тонкий

трос уходящий в жижу. Система проста до безобразия.

Когда на плот зашвырнули пленных болотников, я приглашающим жестом указал на лебедку:

– Поехали.

Тем понадобилось время, чтобы разобраться – воткнуть по самодельной рукояти с обеих сторон барабана, но затем дело пошло. Едва слышно заскрипевшая лебедка начала наматывать склизкий трос, дернувшийся плот медленно пошел вверх по течению.

Наклонившийся ко мне Рэк тихо спросил – так, чтобы слышали Баск с Йоркой, но не пленники:

– Идем на штурм?

– Не – покачал я головой – Назовем это разведкой и потенциальной мелкой пакостью. А там посмотрим, как пойдет.

– Отличный план – кивнул орк – Просто отличный!

* * *

Что есть мелкая пакость?

Любое вредительство не слишком крупных масштабов?

Ну тогда Рэк совершил вполне мелкую пакость, пробив дубиной затылок дремлющего часового, а безмолвно отшатнувшегося второго полоснув ножом по горлу. Сделать это было нетрудно – оба часовых беззаботно повернулись ко входу спиной, пялясь куда-то в подсвеченный желтым туман и оживленно обсуждая неких жадных ублюдков. Два трупа осели на мокрый решетчатый пол. Алая кровь коротким дождиком окропила медленно продвигающееся тягучее месиво внизу. Следом полетели мертвые тела, быстро утонув в химическом дерьме. Их ждет водопад, а затем желоб и решетка в конце пути. Поднявшиеся по самодельной лестнице Баск с Йоркой тут же заняли места сдохших дозорных, встав точно так же и смотря туда же – вглубь Зловонки, а не наружу.

Мы с Рэком присели ниже – у основания построенной из все тех же пластиковых бутылок дозорной вышки. Четыре колонны из полных жижей и пустых бутылок на краях большого проема, сверху квадрат стальной решетки, лестница и исходящее туманом море дерьма под башней. Конструкция оказалась достаточно прочной, но шумной – пластик поскрипывал при каждом движении. Это сыграло нам на руку – пока наверху покачивались и болтали завистливые дозорные, Рэк спокойно поднялся и покончил с придурками. Судя по поблескивающим сквозь линзы глазам, он еще не насытился пролитой кровью.

Я коротко кивнул. Чуть подавшийся вперед орк полоснул окровавленным ножом по горлу лежащего у наших ног связанного любителя свинок Гюнти. Тот, все видящий и все понимающий, жалобно выпучил глаза, замычал сквозь кляп, попытался шарахнуться в сторону, но избежать лезвия не удалось и вскоре стон перешел в хриплое бульканье, ноги взбили грязь, застучали ботинками. Орк чуть подтолкнул и еще не умерший Гюнти упал в жижу, забился, пытаясь плыть, орошая густое месиво красным. Обреченный любитель свинок не сводил с меня выпученных глаз до самого конца, пока с макушкой не погрузился в нечистоты. Еще и пальцем указывал – то ли с укоризной, то ли с яростью. Этого уже никогда не узнать.

Вот теперь можно и оглядеться спокойно.

Как назвать эту часть Зловонки?

Устье?

Скорей всего так. Или же задницей – что подходит куда больше и по внешнему виду, и по запаху.

Это, кстати, первая возможность для изучения обстановки. До этого мы были жутко заняты убийствами и подъемами по лестницам.

Без приключений добравшись на плоту до конечной остановки – пустого пространства под одной из металлических лестниц, где нас встретило трое тут же умерших доходяг с торчащими из-под огромных широкополых шляп седыми лохмами, мы закрепили плавсредство и поочередно ступили на первую ступеньку первой лестницы, идущей вверх под прикрытием рокочущего водопада – плот не дошел до него метров десять, лестнице же шла еще ближе – метрах в двух, отчего нас постоянно орошало зелено-бурыми брызгами. Перезарядив игстрел, я двигался первым. Шанс выстрелить еще раз выдался буквально через полминуты – я всадил иглу в переносицу высунувшейся из-за края харе и добавил еще одну в горло. Третья игла досталась ничего не понявшей девке в короткой юбке поверх драных лиловых лосин. Лихо взбрыкнув, закрутившись, царапая горло в попытке вытащить глубоко ушедшую иглу, девка навернулась через края и воющим призраком пронеслась вдоль лестницы, встретив свой конец в желобе. Снова перезарядив, начал подниматься по второй лестнице, уже не удивляясь ее конструкции – мокрые тряпичные перекладины закрепленные между двух гибких пластиковых шестов. В принципе удобно – легко сложить и задвинуть дальше под водопад, где ее никто не увидит. Но держаться за выскальзывающие из пальцев мягкие ступеньки крайне неудобно. На следующем отрезке нас не ждал никто – одинокий болотник

спал, прикрывшись большим пластиковым полотнищем от брызг. Его прикончил Баск, быстро нащупавший гниду и нанесший добрый десяток ударов шилом прямо сквозь пластик. Всегда приятно быть полезным команде и в голосе зомби звучали нотки гордости и удовлетворения, когда он спрашивал мое мнение о точности его движений. Я поощрил слепого убийцу искренней похвалой, не забыв посоветовать уделять больше внимания глазам жертвы, после чего мы продолжили подъем и вскоре оказались рядом с трехметровой дозорной вышкой, высящейся в устье Зловонки.

Что ж – стража присутствовала на всех этапах нашего пути. Но смысл выставлять столь безалаберную стражу?

Устье Зловонки некогда представляло собой огромную трапециевидную заводь, переходящую в реально широченный коридор, идущий прямо метров тридцать, а затем разделяющийся на четыре коридора помельче. Мы этого, само собой, не видели – полагались на слова подохших пленников. Из-за тумана, что прикрывал нас и одновременно мешал обзору, мы не видели дальше трех метров. Стоило нам пробыть в этом «истинном» смоге Зловонки и я почувствовал свербение под дождевиком – в местах, куда проникли едкие испарения. Долго здесь находиться нельзя. Жить здесь постоянно… это как жить в аду. Хотя в Стылой Клоаке было куда хуже, там вообще в воздухе плавало что-то вроде кислотных паров и распыленных мутагенов.

По правой стороне заводи шли широкие мостки, там же стояли палатки – что-то вроде крайней улицы, образованной благодаря все еще работавшим по той стороне фонарям, образующим световую цепочку. Свет и привлек болотников, построивших проход и заодно «дома» из подручных материалов. Пройдя по мосткам, мы окажемся у начала главного коридора, где наткнемся на узкие подвесные дорожки вдоль стен и несколько мостов. Там же можно раздобыть плавучие средства передвижения, но их, к моему удивлению, оказалось совсем немного. Акватория болотников невелика. Или лучше назвать ее «говнотория»?

Дело в том, что уровень нечистот достигает солидных глубин только в заводи и главном коридоре. Другие коридоры идут вверх под небольшим углом – что обеспечивает естественный сток тягучей жижи, не позволяя ей застаиваться. И этот угол идет вверх вплоть до верхней и главной части Зловонки – бывшей жилой кляксы, неподалеку от которой и случился прорыв. Кляксе повезло – она немного выше идущего рядом с ней затопленного коридора. Давным-давно болотники возвели у входа в кляксу баррикаду из заполненных собранной здесь же грязи тряпичных

мешков. Что-то вроде дамбу. После чего собрали с пола кляксы все разлившееся дерьмо и выбросили в коридор. Так образовалась чистая от нечистот зон, которую сделали еще чище, перекрыв пространство над дамбой двойными пластиковыми шторами, чтобы получилось нечто вроде входного тамбура. В зале сохранился приток относительного свежего воздуха – вентиляция остановлена системой, но из потолочных щелей все равно дует. Чисто, свежо, можно находиться без защитного снаряжения.

Клякса – царство болотников, главная их обитель, разделенная на неравные зоны. Ближе ко входу и дерьму – зеленые новички и бесполезное старичье о чьих былых заслугах давно забыли. В центральной части сильные бойцы, свинари, там же расположена кухня, где каждый день готовится вкуснятина для вечно голодных болотников. И наконец в задней части кляксы расположены покои самого Понта и приближенной к нему элиты. Там же арсенал, продовольственные и прочие склады. Вполне разумно – жратву и оружие лучше держать под неусыпным контролем.

Что еще главнее – там чистая вода. После взрывного прорыва где-то за стенами что-то оборвалось и сквозь одну из решеток выходит довольно бойкий и в меру теплый ручеек. Скорей всего именно ручеек и сделал возможность «зарождения жизни» в Зловонке. Постоянно таскать сюда воду в бутылках нереально. Вода нужна не только для питья – для готовки и, что самое главное – для регулярных ополаскиваний себя самого и снаряжения. Иначе сгниешь заживо. Так что ручеек – истинное благословение ниспосланное свыше.

Единственное неудобство – воду постоянно приходится вычерпывать. Этим заняты старики, черпающие ведрами воду из заводи у дамбы и по цепочке передающие их наружу, где они выплескиваются в коридор. Старики же таскают воду через коридор по прочному и широкому основательному мосту. Еще бы – ведь мост ведет прямиком к источнику благоденствия болотников.

Другие коридоры – а их не меньше трех десятков – не представляют из себя ничего. Затопленные крысиные ходы заканчивающиеся тупиками или соединяющиеся с остальной сетью проходов. Жижи в них чуть выше колено, мостков нет и не будет – что там делать? Как и ожидалось, жить в буром едком тумане невозможно даже при наличии дождевика, очков и полумаски со свежими фильтрами. Это все бред. Болотники покидают кляксу только по необходимости – патрулирование.

Плуксы. Они появляются здесь куда чаще, чем на той же Окраине. Дыр в стенах хватает, а дерьма эти твари особо не

боятся. Ну или же они готовы и потерпеть едкую вонь ради охоты за плотью и мозгами. Особый интерес плуксов вызывает Паму-Пока и там требуется постоянная многочисленная охрана. Бои с плуксами происходят каждый день – без исключений. Чешуйчатые безглазые твари безошибочно находят туда дорожку и готовы на любые жертвы, чтобы добраться до беззащитной мягонькой свинки.

Да. Свинки.

Паму-Пока – свиноферма. Именно она и находится за основательным широким мостиком, через коридор от обжитой болотниками кляксы Понтохарт. Кляксу окрестил так сам Понт Сердцеед, когда занял свое текущее положение и по всем ритуальным правилам сожрал сердце предшественника – им же и вырванное из бездыханной груди. А вот свиноферму так окрестил самый первый вождь болотников. Его имя уже забылось, хроник здесь не ведут, разве что старики трясущиеся упомнят. А вот данное ферме имя осталось – как и описание внешнего облика вождя. Высокий, могучий, смуглый, со стоящим дыбом пучком черных как смоль волос на голове и сплошь татуированным изрубцованным лицом. Он ласково называл свинок «пока-пока» или что-то в этом духе. Он заставлял болотников танцевать каматэ – общий танец с гримасами, воплями и словами на непонятном языке. А еще он клялся, что помнит многое из бывшей жизни. Но если и так, то этого уже не узнать – он унес свои тайны в могилу. Ну как в могилу – хоронить здесь негде, в дерьме вождей топить – не самые красивые похороны, порубить свиньям на корм – тоже как-то несолидно. Поэтому вождей все же съедали, но не свиньи, а сами болотники. Пятьдесят-шестьдесят кило мяса, поделенное на двести рыл – не так уж и много, вполне можно справиться за пару дней.

Хотя нынешний вождь Понт Сердцеед активно пытался внедрить чуждую идеологию и вроде как даже приобрел себе славное местечко на кладбище Шартрез, отдав за него чуть ли не тонну костей.

А еще вождь пытался вывести Зловонку на новый уровень, сделать ее равной городским бригадам и племенам. Он вел какие-то переговоры, отсылал жирные мясные дары, зазывал в гости, призывал задуматься о общих выгодах. Ведь как не крути, а Зловонка поставляет качественнейший продукт по весьма доступной для общества цене. И все только выиграют, если из мирной Зловонки перестанут делать пугало.

Но дело не пошло.

То ли Понт слов умных подобрать не сумел, то ли еще что, но он сразу же настроил против себя главного тяжеловеса – нимфу

Копулу, владыку и покровительницу всего Дренажтауна. Над Копулой расположено паучье царство, и оно в большой дружбе с нимфой. Под Копулой королевство гномов. Но с этими фанатиками невозможно вести дела и переговоры. Окраина вообще в расчет не бралась – это же главный источник будущих свиней. Да и кто они? Окраинные земли, заселенные пугливыми гоблинами.

Так дело и заглохло. Но Понт не унывал и вроде как с кое-кем ему удалось заключить пару взаимовыгодных договоров. Старшие так обмолвились на очередной попойке.

И да – оба пленных, независимо друг от друга, количество обитателей Зловонки приравняли примерно к двум сотням рыл. Может чуть больше или меньше. Из этого числа самое малое шестьдесят болотников уже ни на что толком не годны – старичье и калеки получившие увечья в боях с плуксами.

Дураков на Зловонке много, но даже они прекрасно понимали – это и есть причина, по которой Понт так сильно старался легализовать Зловонку. Приток свежей крови ничтожен, а смертность высока. Болотники вырождаются. Раньше в каждой палатке жило не меньше четырех харь, еды не хватало, а сейчас всего вдоволь – и места для жизни и жрачки. И к молодому пополнению относиться помягче стали. Сильно надавишь – сбегут даже обреченные. Поэтому обряд инициации – подтачивание зубов и все тот же танец с воплями и гримасами – теперь проводят куда раньше, быстрее вводя новичков в ряды основного состава. Сытная пайка, сон в тепле, меньше выматывающих силы и подрывающих здоровье многочасовых патрулей по затопленным дерьмом коридорам.

И все равно – всего двести с небольшим болотников. Ни одного игстрела на всю толпу. Есть пара десятков луков, но ими давно никто не пользуется. Глупо как-то драться таким оружием против быстрых бронированных плуксов прыгающих по мосткам в сумраке туманных коридоров… Других врагов считай и нет, а если изредка и сунутся безутешные друзья похищенных гоблинов – дубинами и ножами болотники владеют неплохо. Свинари так и вовсе смертельно опасны со своими огромными ножами. Страшны даже не ножами, а своим знанием анатомии – любитель свинок Гюнти рассказал, а второй пленник подтвердил, что они не раз видели, как матерые свинари одним скользящим мастерским ударом заставляют вывалиться из взрезанной брюшной полости разом всю чешую, как быстро отсекают руки и ноги притащенным поросятам, как безошибочно парализуют приговоренных свиней чиркая ножом по хребту. Любимое развлечение и состязание свинарей – метание ножей и

самодельных топоров. И они не промахиваются.

Немало рассказали пленники. Дорогу это не сократило и не сделало легче, но теперь мы хотя бы знали куда идти.

С покачивающейся башни донеслось тихое предупреждение что-то услышавшего Баска. Следом едва слышно забормотала Йорка – приближалось что-то округлое, средних размеров, похожее на чашу. Переглянувшись, мы с Рэком встали и, прижавшись к опорам башни, впились глазами в густое влажное марево, что беспрестанно конденсировалось на любой поверхности – все вокруг буквально сочилось, истекало крупным каплями, исторгая из себя мерзость Зловонки.

Ну да. Чаша. Металлическая. А если точнее – это превращенная в корабль сторожевая полусфера системы. По размерам чуть больше той, что мы починили в Стылой Клоаке. Из чаши доносилось пьяное хихиканье, она тряслась, опасно покачивалась на водной глади. Изредка оттуда же доносился испуганный писк, порой перерастающий в долгий протяжный вопль боли. Хихикали мужики. Пищала и вопила женщина. Чаша направлялась прямиком к башне. Вот она качнулась сильнее, над ней показалась всколоченная голова с мордой в противогазе с двумя подсвеченными изнутри зеленым светом линзами. Какой безумец зажжет у себя на морде мишень? Не думал, что найдутся такие. Но нашлись же… Качаясь, вцепившись в край чаши, болотник оглядел стоящие на верху башни тонущие в тумане фигуры в безликих дождевиках, после чего невнятно проорал:

– Досмотр прибыл, мать вашу! Пароль пчему не спрашиваете, суки? Мясом с-стать хотите?!

Йорка глянула на Баска, тот, ничего не видя и явно не знаю пароля, задумчиво почесал в затылке. Ну вылитая парочка идиотов-дозорных. Чаша тем временем подплыла ближе, с гулом ударила о решетку мостиков и замерла – течение тащило ее дальше, плотно прижимая к мосткам. За чашей тянулся уже знакомый трос уходящий куда-то вглубь Зловонки.

– Чего не отвечаете старшему офицерскому составу?! – сердито рявкнул я, выходя из-за опоры башни и делая широкий шаг к полусфере-лодке – Пароль живо назвали!

– Да! – мотнул головой пьяный болотник в противогазе – Пчему не отвечаете? Старшему составу… а ты кто?

Опустив руку, я упер игстрел в лоб поздновато задумавшемуся «офицеру» и предупредил:

– Только дернусь, ушлепок болотный.

– Х-х-х-х-х-х… – издал болотник. Я так и не узнал, что именно он хотел этим сказать – подскочивший Рэк выдернул его из полусферы и швырнул на решетку, принявшись деловито

заламывать руки за спину и связывать, не забыв содрать с него противогаз.

– Наблюдайте дальше – велел я башне, а сам заглянул в полусферу.

Два нагих тела. Голый болотник в противогазе на башке и респиратором на чреслах. Полностью голая перемазанная девчонка с разбитым носом, перепуганными глазами, скорчившаяся на дне полусферы в жалкой попытке прикрыть свои испещренные синяками прелести. К ней подступает безумие – очень уж дико сверкают глаза из-под длинной спутанной челки. Защипали, замордовали. Уже скоро она бы сама мечтала о лоботомии. Или о смерти.

Стоило мне качнуться и девчонка пронзительно завизжала, забилась.

– Йорка! Тут бы…

– Да поняла я – нарочито громко ответила напарница и принялась спускаться.

Оказавшись рядом, подошла к краю мостка, откинула капюшон, бесстрашно стянула полумаску, подняла очки и мягко окликнула:

– Эй, подруга!

Та молчала, таращась на гоблиншу как сомнамбула.

– Спрыгну? – глянула на меня Йорка.

– Прошу – церемонно поклонился я – Сойдите в ладью.

– Пошел ты.

И она прыгнула. Приземлилась ботинками аккурат на яйца в респираторе. Ведь наверняка специально целилась. Я даже представить не могу насколько это больно, когда с полутораметровой высоты тебе на пах приземляется пятьдесят-шестьдесят кило массы в тяжелых ботинках. Пьяный даже не застонал. Его просто согнуло пополам, после чего он снова опал и затих в полной отключке. Наклонившаяся Йорка содрала с него противогаз и плюнула в перекошенную харю, после чего с полной хладнокровностью утопила в его глазнице поднятый с тряпок длинный нож с темным лезвием. И резко вбила его дальше в мозг ударом подошвы. Стоя на бьющемся в агонии теле насильника, она протянула руку забитой девчонке и сказала:

– Пошли, милая. Не бойся. Мы отведем тебя в город.

Жертва глянула на труп, приподнявшись, посмотрела на воющего болотника с заломанными руками и робко протянула ладонь Йорке. Вскоре они уже выбирались наружу, а я… постояв над трупом в полусфере, вернулся к Рэку, присел рядом с еще живым и вроде как даже немного протрезвевшим болотником и спросил:

– Меня понимаешь?

– Сука! Сдохни! Тварь! Мразь! Мясо! Мясо! – брыкаясь, завизжал тот.

Бум. Удар дубины по затылку вбил его лицом в решетку, Рэк тут же наступил на ушибленный затылок и прижал харю к металлу, сплющивая нос, раздирая губы.

– У-у-у-у-у-у… сука! Мясо! Сучье сало! Сучье сало! – брызгая кровавой слюной, продолжая визжать поразительно храбрый болотник.

– Рэк, перетяни ему руки и ноги. Руки выше локтей, ноги чуть выше ступней.

– Ща.

– Ты руки или ноги резать будешь?

– Могу и там и там.

– Ну нет – усмехнулся я, доставая нож – Не все же удовольствие тебе. Режь ноги.

Захрипевший болотник с ужасом глянул на приближающееся к нему лезвие ножа. Он чувствовал, как пыхтящий от натуги орк с силой перетягивает ему руки выше локтей. Сейчас в его голове только одно – да они блефуют, блефуют. Это не может быть правдой.

Я не остановил ножа. Воткнув в локоть, принялся резать плоть, не обращая внимания на вой боли. Вскоре нож скрежетнул по локтевому суставу, вой перешел в заливистый безумный визг, болотника трясло как от удара электротока. Ему еще повезло – алкоголь снижает боль, а в его крови немало самогона. И мне это на руку – не подохнет от болевого шока.

– Полностью резать не надо – предупредил я орка – Кости оставь. Но каждую жилку – перережь.

– Замысловато – ухмыльнулся тот, берясь за нож – Замысловато…

– Стойте! А-А-А-А-А-А! Я расскажу все-е-е-е-е!

– А мне не надо – пожал я плечами, переходя ко второй руке – Мне от тебя ничего считай и не надо.

– А-А-А-А-А-А-А…

Увидев, что он вот-вот потеряет сознание, я жестом остановил орка, наклонился и, медленно срезая грязное ухо, одновременно говорил в отваливающуюся ушную раковину:

– Я ненавижу людоедов. Ненавижу насильников.

– А-А-А-А-А-А-А!

– Ты еще жив только по одной причине – мне надо чтобы ты передал своим гребаным братьям и вонючим сукам сестрам одно простое послание от гоблина Оди – все ваши беды из-за Понта Сердцееда. Хотите, чтобы беды прекратились? Убейте Понта! А

еще Пиглара Мрачного и Мрашу Клыкастую.

Имена ближайших соратников и командующих я узнал от пленников. Тут только лидеры их бойцов и я не назвал ни одного имени тех болотников, кто отвечал за свиноферму.

– Если эти трое будут мертвы и оставлены у входа в Зловонку – мы отступимся от вас. Все будет как всегда. Я бы вас всех порешил… но те кто стоит за мной и отдает приказы не хотят лишних проблем. Разберитесь с Понтом, Пиглaром и Мрашей – и беды кончатся. Ты запомнил?

Болотник часто заморгал, показывая, что запомнил каждое слово. Я удовлетворенно кивнул:

– Хорошо. А как назад пойдете на лодке стальной? Тросом когда потянут?

– Громко постучать по краю лодки – прохрипел болотник, в чьих глазах зажглась надежда – Сразу потянут.

– Отлично, девочка моя. Отлично. Теперь потерпи – осталось совсем немного. Дорежем тебе руки и ноги, перетянем мошонку и отхерачим член. Потом запихнем его тебе в пасть, отрежем второе ухо и веки, сдерем скальп, оставим небольшое послание на твоей мужественной груди и отправим обратно.

– А?

– Стисни зубы – заботливо посоветовал я, снова берясь за нож.

– А-А-А-А-А-А-А-А-А….!

Мы с Рэком закончили через четверть часа. Ну и работенка выдалась – потная и грязная. Впору от системы бонусную шизу получать за столь изматывающий труд. Впавшего в забытье болотника с мясным кляпом во рту и противогазом на башке, погрузили в стальную чашу, не обращая внимания на изуродованные конечности. Часто постучали по чаше и едва трос начал натягиваться, выбрались на причал.

– Уходим – скомандовал я – Рэк! Немного саботажа – перебейка вон те тросы и веревки.

– С радостью, командир! – чуть ли не булькая от переполняющей его кровавой эйфории прорычал орк, берясь за дубину.

Баск и Йорка, поддерживая шатающуюся пленницу, двинулись к выходу. Через пару секунд и я зашагал следом, бросив прощальный взгляд на медленно тонущую в густом тумане удаляющуюся чашу с изуродованным болотником, несущим в себе и на себе послание.

На его груди и животе я вырезал: «Понт, Пиглар, Мраша – наши кровники! Убейте их и мы отстанем!». Примерно то же самое истерзанный ушлепок сможет повторить, когда из его пасти

выковыряют его же собственный сморщенный отросток бережно завернутый в содранный с его же головы скальп. Я хотел, чтобы каждая деталь моего послания выглядела максимально красочно. Ведь постоянно имеющих дело с растерзанными телами болотников так трудно удивить…

К желобу мы спускаться не стали – двинулись по лестницам, что вели к началу Гиблого Моста и входу в нашу родину – Окраина, родной тридцатый магистральный.

– Надо бы сгонять до Плукса и купить мясца, компота и чуток самогона – подумал я вслух, утирая нож о мокрый рукав дождевика.

– Да – ответила идущая впереди Йорка – Я бы выпила. Но сначала – душ! Долгий чертов душ! И чтобы горячий! Поэтому – топаем в бордель. Там душ шикарный.

– Ладно – не стал я спорить со столь решительно настроенной женщиной – В Дренажтаун.

– А мясо и компот? – Баск громко сглотнул слюну.

– Разберемся – пожал я плечами.

Грохнуло. Мимо нас все быстрее поплыл целый пластиковый островок. Вот он достиг водопада и беззвучно канул в желоб. Следом полетело три островка поменьше, еще через полминуты нас нагнал успешно выполнивший задание Рэк.

Мелкая пакость успешно проведена. Еще и записочку послали душевную. Теперь можно и меню системное проверить – вдруг подкинули пару менее дурнопахнущих заданий?

Глава восьмая

Состав группы:
Одиннадцатый. (ПРН-Б + 1) **Лидер группы**. Статус: норма.
Девяносто первая. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.
Тринадцатый. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.
Семьсот четырнадцатый. (ОРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Текущее время: 09:33.
Баланс: 583

Сидя на стенном выступе, начисто отмытые, в отстиранной одежде, без до безумия надоевшего защитного снаряжения, убранного в рюкзаки, мы трое безудержно ржали и никак не могли остановиться, тогда как стоящий напротив Рэк недоуменно таращился на нас и силился проникнуться ситуацией. Выждав, когда наш рыдающий хохот чуть утихнет, орк осторожно повторил свой вопрос:

– Какого хрена ржака?

И мы пошли на новый виток веселья. Объяснять бессмысленно. Орк не понимает, просто не схватывает, как бы я и не пытался объяснить весь юмор. Рэк побывал – даже не просто побывал, а долго жил – в настолько страшных условиях, что кратковременное пребывание в вонючем городе и еще более вонючей Зловонке для него ничего не значит. Почесался, стер с подошвы размазанное дерьмо – и топай дальше. Делов-то…

А вот нам избавление от плащей, полумасок и очков дало пьянящее ощущение невероятной свободы. К этому добавилась чистая и родная атмосфера Окраины. И вот она безудержная недолгая эйфория…

Виток завершился. Гоблины есть гоблины, им не избежать своего жизненного предназначения. Только на Окраине мы можем чувствовать себя по-настоящему дома. Но задержаться в родной Окраине нам не суждено – я все же заглянул в раздел заданий и обнаружил удивительное, если не сказать странное задание от системы.

Задание: Патруль.

Важные дополнительные детали: Быть на месте не позднее 10:00.

Описание: Патрулирование 30-го магистрального коридора с 1-ой по 60-ую опоры. При обнаружении плунарных ксарлов – уничтожить. При получении системного целеуказания – уничтожить указанную цель.

Место выполнения: 29-ый магистральный коридор с 20-го по

40-вой участки.

Время выполнения: по прибытию к 60-ой опоре 30-го магистрального коридора.

Награда: 60 солов.

На первый взгляд задание выглядит буднично. Обычный патруль. Но стоит присмотреться к деталям и сразу становится ясно – система просто заставляет нас спуститься в бывшую Клоаку, пройти ее насквозь вдоль опор Гиблого Моста и подняться наверх – к шестидесятой коротенькой опоре, находящейся у самого входа в Дренажтаун.

Система тащит нас обратно в Дренажтаун, не собираясь позволять отличившимся гоблинам-героям оставаться в родном захолустье. Другого объяснения для столь короткого по времени и дистанции патруля я не вижу. Но я не против – нам это только на лапу. На Окраине нам делать нечего. Хотя жаль, что не успеваем заглянуть в Веселого Плукса.

Освобожденная из лап болотников девушка спит. Отмытая, одетая в шорты и футболку, обутая в шлепки, она скорчилась на стенном выступе за нашими спинами и спит. Мы не отправляли ее в медблок. И не отпустили ее. Но и силой не удерживали. Задав несчастной девчонке несколько вопросов, я узнал необходимое, после чего, чуть подумав, сделал миловидной как оказалось после душа сукке предложение. И она ответила согласием. Что ж – ей осталось пройти с нами весь путь до Дренажтауна, а там…

Бросив короткий небрежный взгляд в коридор, я почувствовал, как все мое веселье исчезает, сменяясь звенящим напряжением.

– Встаем – скомандовал я.

Звучащая в голове сталь заставила всех мгновенно подчиниться, не задав ни единого вопроса. Йорка толкнула в плечо четыреста сорок девятую – спасенную сукку – будя ее. Та привычно заскулила, сжалась в комок, еще не проснувшись, но уже прикрываясь руками.

– Подъем! – рявкнула Йорка, стаскивая психически ушибленную с выступа и ставя на ноги – Шагаем!

– Двигайтесь к Гиблому Мосту – велел я, стоя на месте – Начинайте спуск, шагайте вдоль опор, держитесь начеку. Я догоню.

– А… – открыл было пасть орк, но заметив мой короткий рубящий жест, коротко кивнул и они зашагали по коридору, таща за собой ничего не понимающую сонную две четверки девятую.

Я остался один. И спокойно снова уселся на теплый выступ, уложил на скрещенные ноги игстрел – прикладом к вроде бы

неспешно шагающему, но удивительно быстро приближающемуся светловолосому мужчине.

Лан.

Ко мне приближался Лан, лидер или же серый кардинал окраинной бригады Солнечное Пламя, она же Сопли. Сейчас, когда он снял низко сидящую бейсболку и темные очки, его узнали многие из валяющихся в коридоре гоблинов и зомби. Узнали и подались к стенам, стараясь отодвинуться от Лана как можно дальше. Вряд ли они знали, насколько он ненормален и силен – безумно страшное сочетание – но все их инстинкты травоядных сейчас громко вопили – отодвинься и притворись дохлым, отодвинься и притворись дохлым! Как только спокойно шагающий Лан проходил мимо очередного гоблина, тот с нескрываемым облегчением вздыхал и, выждав немного, поспешно убирался прочь, явно вспомнив о неких неотложных делах.

Мое уважение тебе, Лан. Псих ты или нет, но далеко не каждому даже действительно умелому бойцу удается создать вокруг себя что-то вроде разбухшего сгустка жути, нагнетающего беспричинный страх, подсаживающего в мозг зачатки слепого панического ужаса. По этой ауре и запомненным мною намеренно сдерживаемым движениям и я и узнал Лана едва он появился в коридоре.

Кусок обожженного до алмазной твердости шипастого белого пластилина, двигающийся по стальной трубе мира…

Интересно… а я так раньше умел? Нагнетать безмолвный ужас… очень уж это все мне знакомо.

Подошедший Лан не пытался сделать вид, что просто шел мимо и случайно увидел знакомого гоблина. Нет. Он не скрывал, что целенаправленно пришел сюда ради встречи с гоблином Оди. И первым протянул руку. Сжав его ладонь, я снова ощутил эту затаенную мощь под белой и столь ложно податливой кожей. Пальцы рвались разжаться и отдернуться как от болванки раскаленного металла, мне пришлось приложить некоторое усилие, чтобы заставить себя продлить вежливое и столь редкое здесь рукопожатие.

Как и в прошлый раз он первым начал разговор. Чуть подавшись вперед, внимательно всмотрелся в мои глаза и тихо произнес:

– Я люблю кристальную чистоту и ненавижу мутность. А ты?

– Зависит от цели и задачи – ответил я искренне – Иногда приходится нагнать тумана.

Несколько раз сжав и разжав пальцы, сминая бейсболку, Лан продолжил, не отрывая взгляда от моих глаз:

– Вчера я понял – я ненавижу твои глаза, гоблин Оди.

– Потому что они не синие? – выстрелил я навскидку. И не попал.

– Потому что они знакомы мне – с легкой полуулыбкой ответил Лан – Хорошо знакомы. Я не забываю однажды увиденных глаз никогда. Это как многогранный слепок чужой души. Почему я ненавижу твои глаза, Оди?

«Потому что я сорвал поставку и до тебя не дошли вырванные голубые глазные яблоки?».

«Потому что пойманный и допрошенный системой шестьдесят третий наверняка упомянул и твой порядковый номер?».

«Потому что…».

Я мог назвать еще целую кучу причин. Но не стал. Я понял – Лан говорит не о такой мелочи как несколько голубых глаз. Да это досадно, для таких людей даже мелочь крайне болезненна, это чувствуется. Но он пришел сюда не из-за этого. Куда проще послать десяток неплохо обученных бойцов и прикончить нас. Еще проще подсыпать какую-нибудь дрянь в кусок пруксового жаркого или в кувшин с компотом – и с этого дня мы в том заведении больше не питаемся и еду на вынос не заказываем.

Но нет. Лан сюда пришел по другой причине. Даже не пришел – стоило ему услышать о нашем появлении на Окраине и его сюда буквально притащила некая непреодолимая могущественная сила. Он мог бы упираться, цепляться за углы стены и уши верещащих гоблинов, но его собственные ноги продолжили бы шагать именно сюда.

С чего я это взял?

Да с того, что точно такая же загадочная непреодолимая сила заставляет меня рваться изо всех сил дальше в этом стальном дерьмовом мире, заставляет наживать все новых и новых врагов, не позволяет надолго задержаться на одном месте, не дает времени для тщательного продумывания планов и тактических ходов, выбрасывает из моего рта порой необдуманные слова и всячески сопротивляется любому намеку на отступление – как это случилось час назад, когда я скомандовал отход из Зловонки, поняв, что вот прямо сейчас ее не взять и до Понта Сердцееда не добраться. Мне пришлось постараться, чтобы выдавить эти слова из себя. Я выдавливал их как зубную пасту из застывшего на морозе тюбика – с огромным трудом. Крошащаяся розовая масса едва лезла из блестящего горлышка, на дрожащей в руке зубной щетке потрескивали замерзающие щетинки, но я был тогда преисполнен решимости вычистить свои гребаные зубы несмотря на столь лютый мороз, что лопались многовековые кедры, а

клубящийся белесый туман казалось звенел от переполняющего его неземного холода…

Черт… о чем я? Микро флешбэк?

Чуть помедлив, я в свою очередь подался вперед и спросил:

– А может мы уже встречались прежде? Где-то там… давным-давно… в хрустящем заснеженном кедровом лесу, окутанном белым морозным туманом?

Лан моргнул. Не сводя с меня взгляда, медленно выпрямился и еще медленнее кивнул:

– Да… да…

Секунда… другая… и он бесшумно двинулся прочь, быстро удаляясь по коридору. Когда он отошел метров на тридцать, я шевельнулся, сполз с выступа и попытался убрать игстрел за спину. Но не смог – пальцы одной руки бешено сжимали цевье игстрела, а пальцы правой упорно, будто черви с обломанными ногтями вместо голов, по миллиметру ползли к спусковой клавише. Все во мне желало только одного – мягко вскинуть игстрел и всадить в удаляющую спину три иглы, после чего перезарядить – и повторить. Перезарядить – и повторить. И продолжать до тех пор, пока у меня не закончатся боеприпасы, после чего следует вооружиться дубиной и превратить светловолосую голову в смятую лепешку бело-розового пластилина…

Нет ни малейшего сомнения – меня трясет от безумной ненависти к быстро удаляющемуся Лану. От застарелой ненависти, что не имеет ни малейшего отношения к синим глазам и красивым голубоглазым червям окружающим этого ублюдка.

Я ненавижу его!

Скрючившись, я заставил себя дойти до стены и резко ударил локтем о металл. Вспышка резкой обжигающей боли в онемевшей и одновременно обмякшей руке, позволила мне вернуть над собой полный контроль.

Вот дерьмо…

– Вот дерьмо! – повторил я вслух, выпрямляясь и забрасывая игстрел за плечо.

Я был в доле секунды от того, чтобы попытаться пристрелить Лана. Именно попытаться – у меня не было ни малейшего сомнения в том, что эта попытка была бы обречена на провал.

Изумленно глазеющий на мои странные маневры тощий и лысый гоблин в серых шортах и шейном платке под кадыком, с завистливым любопытством спросил:

– Отходняк после прихода?

– Он самый – кивнул я и зашагал прочь – Он самый…

Пролетев отрезок двадцать девятого, метеором влетел в тридцатый и, оказавшись у начала Гиблого Моста, не останавливаясь, рванул вниз по стальному склону, хватаясь за торчащие там и сям железяки, скатываясь на заднице, а кое-какие участки преодолевая бегом. По склону я слетел за секунды, наверняка побив общий рекорд. И сразу увидел спины неспешно шагающей группы, ведущей рядом с собой пленницу. До них шагов пятьдесят. Громила Рэк шагает впереди, демонстративно раскачиваясь, расставив руки, злобно поводя головой – делает все как надо, притягивая к себе всеобщее внимание, выставляя себя лидером и просто злобным сильным мужиком, к которому лучше не лезть.

Я сделал еще шажок и… упал на правое колено, уперся рукой в стальной пол. В ушах зашумело, перед глазами поплыла радуга. Через миг я «провалился» в очередное воспоминание-галлюцинацию.

«– Пятый! Ответить! Пятый! – во внутренних динамиках шлема раздается искаженный голос. Я не сразу понимаю, что голос принадлежит мне, это я пытаясь вызвать на связь исчезнувшего пятого – Пятый! Ответь!

По лицу скатываются обжигающие капли пота, меня трясет, с гулом и скрежетом сервоприводы штурмового экзоскелета отзываются на мои непроизвольные движения, бронированное плечо с лязгом бьется о угол стены из полированного белого мрамора. Непроизвольные мускульные сокращения и выпадение из реальности – последствия передоза боевым коктейлем, чьи остатки до сих пор иссушают мои вены, уродуют лихорадочно бьющееся сердце, смешиваются с потом, добавляя ему почти кислотную едкость».

С хрипом выдохнув, я сползаю по стене, трясущимися пальцами перезаряжаю винтовку, одновременно проверяя остатки боезапаса. Скользнув взглядом по шкале в левом верхнем углу, убедился, что запаса энергии экзоскелета хватит еще минут на двадцать самое большее. В тридцати сантиметрах от меня в стене приглашающе поблескивает энерговыход – подключиться к нему дело нескольких секунд и в батареи хлынет живительный поток энергии. Но только глупец поступит подобным образом – тут все под контролем врага. Даже стены, как я недавно убедился.

Пискнула. Замигал датчик, показывающий температуру «за бортом», резко смолкли воющие внутренние вентиляторы, отводящие тепло моего разгоряченного тела и сервоприводов.

Пронзительно синие цифры датчика шли на убывание: 12… 11… 9… 7… градусов тепла.

С легким щелчком поднялась прозрачная плита

бронированного окна с панорамой заснеженного кедрового леса. Я помнил о безумном морозе, сковавшем тот лес: 67 градусов мороза.

…3 …0 …-3 … – 10

Этот ублюдок решил нас заморозить.

Осознание этого просто факта заставило меня подняться.

Пока мы пробивались через гребаный кедровый лес, потратили по три запасных батареи. Последний раз перезарядились перед входом в лабораторный комплекс. Сейчас у меня уходят остатки пятой и последней батареи. И скоро умная электроника бросит все запасы энергии только на одну приоритетную задачу – поддержание внутри штурмового скафандра приемлемой температуры. Очень скоро лаборатория превратится в безмолвную ледяную пустыню…

Динамики с шипением ожили и выплюнули:

– Первый! Это третий! Пятый мертв! Где ты?

– Попробуй солгать еще раз, ублюдок – прохрипел я – Третий погиб на моих глазах.

– Промашка вышла – на этот раз хозяин комплекса заговорил своим настоящим голосом – о чем оповестила система скафандра, снабженная образчиком его голоса – Вы далеко продвинулись. Поговорим, Первый?

– Почему нет? – ответил я, рывком преодолевая узкий коридор и под звон осколков, проламываясь сквозь красивые стеклянные двери.

– Сдавайся. И я оставлю тебя в живых.

– С чего такая щедрость?

– Ты оказался довольно твердым комочком. Не алмаз, но кусок каменного угля среди катышков липкого дерьма. Ценю таких.

– Не выйдет. Меня не купить.

– Да. Наслышан о твоей принципиальности. Тогда назови имя заказчика. Или тоже великий секрет?

– Секрета тут нет. Против тебя поднялся весь Консорциум. Им надоело терпеть твои выходки. И нас послали избавиться от проблемы.

– Вот как… и они решили, что кучка профессиональных бойцов сможет это провернуть?»…

Очнулся я на стальном полу. Резко вскочил, вскидывая игстрел.

Твою мать…

Как всегда невовремя. И как всегда ярко.

И на этот раз я кое-что помнил… пусть рваными кусками, но помнил!

Похоже, слухи не врали и мемвас действительно приоткрывает наглухо задернутые шторы блокированной памяти. Я калечу здоровье, получаю зависимость, но при этом изредка получаю небольшие награды в виде флешбэков. Как по мне – вполне щедрая награда.

Ускорив шаг, я, чуть шатаясь, начал нагонять уже заметивших и замедлившихся бойцов группы.

И ведь почти догнал. Шагов десять между нами оставалось, когда я, проходя мимо и сюда добравшихся хтоников – спустившихся в стальной каньон бывшей Стылой Клоаки и облюбовавших большую дренажную решетку рядом с опорой Гиблого Моста, услышал от одной из безликой фигуры несколько слов.

– Харон сегодня утром сказал – даже смерть не всех уравняет. Глубокие слова…

Слова были обращены не ко мне. Увешанные огоньками хтоники черпали грязь и общались друг с другом. Но этих слов хватило для начала нового припадка, пришедшего вместе с болезненной ярчайшей вспышкой. Я зажмурился и упал…

«Обманчиво медленно двигающиеся облака разошлись и мне в глаза ударил солнечный свет. Умная стена среагировала с крохотным запозданием, чуть темнея и фильтруя излишки света. Прикрыв веки, я чуть отвернулся от облачной бездны слева и сосредоточил внимание на говорящем. Я терпеливо ждал и слушал. И я был единственным кому было не место на закрытой лекции для высшего руководящего состава многонациональной гигантской корпорации.

Лектор, подтянутый и моложаво выглядящий мужчина сорока лет, с зачесанными назад прямыми темными волосами, давно уже развязал галстук и положил ноги на стол, поверх носков элегантных туфель доброжелательными глазами рассматривая лица внимающих его словам слушателей.

Его долгая живая речь подходила к концу, но кроме меня этого никто не замечал, равно как и не смотрел на циферблат огромных классических часов с позолотой, висящих на самом видном месте огромного зала – посередине внешней прозрачной стены. Ее поверхность была настолько чиста, что казалось будто циферблат висит прямо в небе, с громким тиканьем отсчитывая ход неумолимого времени. Все глядели только в одну точку – на рот сидящего под часами лектора, что говорил сегодня языком доступным даже выходцам из самых низов. А таких в зале было большинство. Акулы вылезшие из грязи и пожравшие на пути к вершине карьерной лестнице всех конкурентов. Их не стоило недооценивать. Хотя бы потому что они, достигнув невероятной

высоты и власти, все еще горели желанием карабкаться дальше и обучаться новому. А это опаснейшее сочетание – когда в одних и тех же руках сосредоточены деньги, власть и жажда новых знаний. В свое время подобных хитрожопых ублюдков мне приказывали устранять их же хозяева, резонно полагая, что рано или поздно они оскалят клыки и на них. Но сегодня я пришел не за ними. Нет. Я пришел за самым опасным и умным в этом просторном, почти пустом, аскетичным и при этом одновременно невероятно дорогим кабинетом в облачной выси. Я пришел за лектором, что как раз подходил к финалу – о чем я даже немного жалел.

Сделав паузу, лектор покрутил в пальцах хрустальный позолоченный бокал, допил остатки бурбона и швырнул его в прозрачную стену. Казалось, что бокал разбился о воздух. На блестящий пол со звоном посыпались сверкающие осколки, смешавшись с прочим мусором, появившимся здесь по той же причине. В начале лектор швырнул в стену почти пустой пластиковый стаканчик с надорванным краем, в середине же разбил старый граненый стакан, а сейчас вот грохнул хрустальный позолоченный бокал. Указав на пол, он спросил:

– Видите?

Все поглядели на смесь пластика, обычного стекла и сверкающего золотом хрусталя.

– Они мертвы. Но при этом такие разные. Так что забудьте чушь про то, что смерть всех нас уравняет. Это гребаная чушь для неудачников. Достигшие величия даже в смерти будут отличаться. Так – лектор хлопнул в ладоши и, еще раз оглядев лица внимающих его мудрости, продолжил говорить:

– На сегодня все о личном величии и второй вершине Эвереста, что у каждого своя. Завтра мы поговорим о вещах более приземленных. Мне щедро заплатили, чтобы я поделился с каждым из вас своим мнением о незаменимых. Ведь у каждого из нас они есть, верно? Незаменимые сотрудники без которых ну просто никак. Эти виляющие хвостатыми жопами кобели и сучки умильно заглядывающие в наши глаза, загодя упреждающие наши желания… и это прекрасно! Но иногда случается так, что незаменимые вдруг дают осечку – причем в самый неподходящий мать его момент! Верно? С кем-то наверняка такое случалось? Может даже и не раз…

Почти все собравшиеся кивнули хотя бы по разу. Похоже, все сталкивались с подобными осечками.

– Как и ожидалось – улыбнулся лектор – И ведь подобное всегда происходит с самыми лучшими и без всякой, казалось бы, веской причины. Все хорошо, все идет как надо месяц за месяцем

и даже год за годом, а потом – раз! – и сученыш крупно обделался! Ушел в запой, уехал на край света, подался в волонтеры раздавать ублюдочным нищебродам бесплатную похлебку, порешил всю свою семью и угодил в полицию или же просто прострелил себе башку во время поедания богатого клетчаткой зеленого салата с артишоками. Вот ведь ублюдок, а?

И снова кивки. Причем многие кивали слишком эмоционально, видны вздувшиеся на челюстях желваки. Могу поспорить на что угодно – лектор подготовился и заранее узнал немало подробностей про бывших помощников сидящих здесь крупных рыб. И бил сейчас без промаха. А еще я заметил скользнувший по мне внимательнейший острый взгляд. И тут все понятно – я был темной фигурой. Я просто пришел и сел на заднее кресло у стены. И никто мне не возразил. Меня даже будто и не заметил никто. Лектор уже трижды делал запрос в информационную систему здания, но ему раз за разом отвечали – не понимаем о ком вы делает запрос. На том кресле никто не сидит…

– Я научу вас загодя и по простейшим признакам определять грядущий срыв – пообещал лектор, оторвав от меня чуть встревоженный взгляд – И сегодня вас ждет еще одно домашнее задание – наблюдение. Немедленно отдайте приказ и сегодня же вы должны иметь возможность понаблюдать за тем, как ваши вернейшие и незаменимейшие помощники, ваши верные тени, отходят ко сну. Как они это делают? Вас должна интересовать каждая мелочь, наблюдайте внимательно. Что делают перед тем, как лечь в постель? А как ложатся? Некоторые падают на постель харей вниз, одна нога свешена с края и неприкрыта одеялом – и это серьезнейший признак, срочно взять на заметку! Другие ложатся как в гроб – вытягиваются на спине, ноги по струнке, одеяло подоткнуто со всех сторон, умытое умиротворенное личико благочестиво пялится в потолок – и это тоже важный сигнал. В общем – наблюдаем! Уже к вечеру в квартирах и домах ваших важнейших помощников должны быть установлены тайные системы наблюдения. И завтра утром каждый из вас потратит четверть часа на ускоренный просмотр записей. Не забываем обратить внимание на то, что они читают, во что играют, занимаются платным сексом или самоублажением, какие фильмы и сериалы смотрят, жрут ли на ночь, блюют ли потом, выплескивая из себя лишние греховные калории… Подробней на завтрашней лекции. А на сегодня все. Помним сегодняшний тезис-вопрос: Низы – почему они обожают жесткий контроль? Благодарю за проявленный интерес и до завтра.

Лектор и я остался сидеть. Остальные же неторопливо

поднялись и, поодиночке и небольшими группами, покинули кабинет. Продолжая сидеть, глядя на меня поверх носков элегантных туфель, лектор широко улыбнулся:

– Сильно ли я ошибусь, если предположу, что вы пришли по мою душу?

– Это очевидно – ответил я, глядя на плывущие мимо синеватые облака.

– И какова цель визита?

– Меня послал Консорциум. Они хотят нанять вас на постоянной и эксклюзивной основе.

– Нет – коротко улыбнувшись, лектор встал, одернул пиджак, нарочито неспешно принялся поправлять манжеты дорогой рубашки и проверять запонки.

– Вы не боитесь – заключил я.

– Не боюсь.

– Но не потому, что такой смелый – продолжил я – Нет. На самом деле ты невероятный трус, что никогда не покидает своей глубокой берлоги, верно? Гений окутанный удушливым облаком самых невероятных фобий. Гений верящий в скорый конец света и устроивший себе, казалось бы, неприступный и совершенно секретный бункер под старым китайским небесным кварталом. Одно нажатие кнопки – и весь гребаный квартал, вместе со ста тысячами жителей, раздолбанной взрывом подушкой безопасности обрушится на бункер, не навредив ему, но накрыв весящей сотни тонн грудой железобетона. А передо мной сейчас сидит просто улыбчивая кукла слепленная из мяса и электроники. Прошедший пластическую операцию и мощную психологическую обработку двойник с почти угнетенным собственным сознанием, служащий рупором для уст дрожащего от вечного страха гения. Давай, гений… нажимай кнопку. Обрушивай квартал. Как думаешь – сработает ли? Проверь прямо сейчас. А когда убедишься, что этого не случилось и над тобой по-прежнему бегают надоедливые таракашки-люди – подумай еще раз над моим предложением. Ведь если ты не согласишься работать на Консорциум… тогда сегодня ты прочел свою последнюю блистательную лекцию… и уже сегодня я наведаюсь к тебе в бункер и отрежу твою умную голову.

– Кто ты такой? – напичканный дорогостоящей химией и электроникой двойник-ведомый не выказал признаков страха. Вполне логично – ведь это всего лишь ведомый. Жутко дорогой мясной дрон управляемый дрожащим перепуганным разумом, спрятанным за тысячи километров отсюда под фундаментом небесного китайского квартала.

– Меня послал Консорциум – усмехнулся я, вставая – Как я

понял наши переговоры прошли успешно. Готов начать уже завтра? Или обсудим это с глазу на глаз?

– Никогда… никогда не приближайтесь ко мне…

– И ты будешь работать на Консорциум?

– Да.

– И только на Консорциум.

– Да. Что я должен сделать?

– Тебе скажут – ответил я и покинул кабинет.

Пройдя коридором, уселся в стоящее в нише противоперегрузочное кресло. Створки захлопнулись, под ладонями на подлокотниках мягко засветилась консоль управления, перед глазами пробежали цифры обратного отсчета, моя машина провалилась в бездну и сквозь облака понеслась вниз…»

– Дерьмо – выдохнул я, с трудом разлепив глаза.

Разлепил и обнаружил, что меня тащат вверх по стальному склону каньона.

– Я в норме.

– Оди! Дерьмо!

Бац. И я огреб пощечину от разъяренной Йорки.

– Идиот! На наркоту подсел?!

– На воспоминания – поправил я напарницу, потирая горящую огнем щеку и высвобождаясь из хватки парней – Долго был в отключке?

– Несколько минут.

– На этот раз прямо долго – скривился я – Все. С мемвасом завязываю. Пока что.

– Наркота угробит тебя, командир – тихо сказал Баск.

– Да в задницу наркоту – поморщился я – Воспоминания. Вот что ценно. И с каждым флешбэком у меня в башке остаются хоть какие-то крупицы информации о прошлом.

– И что они дают?

– Пока ничего – признался я, делая первый шаг вверх – Погнали. Время тратить весь наш денежный запас.

Йорку мои расплывчатые ответы не удовлетворили. Вцепившись мне в рукав футболки, резко дернула и зло прошипела:

– Мы идем за тобой, Оди! Лопнуть и сдохнуть! Мы идем за тобой куда скажешь и делаем что скажешь. Мы верим тебе!

– Йорка… – попытался вмешаться зомби, но я его остановил – сначала по дурости просто махнул рукой, затем уже голосом:

– Погоди, Баск. Все норм. Постоим-ка.

Организм быстро возвращался в норму после отключки. Ноги уже не дрожали, перед глазами больше не плыло. Но пить

хотелось неимоверно и взяв у Рэка почти полную бутылку, я принялся глушить дикий сушняк мелкими глоточками, ощущая, как медленно вдвигаются обратно в череп острые иголочки, что кололи мои глаза изнутри. Изумительные ощущения… с наркотой надо завязывать.

И что там бубнит потерявшая напор Йорка, чей глаз сполз на мои ботинки.

– Эй! – одернул я ее хрипло – Взгляд вверх, напарница!

Дождавшись, когда она исполнит приказ, продолжил:

– Сто раз уже тебе говорил и всем вам – раз начали на резкой ноте – продолжайте на ней же. Не надо бубнить! А теперь по делу – да вы идете за мной. И да я принимаю мемвас. Понемногу. Хотя заметил, что начал невольно увеличивать дозы. Почему бравый командир подсел на наркоту? Ответ прост – мемвас дарит флешбэки. На время возвращает кусочки воспоминаний. И если первые разы я все равно ничего не помнил после их ухода, то теперь в голове остается все больше.

– На что это похоже? – жадно спросил Баск.

– Эй! – уже на него зарычала Йорка – Не вздумай, зомби тупой! Это наркота! Выжжет мозги!

– Да я и не собирался! Но… каково это вспомнить хоть что-то?

– Каково? – поморщился я и, ожесточенно потерев лицо, признался – Дерьмово. Это как взрыв хлопушки в темной комнате. Бах! Вокруг ярко! Но ровно на секунду. Затем шар света гаснет, а на темнеющий пол все такой же пустой комнаты опускается горсть светящихся конфетти. Вот и вся награда.

– Узнал что-нибудь нужное? – Рэк, как, впрочем, и всегда, в первую очередь думал о практичности.

– Пока ничего. А учитывая непредсказуемость наркотического прихода с флешбэками – походу и не узнаю. Слишком рискованно.

– Верно – кивнул орк – Ты рухнул куском дерьма. Случись такое во время драки… Завязывай, командир.

– Уже завязал. По крайней мере до тех пор, пока не узнаю есть ли проверенная система правильного использования мемваса не ради кайфа, а ради воспоминаний.

– Да откуда? – фыркнула зло Йорка.

– Гоблины – такие гоблины – улыбнулся я и тут же резко посерьезнел, глянул на замершую шагах в десяти освобожденную девушку, что поднималась по крутому склону стального каньона куда медленнее нас – А теперь насчет того, что вы идете за мной. Йорка, Баск, Рэк… – оглядев каждого, я попытался вложить в свои следующие слова максимум серьезности – Безопасный отрезок

пути кончился, гоблины. Все. Мы достигли безопасной гавани – Дренажтауна. И даже завели здесь весомую подругу. Дальше – безопасности не будет. Страх, раны, боль, смерть – вот то, что будет ждать каждого, кто пойдет со мной дальше.

– Охренел? – выпучилась Йорка – Тебе на перекрестках работяг лучше не сватать. Никто не пойдет.

Не обратив внимания на напарницу, я продолжал втолковывать:

– Если кто-то из вас пошел со мной ради спокойной, сытной и относительно безопасной жизни – мимо! Большая ошибка. Моя цель – столкнуться где-нибудь впереди с реально смертельной опасностью и сдохнуть в попытке ее преодолеть. Я лягу там сам и положу вас всех. И это случится рано или поздно.

– Сказано честно – широко улыбнулся Рэк и с размаху хлопнул мне по плечу – Мне подходит!

– А мне нет! – взорвалась Йорка – Оди! Погоди… все это время я думала, что ты… ну… завоевываешь доверие системы и городских. Строишь мол отношения и репутацию. Потом больше солов, больше жратвы и нормальной одежды, больше нормальной жизни! В Дренажтауне вполне можно жить. Да – воняет, глаза режет, слизь течет, но это снаружи. А внутри…

– А внутри настоящие мягкие постели, жареная рыба, великолепный самогон – понимающе кивнул я – Не спорю. Все верно. Сейчас мы заняты Зловонкой. Как только решим эту проблему – система и Копула будут рады. Нам обломятся жирные бонусы. Почти уверен в этом. Может даже еще подрастем в рангах. И как только это случится, девочки и мальчики, гоблины вы долбанные – придет время выбирать. Переломный момент. Либо останетесь в Дренажтауне, примкнете к старухе с дырой в голове – Копула неплохой босс, сварливый, злобный, мстительный, но щедрый и за своих любому жопу порвет. Под ее морщинистым крылышком проживете долго, сыто и с регулярными горячими потрахушками. Либо пойдете со мной дальше и рано или поздно бесславно сдохнете, зажимая в ладонях кишки из вспоротого брюха. Последнее что ощутите – тепло собственных рваных потрохов в ладошках. Или же кто-то с вами сделает то, что сегодня мы с Рэком сделали с болотником, вживую порезав его на куски.

Тишина…

Повторно оглядев каждого, я вырвал рукав из хватки Йорки:

– Выбирайте, гоблины. И хватит меня считать славным командиром. Я безумный кровожадный тупой гоблин с начинающейся нарко зависимостью. Я бродяга. И не планирую строить наше совместное сытое будущее. Не планирую строить

базу. Я весь в движении. У меня аж булки дымятся настолько я весь в движении. И я не остановлюсь!

– Вообще никогда? – тихо-тихо спросила девушка.

– По крайней мере до тех пор, пока не выясню что за дерьмо тут происходит – широким жестом я указал на стальной мир вокруг нас – Ладно. Хватит стонов и гордых речей. Повторю последний раз – после Зловонки пусть каждый делает выбор для себя лично. Обговаривайте это между собой. Решайте, что для вас лучше. Выбирайте между жизнью и смертью, гоблины. Пойдете со мной – сдохнете в мучениях. Останетесь в Дренажтауне или Окраине – с полученными знаниями и умениями вступите в любую из бригад и там уж как получится.

Первым ответил Рэк. Выпятив челюстью, он лениво поводил ей из стороны в сторону, смачно сплюнул и, махнув рукой пленнице, попер вверх, бросив через плечо:

– Я уже сказал. Я с тобой.

Баск с Йоркой промолчали, но начали подниматься, на ходу одевая дождевики и полумаски.

Я последовал их примеру и остаток пути до Дренажтауна мы преодолели в молчании. Уже на гребне, в десятке шагов от гоблинов, замерших перед нарисованной степью, Йорка снова повернулась ко мне и сквозь полумаску глухо спросила:

– Куда? Куда идти дальше?

– Дорог много – ответил я.

– И есть причина, гоблин? Важная мать его сраная причина? Стоящая наших жизней?

– Нет – я ответил предельно честно – Такой причины нет. Просто я так хочу.

– Просто ты так хочешь – повторила напарница.

– Да. Я так хочу. Ты услышала меня, гоблин?

– Я услышала тебя, гоблин.

– И пусть это будет последний разговор на эту тему. Мой ответ ты уяснила. Дальше решай сама.

Мой счет пополнился на двадцатку – система засчитала выполнение странного задания. В меню я не полез – у меня были совсем другие планы на остаток дня. Мы помогли подняться выдохшейся сукке и продолжили путь по залитым небесной мочой улицам мрачного Дренажтауна.

Впереди нас ждала пара различной важности дел и делишек…

Первым делом мы пристроили в теплое местечко психически травмированную шлюху. Это не составило труда.

– Эту сукку больше никто не обидит – уверенно заявил накачанный инк, играя мышцами под медной кожей.

Его слова подтвердила кивком зеленая гейша, прижавшая к своему плечу голову рыдающей девчонки, прошедшей через все гребаные адские муки. Вторая рука гейши уже забралась под шортики молодой сукки и что-то там увлеченно поглаживала. Стоящий чуть в стороне обнаженный здоровяк в прозрачном дождевике не сводил с меня пристального нейтрального взгляда. Так сторожевой пес смотрит на допущенного в хозяйский двор гостя.

– Награда…

– Мясом и оргазмом не торгуем – отмахнулся я – Если прямо жаждете – угостите вечерком бутылкой.

– Все будет – пообещала гейша мне в спину – Нимфа Копула просила передать – она наслышана о сегодняшних делах в Зловонке. Нимфа довольна.

– И бордель возрадовался – хмыкнул я, выходя из дома боли и удовольствий.

Догнавший меня Баск прицепился к плечу и тихо пробормотал на ухо:

– Ты не забыл про меня, командир?

– Ну что ты – улыбнулся я шире – Сука Ева. Она же Лилит. Гребаная шлюха, сменившая имя и трясущая сиськами где-то неподалеку. Как такое забыть? Мы обязательно найдем эту тварь в самое ближайшее время. И сначала выдавим из нее глаза, а затем и жизнь. Я ведь правильно понял? Или… может ты хочешь ее жестоко напугать, может даже избить, потом робко попенять, а следом великодушно простить? И пусть вставшая на путь исправления девчонка живет себе спокойно, искупая грехи прошлого? Прощение – разве не это главная добродетель?

– Эта сука должна сдохнуть! – сдернувший полумаску зомби ощерил зубы, заскрежетал ими в опасной близости от моего уха – Ева сдохнет! Сдохнет!

– Прямо от сердца отлегло – признался я, подталкивая мстительного зомби – Вперед, Баск. Вперед.

* * *

– Вот это я понимаю шоппинг – удовлетворенно пропыхтел я, выпрямляясь и оглядывая бойцов.

Мы приоделись.

Пройдясь по доступным торгматам – само собой смотрели только в центре, где цены выше, но и ассортимент куда шире – я без малейших раздумий потратил все накопленные солы на приобретение защитной экипировки.

Выбирать особо было не из чего, система хоть и с придурью, но все же не дура, задешево качественные вещи не отдаст. Никого не слушая, рявкнув на начавших было что-то советовать бойцов, насмотревшихся на бригадных и возомнивших себя знающими, я внимательно рассмотрел каждый из предложенных комплектов. Осмотрел внимательно, подолгу крутя в витрине. Вскоре пришлось рявкнуть еще раз – на какого-то жующего сопли и детские комплексы городского придурка попытавшегося меня поторопить. Придурок не внял и возмутился, но случайно наткнулся лицом на жилистый кулак Рэка и, с окрасившейся в красный цвет полумаской, согнувшись поспешил прочь, ускоренный пинком в сраку.

Я купил четыре темно-серых защитных комплекта. Каждый обошелся в сто двадцать солов. Осмотрев, убрал из комплекта дерьмовые наголенники и налокотники, заменив их купленными отдельно – черные, более дешевые, но при этом более прочные и снабженные пирамидальными длинными шипами. Следом настала очередь нагрудников – я выбросил и их. Тонкое громыхающее дерьмо с пластиковыми креплениями. Гребаный бред, зато выглядит симпатично. В задницу. Я потратил по тридцать солов и купил обычные крепкие жилеты со сменными толстыми пластиковыми вставками. Указал бойцам на них, и они купили еще по два десятка таких пластин – в каждый карман жилета я вложил по две пластины, удвоив нашу защиту, но не слишком утяжелив. Тот же сраный серый нагрудник весил столько же из-за чрезмерно больших и странно вздернутых наплечников. А попробуй в нем согнись…

Мои деньги почти закончились. Остатки солов я потратил на перезарядку картриджей и прикупил съестное. Но остальные покупки были куда менее затратными – облачившись сам и одев остальных, заставив их хорошенько покрутиться, поотжиматься, попрыгать, поприседать и понагибаться, я велел купить еще пластин и как можно больше широкой серой клейкой ленты. Получив желаемое, принялся трудиться над бойцами, добавляя пластины и намертво приматывая их клейкой лентой. В финале мы снова натянули дождевики, опустили капюшоны. И превратились в обычных безликих горожан.

Текущее время: 12:54.

Баланс: 6

– Круто! – не сдержала эмоций Йорка и критично оглядела валяющиеся в лужах отброшенные мною негодные элементы защиты – А с этим что?

– Дерьмо – коротко ответил я и вопрос был исчерпан.

Но остались другие и неугомонная Йорка не преминула их задать:

– Как теперь все это снимать? Только разрезать ведь… и что насчет обеда?

– Только разрезать – подтвердил я – Но зачем? А обедать – по пути перекусим.

– Как зачем? – не поняла напарница.

А вот Рэк уже допер и тихо прорычал:

– На хрена снимать до боя? Как закончим – так и срежем.

– Закончим что?

– Разборки с Понтом Сердцеедом – пояснил я невнятно, подсовывая под маску пищевой кубик – Зловонка.

– Мы же только что оттуда…

– Поэтому сегодня там и не ждут гостей – усмехнулся я, поправляя игстрел и проверяя прилепленные под дождевиком полные картриджи – Как минимум еще несколько часов нас не будут ждать. К ночи – уже да. И в следующие дни. Но не сейчас.

– Лопнуть и сдохнуть… да вы спятили нахрен… дерьмо…

– Да – согласился я – Дерьма там навалом, а нам его разгребать. Вперед, гоблины! Самое время проверить как там наша живая посылка – донесла ли посланьице трепетное? Поторопимся…

К желобу я не полез. Быстрым шагом мы преодолели Гиблый Мост, не задерживаясь поднялись по лестницам и снов оказались у входа в недавно покинутую Зловонку. Гоблины вернулись. Ни одного часового. Вообще никого и ничего живого, если не считать крохотного серого плукса балансирующего на плывущей к водопаду пустой пластиковой бутылке. Я не стал провожать его взглядом. Перепрыгнул двухметровый провал между железными решетками и двинулся дальше, направляясь к редким желтым огням тянущимся по дальней стене вонючего устья.

Пройдя дребезжащим ржавым мостиком, оказались рядом с рваной палаткой. Внутри затеплился дрожащий огонек, кто-то в маске, но без капюшона, седой и болезненный, с кашлем полез наружу. Показался затылок, будто ошпаренная бугристая шея – в ней подступивший Рэк и утопил лезвие ножа. Проверив палатку, кивнул и мы зашагали дальше, переступая через комья вязкой грязи и побуревшие кости.

Глава девятая

Выданная подохшими пленниками информация – чтобы тебя в аду свиньи трахали, долбанный Гюнти – подтвердилась. Во всяком случае до текущей «отсечки». Преодолев гавань без малейших проблем, проверяя каждую палатку, мы прикончили пятерых доходяг. И они восприняли смерть с благодарностью. Лежащие в дырявых палатках и под тентами, закутанные в сырые тряпки, надсадно кашляющие в давно отслужившие свое полумаски и равнодушно смотрящие на мир сквозь помутневшие треснутые линзы защитных очков… они были только рады умереть. Ни один даже не вскрикнул, хотя две из пяти видели приближающуюся смерть. Но ни о чем не просили, никому не кричали, предпочтя подставить дряблое горло под отточенную сталь ножей. Каждого мы без всяких почестей отправили в последнее плавание, швырнув в жижу.

В начале широкого коридора перечеркнутого частыми линиями кособоких хлипких мостиков, я задержался на полминуты, парой жестов разделив группу надвое и указав кому с кем. Себе взял Баска, поставив слепого зомби впереди. Мы перешли первый же мост и двинулись по другой стороне затопленного коридора. Орк с Йоркой потопали прямо. Кроме этого, ничего не изменилось – все шло по нравящейся мне простой схеме.

Мы двигались рваным темпом, подчиняясь на ходу времени, а расположению тусклых настенных и потолочных светильников. Едва выходили в их зыбкий потусторонний свет – тотчас ускорялись до быстрой ходьбы, стараясь преодолеть освещенный участок как можно шустрее. Окунаясь в сумрак – замедлялись. И шагали в спокойном ритме, прикрытые темнотой. Могут ли болотники быть оснащены приборами ночного видения? Запросто. Но из-за этой догадки я не собирался рисковать лишний раз, задерживаясь на предательском свету. Чем позднее нас заметят – тем лучше. Хотя еще лучше, если вообще не заметят…

Первый патруль мы застали за самым гадким, чем могут заниматься четверо солдат в одной палатке – отлыниванием от поставленной задачи. Им было положено ходить по коридорам и махать лучами фонариков, выискивая врагов и плуксов. Но вместо этого они решили усесться в заброшенной палатке вокруг одинокого фонарика и немного почесать языками. Я успел услышать чей-то хриплый голос говорящий о недавно прибывшей и почти сразу же сдохшей живой посылке, успевшей кое-что

рассказать. И тут под ногой нихрена не видящего Баска что-то хрустнуло. В палатке разом зажглось еще три фонаря, четвертый тоже ожил и крутнулся в нашу сторону. Мысленно поблагодарив придурков за услугу, я всадил по игле чуть выше каждого фонаря, перезарядился, схватил Баска за шиворот и метнул навстречу прущему прямо сквозь тряпичную стену какому-то торопыге. Зомби с радостью всадил шило в нащупанную глотку, повторил удар, тяня врага на себя. Едва они завалились – вместе с содранной палаткой – я добавил еще три выстрела, закинул игстрел за плечо и добавил двух подранков ножом. Еще одного хрипуна дорезал Баск. С этими разобрались.

Вставший Баск что-то показывал. Подобрав один из фонариков, посветил ему на грудь и увидел здоровенный разрез в дождевике и жилете. Материю жилета лезвие прорезало частично, а вот по пластиковым пластинам лишь скользнула, оставив едва заметные царапины. Умирающий успел полоснуть наотмашь. Зауважал бы дохляка, но как вспомню их беспечную трепотню в палатке…

Проверив оружие, прихватил самодельный тяжелый топорик и нож с тонким и удивительно длинным лезвием. По рукояти грубо вырезанная надпись «Свинокольчик». Нож отдал Баску, топорик же оставил себе, заменив им убранную на пояс дубину. Трупы подтащили к краю «реки» и сбросили их в жижу, проследив, чтобы их вынесло на середину поток и потащило к гавани – а оттуда к водопаду и желобу. Сегодня у решетки в конце желоба соберется солидный улов.

Пока разгребались – Йорка с Рэком терпеливо ожидали на том «берегу», отделенные от нас несколькими метрами вонючего месива. Услышав меня и поняв, что с нами все в порядке, они двинулись дальше. Мы не отставали и, не встретив впереди никого и ничего интересного, встретились у первой развилки.

– Слышите? – проворчал Рэк, глядя в основной коридор.

– Голоса – ответил Баск, нацелив безглазое лицо туда же – Не меньше трех. Еще шаги. Они спорят. Ругаются.

– К стене – скомандовал я и через десять секунд, усевшись под маскировочными накидками, мы превратились в кучи мусора.

Опустив лицо, отвернув его от приближающихся спорщиков, пробормотал:

– Я не вмешиваюсь. Давайте сами. А я погляжу. Йорка в связке с Баском. Рэк сам по себе. Не соревнуемся, не вырываем добычу друг у друга, не суетимся. Работаем качественно, шуметь не боимся. Замечу любой намек на соревнование в мочилове – всажу иглу в самую наглую задницу.

– Ц… – огорченно отвел харю Рэк.

– Рэк берет левую сторону. Вы идете по правой – добавил я и уселся поудобней, давая понять, что не шутил и на самом деле не собираюсь вмешиваться – Дам подсказку – берите неожиданностью.

– Лучше бы ты мне топор дал – прорычал орк.

– На – легко расстался я с трофеем – Но вернешь! Хочу его метнуть попробовать…

– Они рядом – оповестил зомби и добавил – Спасибо, командир.

– Да не бери в голову – буркнул я, зная за что благодарит слепой Баск – я дал им правую сторону. Они пойдут вдоль стены, что является надежным ориентиром для зомби. А с левой стороны медленно тащится поток густого дерьма. Там и двинется Рэк, что отнюдь не жалуется на зрение.

– Кто начнет? – глухо пробормотал подрагивающий от нетерпения орк, когда ожесточенно спорящая группа болотников подошла почти вплотную. Можно было и не бормотать. Кричи – не услышат. Пляши – не заметят.

– Ты – сказал я и орк резко встал, развернулся и единственным ударом топора подчистую снес голову впередиидущему болотнику, что как раз заканчивал злобную фразу:

– У меня голова не салом свиным забита! Там мозги! – тут его голова и отлетела прямо в руки машинально поймавшего его следом топающего болотника. Тот уставился на голову и странно заблеял. Не выдержав, я рассмеялся в голос, на всякий случай опуская игстрел на сгиб руки и готовясь прикрыть бойцов. Вдруг что-то пойдет не так…

Удивила Йорка – швырнула дубину, угодив в кого-то. Не шипами, а рукоятью. По прикрытому мягкой маской лицу. Этого хватило, чтобы наведшийся на ойканье зомби всадил свинокол в грудь ушибленного. И нож, ударившись о защиту, соскользнул, вспоров дождевик и вырвавшись из руки Баска. Я повел игстрелом, но воспользоваться им не пришлось – зомби несколько раз ударил верным шилом и на этот раз каждый удар пришелся по податливой плоти. Перехватив щит двумя руками, Йорка ударила по руке схватившегося за дубину болотника, повернулась… и поняла, что все уже закончилось. За секунды. Тяжело дышащий орк убил двоих сам, третьим зарубил того, кому Йорка выбила щитом оружие. Еще одного убил Баск. И он же получил ранение – согнувшись, зажимал ладонь и тихо шипел от боли. Во время удара ножом рука соскользнула с непривычной и скользкой от грязи пластиковой рукояти, отточенное лезвие вспороло ладонь и не заметило.

Встав, я чуть опустил игстрел и, обращаясь к Баску, назидательно произнес:

– Вот почему я всегда говорю – осторожней с чужим оружием! Осторожней млять! Рэк… ты два раза запорол удар. Первый был лихой. А остальные…

– Лезвие криво пошло – признал Рэк, возвращая мне липкий от крови топор – Непривычно. Но смачно. А чо мы всех порешили-то? Надо было взять живьем того говорливого…

– Поверь – в говорливых недостатка не будет – усмехнулся я под маской – Этих в болото. И двигаемся дальше.

– Погоди – попросила Йорка, накладывающая повязку – Затяну потуже.

– На ходу – велел я и пояснил – Обучайтесь все делать на ходу! Спать, ссать, срать, жрать, бриться и мыться – все на ходу! Если каждый раз останавливаться из-за любой мелочи – никуда не дойдешь.

– Поняла… мои ошибки в бою? Дубину я зря киданула, да?

– Раз сама поняла – пинать по тупой сраке не стану – опустил я уже занесенную ногу – Какого хрена рассталась с оружием? Ты и метать то не умеешь. Дубину выкинула – и бить начала щитом… чтобы такого дерьма больше не было. Я дал тебе связку ударов – пользуйся ими.

– Поняла…

– Ну и главное блюдо для всех придурков – хватит считать себя неуязвимыми! Сразу поясню – стоило броню одеть и пластины на тело намотать, так даже походка изменилась, а смелости в разы прибавилось. Броня не делает вас бессмертными, гоблины. И эта броня – фуфло. От сильного скользящего удара защитит, может даже и колющий удар блокирует – но шансы невелики! Да плевать на броню – всегда и везде ведите себя так будто сражаетесь голыми. Избегайте чужих ударов, не подставляйтесь. И проживете чуть дольше. Всем ясно?

Я посмотрел на каждого. Как и следовало ожидать первым отвернул харю Рэк – он и раньше пер напролом, теперь же посчитал себя неуязвимым танком. Второй потупилась Йорка – эта тоже осмелела, решив, что пластиковые пластины остановят любой удар. Баск спокойно выжидал. И его упрекнуть мне было не в чем – куда слепого зомби швырнет напарник туда он и летит с выставленным шилом.

– Ладонь глубоко?

– По ощущениям – да – подтвердил Баск – Закинусь обезболивающими.

– Терпеть боль можешь?

– Да.

– Тогда забудь про таблетки – велел я – Терпи.

Зомби не стал уточнять по какой причине я заставляю его терпеть обжигающую боль. Чуть сжал располосованную ладонь и кивнул. А вот Йорка сердито дернулась, но сказать ничего не успела – другой рукой зомби хватко поймал ее за предплечье и крепко сжал. На всякий случай выждав пару секунд, убедился, что продолжения не последует и коротко махнул в сторону коридора. Продолжаем, гоблины. Зловонка сама себе брюхо не вспорет. Нам придется с этим помочь.

По моим прикидкам две патрульные группы для столь небольшой территории – максимум. В обычные времена хватает и одной – плуксов гонять. Сейчас выпустили две группы – да и те понятия не имели о том что такое патрульная служба.

Я бы очень хотел ошибиться насчет количества патрулей, но к моей грусти предположение подтвердилось и на пути к сердцу Зловонки мы не встретили больше ни одного патруля. Прирезали и забили дубинами четверых болотников. Еще четверых я застрелил, запретив своим приближаться к той палатке и сам подходить не стал. Игл не жалко. А то место мы потом миновали на максимальном отдалении. Причина проста – дырявая палатка под осклизлым тентом буквально содрогалась от общего кашля лежащих в ней вповалку четырех болотников. Им было так хреново, что они посдирали с себя маски и очки, стянули дождевики и сорвали одежду. По почти обнаженным бурым телам обильно стекал пот, их трясло и трепало в жестокой лихорадке, рты в потеках рвоты. Четверо сразу? Кашель? Тут какая-то серьезная болезнь и не зря этих болезных запихнули в затопленный боковой коридор, разместив на старом плоту из пустых бутылок и ящиков. Мы заметили их по мерцающему в палатке желтому свету и громкому кашлю. Мне хватило пары секунд на оценку ситуации. Дернув назад Рэка, поднял игстрел и всадил каждому по игле в грудь. И от осмотра этого коридора мы отказались, попятившись и вернувшись на основной маршрут.

Сделали не больше десятка шагов и были остановлены предупреждением Баска. Зомби указал в нужную сторону и я невольно удивился – Баск показывал на уже пройденный нами участок коридора. Там пара десятков заброшенных палаток и несколько расползающихся челнов и катамараном из бутылок. Судя по увиденному, там некогда бурлила жизнь, имелось подобие полностью накрытой пластиковыми тентами улицы изолированной от канала с дерьмом. Имелось пару настенных фонарей, из одной решетки бил сильный и ровный поток чистого воздуха. Как раз под решеткой, нашлепнув на нее что-то вроде большого рукава и направив его в свою палатку, блаженствовали

два смелых болотника. Обнявшись, мужики мирно спали. По моему приказу их убила Йорка – дубиной. И добавила шилом. Приказ выполнила с крохотной заминкой, но это ерунда – по первому времени так у всех кроме потаенных психопатов. Тела мы сбросили в канал и пошли дальше – до палатки с больными, коим я помог провентилировать забитые слизью легкие. И вот Баск снова указывал в сторону действующей приточки…

Пройдя метров десять, мы бесшумно миновали несколько загораживающих обзор куч мусора и рваных палаток. И замерли в потрясении. Даже меня к месту приморозило – хотя я почему-то считал себя парнем крепким и ко многому привычному и безразличному.

Но как можно отнестись с безразличием к такому?

На берегу реки замерла уродливая гротескная тварь по размерам схожая с крупным мужиком – непонятно в чем схожая. Это не человек. Даже не рядом. Но что-то смутное общее проглядывается в очертаниях. Вообще вся эта ожившая мерзота похожа на сгнивший до прозрачности перезрелый банан на четырех крепких коротких ножках. Кожи нет… ну или она прозрачна – свет настенного фонаря пробивает урода насквозь, показывая нам содержимое удлиненной туши. Бултыхаются в слизи связанные жилками и серыми венами какие-то органы, чуть выше невнятная округлая масса, рядом с ней ритмично бьется большой грушеподобный орган, в нижней части прозрачного брюха навалены черепа и кости облепленные дерьмом. Это не описать… прозрачная вытянутая хрень одновременно похожее на ящерицу, фрукт, медузу и человека. Студенистая мерзота занятая важным делом – стоя на краю канала уродище вытянуло из головной части пучок двухметровых светящихся щупалец и, подцепив ими за ногу зацепившегося за плот мертвеца, медленно подтягивало его к себе. Труп неохотно дергался, но отцепляться от плота не желал. Переступая на коротеньких – и вроде бы чешуйчатых лапках – монстр недовольно… звенел? Звук странный и едва-едва слышный. Вроде как где-то далеко колокольчик звенит. После очередного «звонка» чудовище недовольно… нет… раздраженно дернулось и до нас донеслось утробное рычание. На этот раз уже вздрогнул я – мне показалось, что в этом невнятном рыке я расслышал возглас «Ну дав-а-а-ай…».

То с какой силой вцепился в меня безмолвствующий зомби ясно дало понять – услышал не только я.

Не гляди мы сейчас на невероятную тварь, можно было бы подумать, что пытающийся вытянуть что-то из дерьма какой-то мужик, после двадцатой неудачной попытке, раздраженно цедит

«Ну дав-а-а-ай!».

Как бы не был я удивлен, но все же заметил – над местом, где ногу трупа обхватили щупальца подымается белый пар. Кислота? Наружный желудочный сок? Не зря же эта мерзота в себя костей навалила – как-то ведь собирается их переварить.

Труп наконец поддался и живенько направился к берегу. Едва доплыл, его тут же обвили дополнительные полупрозрачные щупальца, тварь поднапряглась и, едва не расплющившись, приподняла ноги мертвеца и… принялась их заглатывать. Благодаря прозрачности туши, следующие две минуты мы завороженно наблюдали как труп медленно проскальзывал внутрь чудовища, с удобством устраиваясь на костях в растянувшемся брюхе. Едва в воронкообразное отверстие – пасть? – прошла голова, тварь хорошенько встряхнулась, содрогнулась, по ней прошла волна и сзади выплеснулась выдавленная токсичная жижа. Ну да. Зачем нам бутерброд с грязью? Хотя бы частично, но эту гадость надо счистить, верно?

Над каналом прозвучало полностью удовлетворенное «Да-а-а-а». И на этот раз сомнения уже не было. Ни в том, что мы расслышали правильно, ни в понимании эмоций. Получившее хороший запас пищи существо отчетливо выражало свою радость.

Я шагнул, выходя из-за кучи мусора. Пнул треснутый пластиковый ящик. Уши есть?

Есть.

Тварь рывком обернулась. На меня уставилась воронкообразная дыра со свешивающимися концами светящихся щупалец. Между нами, шагов десять, я полуприкрыт мусором. Мои за спиной и, если что удержат и обрубят щупальца. В моей руке игстрел смотрящий в пол. А я сам внимательно гляжу на невероятное существо и жду. Чего? Не знаю. Чего-нибудь. Должна же последовать хоть какая-то реакция.

И она последовала.

– Не… не на-а-адо…

– Ладно – мирно пожал я плечами – Не надо так не надо. Ты кто?

– Ми-и-икки… – с готовностью представился студенистый банан и шустро попятился, отдалившись метра на три – Не на-а-адо… не убива-а-ал я-я…

– Его мы убили – махнул я свободной рукой – Жри сраного болотника на здоровье. Ты может и людоед, но вот каннибалом назвать тебя не могу… Ты кто такой?

– Я Ми-и-икки…

– Угу… я не расист, но все же – расу не озвучишь? Я вот гоблин. Со мной еще орк, зомби и ворчливая гоблинша. А ты кто?

– Я Ми-и-икки…

Извернувшись, уволакивая в брюхе мертвеца, существо впихнуло жопу в узкую щель в стене – ранее полностью прикрытый пластиковыми щитами проход в заброшенный тоннель. Гюнти упоминал его. Ну как упоминал – говорил, что там дерьма по горло и туда никто никогда не ходит и что вроде как тоннель тянется довольно далеко, но заканчивается тупиком. Так говорили старожилы. И вот туда-то Микки жопу студенистую и втиснул, разом скрывшись наполовину.

– Спаси-и-и-ибо… – щупальца мигнули и погасли, пролом погрузился в черноту.

Кем бы ни был Микки, но он ушел. Вдвинувшись обратно за мусор, повернулся к своим и помахал ладонью, поощряя к беседе. Может все кроме меня знают, но просто забыли упомянуть?

– Вот дерьмо! – заявил Рэк – Что это кусок дерьма?!

– Лопнуть и сдохнуть… – едва слышно пробормотала Йорка, вцепившись в руку Баска – Вот просто сука лопнуть и сдохнуть! Что это? Взял и заглотнул…

– Он разговаривает – пожал плечами Баск, единственный из нас, кто многое слышал, но нихрена не видит – Кто это был?

– Понятия не имею – признался я – Йорка тебе опишет. Когда в себя придет.

Гоблинша подалась к зомби и забормотала. К другому уху Баска наклонился Рэк, что тоже постарался добавить сведений – преимущественно матерных. Самым мягким и самым информативным было «Сраный кусок сраного дерьмища».

Я же глядел на темную щель в стене. Глядел ли на меня оттуда Микки? Или же, развернувшись, поспешно улепетывал с тяжелой и вкусной добычей в брюхе?

Он разумен. Я не знаю какое у него мышление, но вот выражение эмоций прямо как у нас. Раздражение, радость, испуг…

– Двигаемся дальше – велел я – Про увиденное – никому ни слова.

– Да кто поверит? – буркнула Йорка – Бред на ножках!

– Все равно – ответил я – Молчок. Бред на ножках… точнее ведь и не скажешь… двигаем дальше, гоблины. Может найдем кого-нибудь обычного… и пришибем ублюдка…

Не считаю себя провидцем, но в этот раз все сбылось – нашли двоих обычных болотников. И пришибли ублюдков. А заодно поняли, что мы совсем близко. Эти двое – парень с девкой – лобызались в палатке. В темноте. Мы их услышали только благодаря нетерпеливому пьяному рыку парня и писку «красотки»

боящейся, что некий Джош поймет, что ее нет и догадается… С помощью ножа и топора я с Рэком сделал так, чтобы парочке больше не пришлось бояться ревнивца Джоша.

А спустя еще тридцать метров мы наконец-то добрались до желаемой части основного коридора. Тут и затаились, осматриваясь, оценивая, изучая, а заодно перекусывая, меняя фильтры в масках, проходясь влажными дезинфицирующими салфетками в самых свербящих местах. Грязь Зловонки постепенно входила в нас. Но мы ожесточенно сопротивлялись – в отличии от давно сдавшихся и побуревших болотников с их харями испещренными зелеными прожилками вен.

Как раз трое таких стояли в верхней части широкого пластикового пандуса упирающегося в вибрирующую от прорывающегося наружу потока воздуха пластиковой же стены разрезанной частично зашнурованной щелью входа. Пандус спускался почти до густого месива нечистот, где переходил в длинный основательный мостик пересекающий весь коридор и упирающийся в еще одну пластиковую стену. Гадать о том что скрывалось за второй стеной не приходилось – на стенах и пластике были нарисованы веселые и грустные лица с пятачками вместо носа и свинячьими ушами. Под потолком давно не обновлявшаяся желтая надпись «Паму-Пока».

Чуть оглядевшись, убедившись, что трое болотников ничем путным не заняты, просто входная стража в замок великого и ужасного Понта Сердцееда, я принялся разглядывать стены внимательней. Похоже, тут каждый хоть раз да оставил свою метку – сотни разноцветных номеров обведенных кружочками и овалами, большая часть номеров жирно перечеркнуто, некоторые частично залиты красной краской. Имена – их тоже немало, и они тоже перечеркнуты и залиты. Это настенная хроника болотников. Причем перечисляющая не только имена и номера – еще она повествует о рангах и взаимоотношениях. Над некоторыми именами рисунки ножей и дубин, часть номеров разбито на пары и обведены милыми сердечками. Прямо за душу взяло…

Но все это обычная мазня.

А вот картина слева от входа на свиноферму Паму-Пока…

Стоило зацепиться за нее глазами – и сразу вспомнился бордель нимфы Копулы. На стене у входа на свиноферму имелась большая картина. И она очень походила на те, что были изображены на стенах дома удовольствия и боли нимфы Копулы.

Но тут тематика немного другая…

В левой части картины обрамленная лужей кровью громадная куча оружия, одежды, доспехов и отрубленных-оторванных рук и ног. От этого зловещего холма медленно отползают тощие и

несчастные черви-ампутанты. Их не меньше двух десятков. И чем дальше они от холма с собственными конечностями и вещами, тем они упитанней и улыбчивей. В правой части картины изображено несколько веселых, если не сказать добродушных болотников, к чьим ногам доверчиво прижимаются столь же добродушные жирные свинки. Ладони склонившихся в любимой животине болотников ласково оглаживают доверчиво подставленные спинки и шейки закативших от блаженства глаза свинок.

Нарисовано мастерски. Нарисовано с чувством. С вдохновением. Это столь же эмоциональная работа, как и те, что в борделе. И тут тоже присутствуют дети без лиц – хотя и замаскированы они под фигуры далеких безликих болотников держащихся за руки и наблюдающих за происходящим издалека.

Нет ни малейшего сомнения – тут поработал тот же художник. Тот самый что давным-давно умер и похоронен на кладбище Шартрез.

Глядя на картину, ощутил как во мне растет и становится все сильнее желание немедленно положить под язык хотя бы четвертушечку серой таблетки. Подождать, когда она чуть размочится слюной и только тогда мягко надавить языком, превращая наркотическое лакомство в быстро растворяющуюся кашицу…

Дерьмо!

Я с силой прикусил щеку с внутренней стороны, как следует сжав челюсти. Сильная боль обладает многими свойствами. Одно из них – быстрая прочистка мозгов от ненужных мыслей и желаний.

Меня тихо толкнул Рэк. И я тихо пробормотал пару приказов бойцам. Приказы понятные и короткие. Замаскироваться. Йорка и Баск контролируют наши тылы во все имеющиеся глаза и уши. А мы с Рэком наблюдаем за двумя входами и мостом.

Должно же что-то случится?

Любое происшествие – пусть даже рутинное и мелкое – может сыграть нам на руку. Главное не упустить момент и тут же воспользоваться шансом…

* * *

Шанс представился не сразу, пришлось немного подождать. Но оно стоило того – лениво жуя, дыша воздухом через свежие фильтры, неподвижно полежать, давая отдых телу. Хотя еще большой вопрос что дается тяжелее – долгое монотонное

движение или же недолгое, но абсолютно неподвижное лежание. Судя по бойцам – Баск замер как камень и ему это нравилось. Голова опущена на ладони, капюшон не закрывает уши – неподвижный зомби внимает каждому звуку. А вот Йорка и Рэк уже изнемогали. Пришлось пару раз шикнуть, заставляя их замереть.

Баск первым услышал какие-то звуки и ткнул меня ногой, извернувшись, голову наклонил в сторону входа на свиноферму. Мы тоже обратились в слух, но прошло еще секунд двадцать прежде, чем я что-то вроде бы расслышал, а потом еще секунды три чтобы убедиться в этом.

Пластиковые полотнища распахнулись, оставляя на них красные отпечатки, наружу вывалился залитый кровью болотник, схватившись за живот, с трудом стоя на истерзанных ногах, он захрипел:

– Сюда-а-а-а! Плуксы! Сучьи плуксы! Жрут свиней!

Не стоило и гадать что у стражников в приоритете – двое тотчас рванули к сфиноферме, а третий юркнул в Понтохарт, донесся его призывающий подмогу крик. Два стража миновали ковыляющего навстречу раненого. Тот, шагая достаточно уверено, торопился в родную болотную кляксу – ему требовалась срочная перевязка. Вот он достиг мостика, неспешно побрел по краю вдоль невысоких перилл – чуть выше колена. И едва он спазматично дернулся от пронзившей его боли, наклонившись в нашу сторону, я выстрелил. Мимо. Еще раз. На этот раз игла вошла в его бок. Беззвучно разинув рот, он схватился за новую рану и завалился, рухнув в неслабый здесь поток нечистот, уйдя в него без всплеска. Дерьмо просто расступилось и приняло его как родного.

Минус один.

– Лежим – скомандовал я и Рэк мягко опустился на место.

Куда торопиться?

Раз уж сюда прибыли плуксы – дадим болотникам время с ними разобраться, получая при этом раны и усталость.

Минуты через три – слишком медленно – гулко бухая ботинками и сапогами по трапу сбежало пятеро болотников, помчавшихся к свиноферме. Мужики крепкие, у каждого дубина и нож, снаряжение нацеплено наспех. Последний отставал не в силах совладать с упрямым узковатым сапогом, прыгая на одной ноге и держа дубину подмышкой. Какая комичная ситуация… едва первые четверо скрылись за шторкой, а отстающий опасно приблизился к краю моста, я выстрелил, всадив иглу ему в ляжку. Подпрыгнув как ужаленный, болотник ожидаемо рухнул в реку нечистот. Перезарядка. Едва новый картридж встал на место,

ублюдок вынырнул из дерьма и разинул рот для крика. Течение поднесло его ближе к нам, и я не промахнулся. Успел вовремя – выбежавшая еще одна троица болотников что-то услышали, даже увидели несомую рекой бурую кочку, но не осознали, что это погружающаяся голова их сдохшего другана.

– Изобрази плукса – прошипел я Рэку, намереваясь задержать этих упырей.

Их нельзя пускать на свиноферму. Нельзя. Чем меньше там подкрепления – тем легче вторгшимся туда плуксам. Не знаю сколько там голодных чешуйчатых тварей, но так хочется верить в светлое и доброе – что их там не меньше десятка.

Рэк швырнул подобранную бутылку, качнул полузаваленную палатку, Йорка заскребла дубиной по стальному полу, сдирая с него закостеневшую корку грязи. Звуки получились в меру тихие и непонятные. Не рычать же – плуксы безмолвны.

Поднятого шума хватило – троица замерла ненадолго, вся обратившись в слух и пытаясь разглядеть хоть что-то. В руке одного зажегся довольно мощный фонарь, и мы сжались под мусорными накидками. Быть обнаруженным я не боялся – пока тащились сюда по грязи накидки набрали в себя влаги и грязи, потяжелев втрое и превратившись в идеальное средство маскировки для здешних условий. Рэк громыхнул еще раз. Баск дробно и мелко постучал шилом по стали – и звук до жути напоминал щелчки плуксовых когтей. Это решило дело – веселое и грозное трио болотников бодро направилось к нам. Двигались умело – дубины подняты над головами, фонарь уставлен в пол метрах в пяти перед ними. Они готовы пригвоздить к полу плукса. Но это провальная тактика против затаившейся группы диверсантов. Я не стал тратить иглы. Мы просто спокойно ждали – бедро прижимающейся ко мне Йорки закаменело, настолько напряглась глупая гоблинша. Однажды словит судорогу в самый неподходящий момент…

Когда болотники – шаря по нам лучом фонаря – подошли вплотную и начали обходить груды мусора, оказавшийся за ними Рэк мягко поднялся и нанес три быстрых удара шипастой дубиной. Тут же добавил по уже падающим телам. Когда шипы застряли в черепе «фонарщика», благоразумно отпустил оружие и схватился за нож. Дернувшаяся Йорка заграбастала и выключила фонарь, подтянула к себе пару дубину. Я ткнул Баска, наводя его на труп. Сам вернулся к наблюдению за входом, слыша, как падают в нечистоты мертвые тела. Они вроде как был еще жив и что-то умоляюще булькал, но его без промедления отправили туда же, после чего бойцы вернулись на позиции и залегли.

– За сколько добежишь туда и обратно? – спросил я Рэка, не

отрываясь от игстрела.

– Десять секунд туда. Столько же обратно – без паузы ответил орк – Что надо?

– Сбросишь тела в дерьмо – и обратно.

– Давай.

– Дубину на пояс. Нож в лапу. Как начну стрелять – беги – сказал я и утопил клавишу спуска, отправляя иглы навстречу еще одной четверке.

Два выстрела. Перезарядка. Один закрутился, держась за пробитый живот, второй медленно оседал, держась за горло – хотя целился я в грудь. Три выстрела подряд. Перезарядка. Подлетевший орк взмахнул несколько раз нож, пластая по уязвимым местам. Схватив за шиворот болотника еще могущего стоять на ногах, вместе с ним добежал до канала и швырнул его в дерьмо. Вернувшись, оттащил и пустил плавать сразу двоих. Помчался за четвертым – и в этот момент из прохода вышел здоровенный болотник с опускающейся из капюшона длинной седой бородой. Болотник дернулся, схватился за дубину – и рухнул, скатившись по пандусу к ногам орка. Две иглы в минус, еще одна в игстреле, что наведен в пространство между двумя входами. Рэк вернулся через тридцать секунд, успев замазать пару кровавых пятен – в отличии от игстрела нож убивает грязно. Молодец орк – сообразил. А я вот прошляпил этот момент и тихо ругался, глядя на растекающиеся по относительно чистому пандусу красные пятна.

Рэк распластался рядом, набросил на себя накидку. Я тихо отдал пару команд. Рэк сместился вперед на пару метров, затихнув у края размытого тусклого света от входа. Йорка присоединилась к нему, а Баск сместился в тыл и развернулся ко мне ногами.

Чуткие уши сзади, пара бойцов в переднем ряду, я с издыхающим игстрелом посередине.

Лежим. Ждем…

Зомби лежал дальше всех, но услышал первым:

– Крики… – не оборачиваясь, оповестил он – Оттуда же.

– Ага – подтвердил я получение информации и повел игстрелом к свиноферме.

Три секунды… и уже мы все слышим долгий крик. Столько эмоций – страх, злоба, боль…

Срывая пластиковое полотнище, наружу вывалился болотник держащийся за лицо. Руки в крови по локоть, с головы свисают лохмы содранного скальпа, на шее истекающая кровью борозда, на левой ноге висит небольшой серый плукс. Шатнувшись, мужик шагнул в сторону и навалился плечом на ужасную и прекрасную

картину «эволюции червей», в ярости пнул стену ногой с присосавшимся плуксом. Пнул еще раз. И еще. Содрогающийся плукс не реагировал, продолжая шинковать и глотать живое мясо. Повернувшись ко входу в Понтохарт болотник весь выложился в хриплом крике ненависти, исказив в гримасе исполосованное лицо:

– Гни-и-и-иды! Сучье с-а-а-ало-о! Где вы, суки?! Где вы-ы-ы?!

Я надеждой уставился на пандус – вдруг бедолагу услышат и среагируют? Мои ожидания оправдались – выскочил суетливый субтильный старичок с незакрытым лицом, пораженно уставился на пританцовывающего от боли болотника:

– Так ведь уже…

– Подмогу зов-и-и-и! Сучье са… – прервавшись на высокой ноте, раненый мужик завалился лицом вниз, схватился за шею и, пару раз дернувшись, мелко задрожал, странно вихляя тазом и выгибаясь в пояснице.

Живо повернувшийся старик суетливо нырнул обратно. А я поспешно отдал несколько команд. Подорвавшиеся Йорка с Рэком рванули к мосту, таща за собой накидки. Преодолев переправу, пробежали еще пару метров до сумрака погуще и хлопнулись в грязь, скрывшись под мусорными плащами. Пара быстрых поправляющих движений – и ничего кроме едва-едва заметных куч мусора.

Вовремя – старичок обернулся вовремя и появился через несколько секунд, ведя за собой троих болотников помоложе и посильней. Они сходу рванули к агонизирующему собрату, а старик вернулся – явно направился созывать дополнительную подмогу. Едва он скрылся, я припал к игстрелу. Уложил иглу в самую широкую и мускулистую спину что так удобно подставилась. Здоровяк охнул и сунулся харей вниз, рухнув на уже сдохшего братана. Оставшиеся двое недоуменно склонились над ним, послышалась грубая шутка – решили, что он сомлел от вида крови и без всякого дружеского понимания злобно потешались. Но смеялись недолго – по так удачно расположенным затылком врезали шипастые дубины, завязнув в черепах. Привстав, я напомнил:

– Первого дохляка оставьте! Остальных в говно!

От меня отмахнулись, Йорка что-то буркнула – помним мол, заткнись. Ну и ладно. Пожав плечами, перезарядил игстрел, тихо усмехаюсь – волчата становятся злее и уже начинают гавкать на папу.

– Плуксы! – возглас Баска заставил меня позабыть про семейные гавканья и крутнуться к мониторящему тылы зомби.

– Где? Сколько? – спросил я, садясь рядом с зомби и

забрасывая игстрел за спину.

– Метров пять. Топают сюда. Не меньше трех вроде… шум когтей слабый – небольшие.

– Берись за шило.

– Уже.

– Жди – приказал я, хватаясь за дубину, а другой ладонью нащупывая топор – Знаешь, что делать.

– Делай дело – в голосе Баска ни малейшего сомнения. Я слышу лишь холодную уверенность и боль – он слишком сильно сжал шило в распоротой ладони – Рядом!

Одновременно с предупреждением я увидел мелькнувшую в сумраке серую чешую. Хотя ночью все плуксы серы. Дубина пробила чешую и я тут же ее бросил, сорвал с пояса топор и, шагнув вперед, с силой нанес идущий над полом удар, отбросивший второго плукса прочь – он угодил в середину поток и забарахтался в густом месиве. Третьего, метнувшегося к Баску, достать не успел. Добив первого, слепой зомби покатился по полу, прижимая вцепившегося в левую руку плукса и дырявя его шилом. Я не помогал – убедившись, что угроза исчезла, проверил далеко ли уплыл первый плукс, глянул на вход в Понтохарт, погрозил кулаком приподнявшимся мусорным кучам на том берегу, выдернул дубину и, спокойно улегшись на прежнее место, прикрылся маскировочной накидкой. На происходящее позади демонстративно не обращал внимания. Но там все затихло уже через минуту.

– С-сука! – пробормотал сквозь зубы Баск, скрючившись под накидкой.

– Сильно?

– Норм. Залью клеем и всего делов. Плуксов подгреб к себе.

– Дай-ка одного – я протянул руку назад, ткнул пальцами Баска и тот вложил мне в ладонь скрюченную чешуйчатую лапу.

Подтянув плукса, оглядел его – килограммов шесть-восемь, страшенная пасть перекошена, мелкие клыки торчат наружу. Уложил зверюгу пока рядом с собой. И снова приник к игстрелу. Чего нам еще Понт пошлет?

А послал он аж восемь зло ругающихся болотников. Четверо шагают размашисто, еще четверо двигают не столь проворно и постепенно отстают. И все равно их многовато…

Пропускать?

– Сторожи до приказа – бросил я через плечо.

– Понял.

Три выстрела. Щелчок. Перезарядка. Три выстрела. Щелчок. Перезарядка. Вскочить, игстрел за плечо и к мосту. Сумрачный коридор рванул навстречу, мост внезапно подернулся зыбким

маревом, в ногах появилась ватная слабость, я начал падать. Только не долбанный флешбэк! Только не сейчас! Стиснув зубы, вбивая их в мякоть губы. Больно. Зато сознание прояснилось и вырвавшийся из моей глотки крик прозвучал просто отлично – оглушительно громко. Проигнорировать невозможно. Равно как и зажатые в руках топор с дубиной. Прогрохотав по мосту, я налетел на «семенящих» и, не обратив на истошное «Стой! Не надо!» проломил голову первому топором, ударил коленом второго, через его плечо дотянувшись дубиной до третьего. С той стороны послышался столь же азартный рев, влетевший на мост Рэк тараном ударил в согнувшихся от боли подранков, сшибая их в дерьмо и награждая ударами дубины. Дальше я не видел – уродливая сука с черным от татуировок и грязи лицом попыталась укусить меня остатками зубов, но это мелочь и она сдохла, а вот выскочивший из-за нее болотник удивительно быстро и ловко орудовал длинным ножом и успел достать меня трижды, пока я отбрасывал от себя дохлую суку. Один удар пришелся по пластине, а два следующих угодили по телу, наградив меня двумя ранами на подставленной левой руке. Разорвав дистанцию, выронил из ослабевшей руки топор и спросил:

– Ты любишь компот?

– А? – на мгновение замер болотник – Ыгх… – сказал он же, выпуская из пальцев нож и хватаясь за выросшую из затылка дубину.

– Дерьмо! – прошипел я, подбирая дубину и оглядывая заваленный трупами мост – Баск! Плуксов сюда! И мою накидку!

– Этих топим?

– Пятерых – в дерьмо! А этих – я показал рукой – Оставляем. Рэк, наделай им дыр в животах и шеях. Йорка! Шилом по ногам. Часто!

– Нахрена?!

– Делай!

– Есть!..

Мы уложились в три минуты с мелочью, если верить моему внутреннему отсчету. Сменив позицию, улеглись со стороны свинофермы. Отсюда открывался прекрасный вид на залитый кровью мост. Трупы болотников и плуксов разбросаны весьма живописно, еще несколько тел медленно отплывают прочь. Заливая раны клеем, я кивнул, услышав слова Баска о том, что со свинофермы отчетливо доносятся злобные маты и вопли боли. Я сам слышал только что-то вроде глухого эха. Как бы то ни было – драка с плуксами продолжается. И никакая подмога им не светит.

– А неплохо идет – не скрывая хищной радости, пробормотал

Рэк – Прямо смачно идет… так и дальше?

– А чего? – пожал я плечами – Нам неплохо живется. Но игстрела считай больше нет. Вот-вот батарея сдохнет.

– Как и остатки болотников – злорадно прохрипел орк – Справимся и дубинами! Какие планы?

– Ждем развязки на ферме – начал я перечислять оформившиеся в голове мысли – Если победят плуксы – рано или поздно остальные сообразят, что слишком долго нет вестей с любимой мясофабрики и… да ладно… серьезно?

Забыв про руку, я подхватил с пола игстрел и припал к ставшему липким грязному прикладу, наведя оружие на вход в Понтохарт. Глаза обманывают меня?

В проход между услужливо распахнутыми пластиковыми полотнищами входного тамбура прошел высокий мужик в розовой футболке с белым сердцем на груди. На плечах незастегнутый серебристый длинный плащ, на ногах высокие красные сапоги, на широком поясе мачете, а с другой стороны серебряная дубина, на лбу защитные очки в красной оправе, крепкие желтые штаны украшены вышивкой из разноцветных проводов, на шее болтается девственно белая полумаска. За мужиком поспешает невероятно жирная и уродливая баба вооруженная до зубов. На хрена ей по две дубины за каждым плечом?! За бабищей вышагивал высоченный кто-то в длинном и наглухо застегнутом черном дождевике. Из затянутого капюшона торчат фильтры, чуть выше поблескивают непроницаемые линзы очков. Непонятно кто это, но личность мрачная – может Пиглар Мрачный? А бабища прямо похожа на Мрашу Клыкастую.

А чего это за рана на руке Понта? И чего это на серебряной дубине так много красноты? А это точно он – сходится по серебряной дубине и мачете. Разве что двойника подослали хитрые болотники?

– Что за дерьмо происходит?! – в бешенстве возопил мужик в розовой футболке и, подавившись зловонными испарениями, пару раз кашлянул, харкнул под ноги и принялся натягивать маску, но приостановился и продолжил орать, явно действуя на публику – тех, кто постепенно вытекал наружу следом за боссами.

– Я говорю – что за дерьмо, а?! Сучье сало! Одни на меня поперли с ножами. На меня! Другие с плуксами справиться не могут! И где гребаные патрули? А? Эй! – повернувшись, понт наградил пинком трясущегося мужичка в рваном дождевике – Патрули где?

– Не знаю я – боязливо втягивая голову в плечи, доложил мужичок – Не при делах я, Понт…

Мне этого хватило. А мужичку нет и он, робко вскинув глаза,

продолжил:

– Я ведь хавку варю, а… – осекшись, он изумленно уставился на белое сердце на розовой груди Понта.

Понт смотрел туда же и с таким же изумлением. Как тут не изумиться – белое сердце вдруг начало стремительно окрашиваться красным.

– Это… – проблеял мужичок – А это…

Выстрелив еще дважды по той же цели, я перезарядился, выстрелил еще дважды и игстрел сдох. Вскочив, сбросил с себя мусорную накидку, схватился за топор и с гортанным рыком попер к мосту:

– Всех порешу, с-суки! – орал я, переходя на бег – Всех положу, порежу, покромсаю! Убью!

Рухнувший на пандус Понт уже ничего не слышал, хрипящая Мраша держалась за пробитую иглой шею, шустрой змеей утек внутрь хмырь в черном дождевике, а остальные… часть замерла, часть побежала, двое самых преданных попытались поднять короля, но, поняв что не успевают, бросили любимого лидера и рванули прочь. Меня обогнал громил Рэк, первым преодолев мост, взлетев по пандусу и с ревом попотчевав Мрашу дубиной, угодив по шее у плеча. От удара такой силы она просто сложилась – колени и поясница согнулись, бабища долбанулась о пандус и протяжно завыла, добавляя шума, паники и хаоса. Следующий десяток секунд мы крутились на пандусе и около него, убивая болотника за болотником. Враги незаметно кончились, но мы не остановились. Указав на Понта, я вцепился в него первым, и мы потащили его по коридору, утаскивая дохлого лидера в сумрак. Протащили десяток метров, после чего я велел им продолжать в том же духе до самого выхода, рыкнул на Йорку и Рэка и что есть сил рванул обратно.

Сколько у меня времени до появления следующей партии?

Вряд ли много. Или же целый вагон – если они, лишенные лидера, перепуганные, вообще осмелятся организовать вылазку. Но рисковать не буду. Мне бы просто взглянуть одним глазком…

Перепрыгивая через трупы, промчался мимо пандуса, затем по мосту и, резко замедлившись, вошел на свиноферму, рыская глазами по сторонам. Обычный коридор, но тут куда меньше зловонных испарений. И тут куда больше света – под высоким потолком горело аж четыре фонаря, что прекрасно освещали около тридцати решетчатых загонов стоящих на невысоких пластиковых колоннах. Гора пластиковых ящиков у дальней стены, несколько длинных высоких столов там же, на металлических столешницах пара разделанных жирных тел.

Главное я увидел сразу – прижатых к стене болотников, что

ощетинились дубинами и ножами. И наступающих на них плуксов. Неподалеку от меня прижался к полу «мандарин» – плукс-командир, нервно вибрирующий опухолью. И командир удивительно крупный – выше моего колена, довольно массивный. Из части клеток доносились сдавленные крики, хлюпающие сосущие звуки. Десяток болотников – часть из них с щитами, плюс столешница перевернутого стола – успешно держал оборону, особенно усердствовал не замолкающий крепыш в длинном свитере и глухом противогазе, отдающий приказы. Ситуация неясна, победителя выявить трудно. Хотя…

Сдернув игстрел, постучал по прикладу ладонью, хорошенько встряхнул оружие и, прижав его ко лбу, тихо попросил:

– Один раз. Одну иглу. И все.

Тщательно прицелившись, медленно выдохнул, утапливая клавишу спуска. Щелк… и крепыш в свитере резко ударил себя ладонью по животу, замер, медленно опускалась рука с дубиной. Мне почудилось на мгновение переключившееся на меня внимание «мандарина», но я выяснять я не стал – уже бежал обратно к выходу, слыша за спиной становящиеся все громче панические вопли. Еще один лидер пал…

А мне бы теперь догнать своих и не наткнуться при этом на плуксов или тот студенистый разумный банан…

Из дышащей смрадом Зловонки мы вырвались с великой радостью, таща за собой огромный сгусток дерьма – труп Понта Сердцееда. Не останавливаясь – чтобы не сбить темп – промчались с грохотом по стальным лестницам, спустившись к Гиблому Мосту. И только здесь я остановился, чувствуя, как грохочет сердце в груди, колотясь о реберную решетку. Еще чуток – и вырвется. Остальные выглядели не лучше, согнувшись и с хрипом пытаясь загнать в себя побольше воздуха. Нет… все же мы еще далеко не в форме.

Чуть отдышавшись, содрал с себя очки и капюшон, заодно оторвав к чертям опостылевшую маску. Поднял голову к стальному небу и… в мою грудь уперся зеленый лазерный луч.

ВСЕМ ЗАМЕРЕТЬ!

Одиннадцатый! **Немедленный** сжатый вербальный доклад в свободной форме о происходящем!

– Это – я ткнул пальцем в труп у своих ног – Убийца и людоед, а также так называемый лидер Зловонки Понт Сердцеед. Номера не знаю. Убит нами во время бесстрашного рейда по Зловонке. Так же нами устранено еще немало преступников-людоедов, чьи тела можно прямо сейчас достать из вон того желоба! Каждый из них виновен в страшных злодеяниях и вообще

все они упырочные ушлепки и хренососы! Такой вот доклад в свободной форме… ах да! Мы отправились в Зловонку по специальной и настоятельной просьбе нимфы Копулы – доброй феи, что не щадя живота своего приглядывает за Дренажтауном и Окраиной. Если бы не нимфа Копула – долбаный хреносос Понт Сердцеед не лежал бы сейчас здесь. Это всецело ее заслуга! Еще нами уничтожена Мраша Клыкастая! Ее труп оставлен в Зловонке, но обязательно будет найден. Если прикинуть по Зловонке в целом – в настоящее время силы болотников лишены почти всех лидеров и дезориентированы. Сейчас на них совершает нападение стая плуксов. Это идеальное время для совершения массированной атаки на Зловонку – бойцам не будет оказано почти никакого сопротивления. Время мочить ублюдков хренососов! Да здравствует нимфа Копула! Вот теперь доклад точно закончен…

Повернувшись к сбрасывающим с себя дождевики бойцам, спросил:

– Нормально доложил?

– Не. Переборщил. Многовато про хренососов – скривилась Йорка – Но суть передал. Что дальше делать будем, гоблин?

– А нам сейчас скажут – пообещал я, опять поднимая лицо к потолку – Обязательно скажут…

Глава десятая

Я не знаю. И никто, похоже, не знает кроме самой нимфы Копулы и ее верного старого мулата-повара что именно даровала ей система. Но судя по сходящему с ума борделю – она получила что-то очень весомое.

Бордель ликовал.

Бордель танцевал.

Бордель полыхал всеми огнями.

Бордель совокуплялся, даруя клиентам самые невероятные похотливые и даже извращенные фантазии по самой доступной цене. Скидки ахнули такие, что приобщиться к влажному теплому миру дома удовольствия сегодня смогут даже окраинные гоблины – и весть об этом туда уже унеслась. Вот-вот следует ждать прихода новой армии клиентов требующей немедленной сексуальной разрядки. Жизнь на Окраине несладка, а так хочется иногда кусочка сахара – а с сегодняшними ценами к сладкому сексу можно добавить ложку сиропа потаенных фантазий…

Вот ведь юмор какой интересный – убивали мы, бонусы получала нимфа Копула, а расплачиваться за все наше удовольствие прямо сейчас и в поте лица и тела приходится инкубам и суккам…

Система потрудилась на славу, загнав меня с группой в медблоки и полностью бесплатно обработав нас мощной химией снаружи и внутри, сделав каждому по семь уколов.

Прямо в медблоке я умудрился заработать нам еще бонусов – когда мне в послушно приоткрытый рот загнали пахнущий лимоном шланг и обдали глотку изнутри ледяным спреем, я невольно закашлялся. И вспомнил важную, но упущенную деталь, после чего немедленно потребовал прервать процедуры и выслушать доклад. Система согласилась и я в красках описал ей палатку с несколькими инфицированными какой-то явно заразной болезнью.

И систему проняло – еще никогда прежде я не получал от нее такое количество уточняющих вопросов. По ее требованию я описал внешний вид убитых и сброшенных в дерьмо болотников, вид и местонахождение рваной палатки и самого бокового коридора, были ли среди других болотников замечены кашляющие и так далее и так далее. С ответами уложился в пять минут после чего лечение продолжилось – и к нему добавился дополнительный укол какой-то вакцины, если судить по названию «Вакцинол-3.1М».

Когда нас выпустили, мы, недолго думая, направились к

месту, где вполне можно было рассчитывать бесплатно нажраться элитной по здешним меркам еды и выпить немного алкоголя.

И вот, развалившись на диванчике, закинув ноги на невысокий мягкий подлокотник, я потихоньку прихлебывал янтарный нектар из толстостенного невысокого бокала и счастливо жмурился, ощущая как на теле один за другим исчезают очаги огнем дерущего раздражения. Особенную радость доставлял мне вид большого пальца правой ноги – во время рейда пропорол где-то обувь и наколол палец, но не заметил. Внутрь натекла едкая хрень и я был изрядно удивлен видом красно-зеленого распухшего пальца, узрев его уже в медблоке. И вот сейчас палец быстро «сдувался» и светлел, теряя угрожающую красноту и странную зелень.

Прихлебывал, жмурился, вдыхал аромат жарящейся рыбы, ожидая сигнала от повара подойти и заодно лениво прислушивался к докладам разноцветных гейш, что заскакивали одна за другой и каждой было что доложить своей госпоже.

В Зловонку вошли первые бригадные отряды. Не успели углубиться, как их всех срочным системным приказом отозвали, вернув на исходные позиции, а оттуда прогнав каждого через медблок, а потом по торгматам, бесплатно выдав дополнительные средства защиты. Всех предупредили – в Зловонке вспышка заразной болезни, проявлять особую осторожность.

Ту же самую процедуру проделали с труполовами – теми, кому было поручено вытаскивать из желоба труп за трупом, раскладывая их у входа в город причудливым пасьянсом.

Следующим общим приказом система разогнала от Гиблого Моста всех зевак и с помощью блокпостов наглухо перекрыла магистральные коридоры. Новым гоблинам связанные со Зловонкой задания больше не выдавались, тем, кто уже был озадачен системой, были выданы дополнительные поручения. Похоже, им придется пахать до упора.

К Гиблому Мосту доставлены огромные большеколесные пластиковые контейнеры – в них начали загружать трупы из желоба и прочий крупный мусор, что не может пройти через решетку.

Из Зловонки начали возвращаться первые группы, тащащие за собой трупы и сбрасывающие их в водопад. Туда же отправлялись плоты, лодки, палатки, тенты, ящики и весь прочий мусор, что накопила в себе Зловонка за эти годы. Судя по звучащим в докладах эмоциям все это со стороны выглядело как долгожданный прорыв огромного гнойника.

Сияющая нимфа принимала доклад за докладом, не стесняясь прикладываться к бокалу с алкоголем и щедро плеская

ударную дозу каждому докладчику – грамм под сто пятьдесят. Угощение нимф проигнорировать невозможно. Выпивали до последней капли и благодарили. Вот только докладчиков было всего семеро и появлялись они довольно часто, принося последние новости и каждый раз выпивая по сто с лишним грамм крепкого самогона. Началось это еще до моего прихода – и они еще двигались бодрячком. Сейчас же мимо меня, вихляясь и для чего-то дважды обойдя мой диван, с серьезным выражением лица медленно вышагивала гейша с чуть покосившейся прической. Ей все же удалось добраться до рабочего стола Копулы и сделать доклад – работающих на Гиблому Мосту и в Зловонке послали на четвертый круг, плата увеличена вдвое, через блокпосты переданы грузы изотоников, энергетиков, воды и пищевых брикетов. Все передано системой. Копула кивнула и, не обращая внимания на откровенно испуганный взгляд несчастной гейши, плеснула ей чуток выпивки. Та покорно проглотила и побрела к двери, не отрывая от нее завороженного расфокусированного взгляда. Если она вернется с еще одним докладом – это будет чудом. Впрочем… в приоткрывшуюся дверь я увидел подоспевшую с большим бокалом девчонку, явно поджидающую оглушенную самогоном гейшу. Будут приводить бедолагу в чувство.

Начинать разговор я не торопился. Мне пока и так отлично. Мои разбежались по комнатам. Сбрасывают напряжение различными способами… даже знать не хочу. Особенно про Рэка… А я… а что я? Я млеющий от мелких удовольствий гоблин. В желудке пара пищевых кубиков и две таблетки «шизы», под языком оранжевая таблетка «Энергия. ЭТ-М-2» и я потихоньку ее употребляю согласно инструкции. В руке бокал самогона. В воздухе запах рыбы. Кстати… встав, я прихватил с собой пару подушек и, зажав их подмышками, переместился к кухонной стойке, где и расположился со всеми удобствами. Старый мулат кивнул и поставил передо мной сразу две тарелки с подрумяненной рыбой. Волшебным образом оказавшаяся в моей руке вилка с хрустом проломила поджаристую кожу, обнажая парящее белое мясо.

– Варю тебе рыбные головы.

– Спасибо!

– Ты сделал дело. И вернулся живым из Зловонки. Такое стоит отметить – наши бокалы со звоном ударили друг о друга.

– Такая редкость? – хмыкнул я, приступая к рыбе.

– Если ты не болотник – на своих ногах из Зловонки тебе не выйти. Видел свиней?

– Мельком – ответил я – Но увидел, как плуксы высасывают

безмозглых свинок и добивают еще живых свинарей. Смешно, да? Ситуация, когда искренне желаешь смерти сразу всем – плуксам, свинарям и свиньям.

– Пусть сдохнут! – отсалютовал мне бокалом мулат.

– Пусть сдохнут – согласился я – Насчет редкости возвращения из Зловонки…

– И что с ней?

– Видел я там одну картину. Содержательную такую картину на стене у входа на свиноферму. В картине наглядно было показано, как несчастные гоблины побросали в кучу одежду, оружие, руки и ноги, после чего поползли к улыбающимся свинарям. И чем дальше они ползли – тем жирнее и счастливей становились.

– Вот как…

– Я, конечно, не спец по картинам. Но увидев безликих детишек… да и общий стиль… это тот самый художник, что изукрасил стены вашего борделя. Уверен в этом. Как там его имя? Соренцо? Художник Соренцо, что похоронен вне чрева Матери, упокоившись под крылом Харона на кладбище Шартрез. Так вроде?

– У тебя цепкая память.

– И любопытство жизнерадостного ребенка.

– Соренцо… он прожил здесь долгие годы. Потом внезапно пропал и вскоре слухи донесли, что его видели входящим в Зловонку. Мы сделали все, чтобы вернуть его живым и здоровым. Были готовы предложить многое. Но болотники удивили – сказали, что знают его и позволили бы ему уйти. Но он побродил по Зловонке, а затем начал у них что-то рисовать. Болотники сказали, что не держат его силой. Как закончит – пусть уходит, если захочет.

– И он вернулся…

– Да. Вышел как ни в чем не бывало и вернулся сюда. Но пробыл здесь недолго.

– Снова ушел?

– Догадаешься куда?

– Шартрез.

– Верно. Он прожил на кладбище почти год, проведя почти каждый час в рисовании.

– А потом умер?

– Для него провели полный похоронный ритуал. Все по высшему разряду. Трое суток танцев, выпивки и безостановочного траха вокруг могилы. Хтоники умеют провожать в последний путь – кивнул мулат – Посмотрев на свои шикарные похороны, полежав немного в костяном гробу, Соренцо встал и покинул

Шартрез. Больше его не видел никто.

– Не ожидал – признался я – То есть он жив?

– Кто знает? А что тебе до него? Он грустный ребенок в теле старика. Не трогай его.

– И не собирался – ответил я – Просто всегда стараюсь максимально прояснить ситуацию.

– Прояснил?

– Ага.

– Вот и жри рыбу.

– А если я однажды его увижу? – прищурился я – Вашего грустного ребенка Соренцо.

– Скажи – мы ждем его домой – ответил мулат и тема себя исчерпала.

Вкушая королевское угощение, уставившись в пластик стойки, я еще раз просматривал висящие перед глазами строчки информации.

Состав группы:

Одиннадцатый. (ПРН-Б + 2Н) **Лидер группы**. Статус: норма.

Девяносто первая. (ПРН-Б + 1) Член группы. Статус: норма.

Тринадцатый. (ПРН-Б + 1) Член группы. Статус: норма.

Семьсот четырнадцатый. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Текущее время: 21:43.

Баланс: 3006.

Рядовым членам группы система, без каких-либо пояснений, повысила ранг на единицу и выдала по тысяче солов. Каждому. Я получил три тысячи солов, плюс единицу к рангу и странную «Н» в скобках. Едва увидев – пожелал увидеть подробности и получил их.

Одиннадцатый. (ПРН-Б + 2Н) **Лидер группы**. Статус: норма.

Награды:

1. За проявленную отвагу.

(Материальное поощрение за награду: ежедневная выплата 4-х солов).

– Я повысил ранг – задумчиво сообщил я мулату – И мне дали награду.

– Какую? – лениво поинтересовался повар.

– За проявленную отвагу. И что это? Медаль? Орден? Знак почета?

– Поздравляю с Би плюс 2, гоблин. И с медалью, как мы ее называем. Выпьем.

– Выпьем – согласился я – Но почему только сейчас?

– По боевой стезе – только начиная с ранга ПРН-Б плюс 2 награды система выдает. И делает это очень редко. Радуйся

гоблин – тебе на самом деле не четыре сола подарили, а руки-ноги вернули в личную собственность.

– Верно – дошло наконец и до меня – Четыре сола пришло – четыре сола ушло. И так каждое утро.

– Ага.

– А если ранг понизят?

– В этом вся соль, гоблин. Награды твои навсегда. Их никто и никогда у тебя не заберет. Считай это своей заслуженной пенсией.

– Четыре сола в день? А жрать что?

– Четыре сола – уже неплохо – не согласился мулат – Но если тебе мало – соверши еще один подвиг. Получи еще награду.

– Это звучит лучше – кивнул я – Восемь дополнительных солов в день – уже что-то. Четыре за комплект конечностей и четыре – два раза в день пожрать и попить. Как-то перебиться можно.

– Ты еще кое-чего не увидел – к медали прилагается тысяча солов.

– Вот почему такая большая награда от системы! Я все голову ломал – за что столько? Моим тоже неплохо заплатили – причем без всяких фанфар. Короткая строчка прыгнула перед глазами о пополнении счета – и все. И у меня так же. А про награду…

– Проверь меню. В целом и раздел финансов заодно – посоветовал мулат и понес тарелку с рыбой начавшей напевать нимфе, проворчав что-то про то, что некоторые старухи не знают меры в выпивке.

Статус.

Физическое состояние.

Финансы.

Задания.

Группа.

Бестиарий.

Архив сообщений.

Финансы…

Баланс: 3006.

Задолженности: нет.

Автодоход: 4 сола ежесуточно.

Ладно…

Архив сообщений…

Оказание медицинской помощи – бесплатно. (Р).

Инъекции лекарств и обезболивающих – бесплатно. (Р).

Инъекция иммунодепрессантов – бесплатно. (Р).

Инъекция усиленной дозы витаминов – бесплатно. (Р).

Инъекция стимуляторов – бесплатно. (Р).

Стоимость суточной аренды комплекта конечностей – возвращена (+4). (Р).

Одиннадцатый. Повышение с ПРН-Б+1 на ПРН-Б+2.

Девяносто первая. Повышение с ПРН-Б на ПРН-Б+1…

Это пропустим. И ниже…

Награда за успешные боевые и разведывательные действия – 1000 солов.

Награда за ликвидацию лидера преступной организации «Зловонка» известного как Понт Сердцеед, Король Болотников, Повелитель Зловонки и Гномолиз – 1000 солов и поощрение знаком отличия.

Одиннадцатый. Поощрение знаком отличия «**За проявленную отвагу**».

Разовая наградная выплата – 1000 солов.

– Нашел?

– Нашел – машинально ответил я вернувшемуся мулату – Архив сообщений. И дополнения о автодоходе в финансовой вкладке.

– Потихоньку приобщаешься к элите, а?

– В сраку элиту – отозвался со смешком и сделал небольшой глоток самогона, ловя себя на мысли, что очень хочу бросить в бокал половинку серой таблетки.

А она у меня имелась – несколько таблеток лежали в бедренном кармане и ежесекундно искушали меня. Но притрагиваться к ним я не собирался – хотя отчетливо ощущал начинающуюся лихорадку. Если это начинающаяся ломка – то она слишком вялая. И за ее вялость я винил – и благодарил – систему, что наверняка поняла что-то по моим анализам и вколола пару грамм чего-нить крепкого.

– Ты можешь многое попросить – продолжил тему повар, вспарывая еще живой рыбе брюхо и резким движение вырывая требуху. Пара движений и мясистая голова отделилась от серебристого туловища, скользнув по мокрой доске.

– У Копулы?

– И она тебе не откажет.

– Я уже получил.

– Рыбу и бухло?

– А чем плоха награда для настоящего героя? – фыркнул я, крутя опустевший бокал в ладони.

– Подлить?

– Конечно.

Выполнив манипуляцию с бутылкой и оставив на стекле медленно заскользившие вниз чешуйки, что странным образом приковали к себе мой взгляд, мулат продолжил мягкую

обработку:

– И все же… Ведь сегодня ты доказал…

– Что доказал?

– Многое. Да и до этого. Сделанное вами всего за несколько дней… другие и за всю жизнь такого не осилят. Хотя мечтали бы. Сейчас в Дренажтауне каждый знает твое имя. Гоблин Оди. Самый массовый мокрушник современности.

– Серьезно? – оторвав взгляд от бутылки, я удивленно уставился на собеседника.

– Ага. Серьезно. Ты вообще в курсе скольких вы сегодня убили? А до этого?

– Кто считает? – дернул я плечом.

– Да похоже все только этим и заняты – подсчетом оставленных вами трупов. И счет идет на десятки. Полсотни наберется уже? Нет еще?

– Не считал – повторил я.

– И это ведь только известные широкой общественности. Наверняка ведь есть и припрятанные дохляки, верно? Или переписанные на чужие шеи.

– Да какая разница?

– Разница большая. Убил троих ублюдков – тебя считают крутым. Убил десяток – почти герой. Завалил еще пятерых – вот ты и герой. Но завали пятьдесят рыл – и тебя сочтут долбанутым кровавым маньяком, что дня без резни прожить не сможет. До сих пор у входа в город, за спинами патруля стоят зеваки. Знаешь на что пялятся? На ровненькие ряды испачканных в дерьме трупов. Тех, что выловили из желоба. А ведь еще не всех жмуриков из Зловонки вытащили. Не всех нашли. Там ведь реки дерьма. Отыщут ли вообще всех?

– Не отыщут – уверенно ответил я, вспомнив, как студенистый банан на ножках целиком заглотнул труп и утопал в темный затопленный коридор – Ты вообще к чему это?

– Вас уже боятся. Скоро начнут избегать.

– И что?

– Станет одиноко – знай, что в доме Копулы тебе всегда рады, гоблин. Всегда посидим, поболтаем, поможем чем сможем.

– Спасибо – улыбнулся я – Учту.

Почти незамаскированное приглашение влиться в бравые ряды нимфы Копулы было озвучено официально.

– Пшла! – взмахом руки подошедшая нимфа прогнала вошедшую в двери очередную гейшу и та с великой радостью убралась обратно в коридор.

Двери мягко прикрылись, а нимфа, зацепив нас мощным запахом терпкого парфюма и самогона, уселась на высокий

табурет, навалилась грудью на стойку и, уронив голову туда же, сонно пробормотала:

– Так чем тебя благодарить, гоблин?

– А ты уже – сказал я чистую правду, отодвигая опустевшие тарелки и бокал.

– И что же я тебе такое дала? Поделишься секретом?

– Легко. Я сижу у тебя в гостях, ем твою еду. Второй раз. Все об этом знают. А слухи расползаются быстро. Вот и весь секрет.

– Ешь мою еду, пьешь мой самогон, мы друзья – подхватила Копула – И что?

– И все. Гоблин Оди дружит с нимфой Копулой.

– Опять же – и что?

– А дальше уже мое дело.

– Давно меня так никто не бесил – призналась Копула, снова роняя голову – Плесните мне.

Вместо самогона перед ней поставили тарелку с рыбой, а в качестве приправы добавили назидательных слов:

– Меру знать надо.

– Пошел ты…

– Так она выражает свое счастье – пояснил для меня Элл.

– Сегодня я видела эту накачанную волевую дуру. Двести девяносто девятую. Приходила в город за покупками. Я как узнала – сделала так, чтобы ей и паре ее подруг дали приглашение в центр – не поворачивая к нам лица, пробурчала Копула – Поглядела я на нее… Бицепсы на зависть мужикам, жопа квадратная, ляжки квадратные. Характер… завистливая сука с безумными амбициями. Пытается найти себе мужика с железными яйцами, выбрала в борделе самого брутального самца… и не понимает, что ей надо искать себе сучку послаще и помягче, а не гориллу небритую. Но ты прав, гоблин – в ней что-то есть. Люблю таких. Приказала выбранному ей мальчику хорошенько постараться – чтобы пришла еще разок. А что ты знаешь про лидера ее бригады?

– Который белокурый психопат с леденящими глазами? – уточнил я – Он лидер?

– Он самый. Знаком?

– Виделись пару раз.

– И? Есть что сказать?

– Не знаю откуда у тебя к нему интерес – медленно произнес я – Не знаю что тебе про него система на ушко нашептала. Но… хочешь совет, нимфа? Честный совет за который ты у меня купишь задорого пару знаменитых артефактов из Зловонки…

– Ты про что?

– Там у входа дубина серебряная лежит. И мачете. С тела

Понта их снял.

– И за сколько?

– Дешево отдам – махнул я рукой – По тысяче за штуку. Лень мне самому бегать и продавать. А так в любом заведении с руками оторвут.

– Ты продал в Веселый Плукс тесак Тролса.

– Верно.

– Черт с тобой. Две тысячи солов. В обмен на пару ржавых железяк и твой совет. Выкладывай.

Наклонившись для большей весомости, глядя в глаза старому мулату, я максимально внятно произнес:

– Не связывайтесь с ним.

Спустя пару секунд мулат недоуменно моргнул, Копула тоже ожила, но я уже продолжил, не дав им и слова сказать:

– Это весь совет. А вот мое личное мнение – я не знаю почему этот ублюдок сидит на Окраине, но в одном уверен на сто процентов – захоти он, давно бы уже сидел на твоем месте командуя Дренажтауном. А может верховодил бы пауками. Или гонял гномов бесноватых повелительным рыком. Не трогайте его. Пусть и дальше сидит в своей стальной норке. Я не шучу, Копула. Если система намекает тебе порыскать вокруг да около Соплей – изворачивайся как хочешь, но не лезь туда. Не засылай разведчиков, не собирай про него слухи, не расспрашивай никого – даже самого последнего гоблина или зомби. Просто не трогай его.

– Не ожидала – после короткой паузы призналась нимфа, стряхнув с себя разморенное состояние и медленно выпрямившись – Все так серьезно?

– Ага.

Мне плеснули еще нектара и, не сумев найти причины не выпить, я принял бокал.

– А ты к нему как относишься?

– Удавил бы угребыша неспешно – легко ответил я и сделал большой глоток.

– И чего ж не сделал этого раз виделись?

– А потому что не потяну – столь легко сделал я еще одно признание – Будь у меня полностью заряженный игстрел с запасом картриджей, будь я в лучшей из доступных в городе экипировке, находись от него на идеальной для выстрела дистанции и лежи он связанный спиной ко мне и с выколотыми глазами – я бы не пошел против него. Не сейчас во всяком случае. С дальнобойной винтовкой… может быть. И то не факт – у меня будет шанс только на один выстрел. И промахнись я – он ненадолго исчезнет, но быстро окажется в паре шагов, после чего

сделает из меня плотно скатанный мясной шарик с зажатой в зубах собственной мошонкой. И это не метафора – именно так он со мной и поступит. Потому что он считает таких как мы податливым пластилином для лепки.

– Охренел?! – выпучилась Копула, разом потеряв все царственно сонные манеры – Ты кого сейчас описал?

– Понятия не имею. Я говорю то, что чувствую. Ты запомни первую и главную часть моего совета – что бы тебе не сулили в награду – не связывайся с ним! Лан тебе не по зубам. По какой бы причине он не сидел на нищей Окраине – этому есть веская причина.

– И при этом советуешь присмотреться к двести девяносто девятой? Она работает на него.

– Ему насрать на нее и на всех остальных из бригады, Копула. Можешь хоть десяток переманить – он и не почешется. И это еще одна причина для тебя чтобы не слишком сближаться со мной – меня он ненавидит.

– И ему успел на хвост наступить?

– Причем, как мне кажется, очень и очень давно – усмехнулся я.

Допив, отставил бокал, кивком поблагодарил и пошел к выходу.

– Может тебе девочек послать? Послушных и ласковых…

– Не. Хотя… эльфийки есть?

– Конечно.

– Прямо настоящие? – невольно задержался я.

– А чем настоящая эльфийка отличается от красивой гоблиншы в зеленой тунике на голое тело? – с искренним недоумением спросила нимфа и, не сумев ей ответить, я вышел в коридор, не обратив внимания на авторитетное заключение – Под одеждой у всех все одинаково, гоблин!

– А может не одинаково – проворчал я, входя в выделенную мне комнату и закрывая за собой дверь – Чего сразу мечты заветные ломаете? Может там все как-то по-другому! Как-то волшебно!

– Что и где волшебно, гоблин? – прошептал откуда-то сверху и сзади знакомый голос, после чего мне к горлу прижали леденяще холодный металл – М?

Голос грубоват и хрипловат, но определенно женский.

– Привет, уродина – не двигаясь, сказал я – Хочешь секса – попросила бы. Только харю отвратную не открывай – а то я не смогу. Я парень нежный.

– По-прежнему хамишь, хрен окраинный.

– Так мне штаны снимать? Чур ты сверху – сегодня что-то

умотался.

– Вот про это мне и расскажи. Что видел в Зловонке? – нож чуть отодвинулся от моего горла.

– Эльфийские цветы больше не интересуют, зеленоглазая?

– Зловонка… что там видел?

– В Зловонке? – переспросил я, чуть сгибая колени – Да много чего… ХА!

С этим бодрым криком я и был отправлен в полет одним легким движением, так и не сумев перехватить вооруженную руку. Перелетев широкую кровать, боком приземлился на удивительно крепкий столик, сбил на пол светильник и, грохнувшись на пол, успел поймать слетевшую бутылку самогона и только затем простонал:

– Дерьмо…

– Ты стал чуть быстрее – сообщила мне зеленоглазая, усаживаясь на кровать – Чего ты ломаешься, гоблин? Расскажи что видел – и я уйду.

– Задолбаюсь перечислять – буркнул я, откупоривая бутылку – Будешь?

– Хлебать эту кислоту?

– Ага.

– А давай. Если кинешь в меня бутылкой – по яйцам полосну.

– Да я за стаканом тянулся – обиделся я, демонстративно опуская бутылку.

Как она почувствовала мои намерения? Или просто опыт?

Наполнив поднятые с пола бокалы, оставил один на столике вместе с бутылкой и, отхлебнув из своего, занялся массажем ушибленного бока. Обманчиво неспешно – провоцирует падла – забрав свою выпивку, она осторожно пригубила и поощряюще взмахнула бокалом:

– Давай. Рассказывай.

– Что толку пересказывать? – не согласился я – Спрашивай. Что интересует?

– Виделихткайт. Видел?

– А? – абсолютно искренне выдал я – Че ты ща вякнула?

– Не зли меня…

– Да я на полном серьезе. Что за хрень ты сказала? Я даже не уверен, что правильно расслышал.

– Виделихткайт – повторила незнакомца и опять я не был уверен, что сумел расслышать верно.

Щелкнув пальцами, я предположил:

– С пола слышно хреново. Давай я залезу на постель и ты все повторишь…

– Забирайся, герой – легко согласилась она, давая понять, что

не считает меня достойным опасения противником.

Даже как-то обидно…

– Повтори – я осторожно вытянулся на спине, приподняв голову, подсунул под нее подушку, хлебнул из бокала.

– Виделихткайт…

– Это что?

– Кто. Существо. Разумное, Отвратное.

– Выглядит как огромная сосиска из прозрачного студня?

– Да! – зеленоглазая ощутимо напряглась, нависла надо мной тенью – Видели?!

– Видели – признал я – Выползло из бокового коридора, целиком заглотнуло свежий труп, выдавило из себя струю дерьма и снова ушло в боковой коридор.

– Почему не убили ее?

– А зачем? Он нас не трогал.

– Я шучу, гоблин ты тупой. Виделихткайт… его вашим туфтовым оружием не убить. Он что-нибудь говорил?

– Я вот делюсь с тобой инфой. А мне перепадет что-нибудь? Расскажешь пару интересностей? Ответишь на несколько вопросов?

– Позже… – после еще одной короткой паузы согласилась зеленоглазая – Плесни мне еще.

– С радостью. И нет – бутылкой не ударю.

– Так оно что-то говорило?

– Говорило. Хотя это скорее мужик, а не средний род. Он сказал, что его зовут Микки, просил не трогать его и уверил, что не убивал никого. Мы не спорили – того мужика мы убили.

– Оно… он к кому-нибудь притрагивался?

– Нет. Мы не приближались.

– Как далеко от него были?

– Метров десять. Может чуть больше. Он заглотнул, отрыгнул через сраку, убрал светящиеся щупальца и дал деру.

– Горловые зервы светились?

– Если ты про пучок белесых щупалец – да, светились.

Одним глотком осушив бокал, она уронила его мне на грудь и рухнула рядом, выдохнув в потолок:

– Дерьмо! Наливай!

– Да легко.

– Как думаешь – виделихткайт еще там?

– Наверняка. Тот коридор, где он скрылся – тупиковый, если верить рассказам болотников. Туда в ближайшее время не сунутся, других дел хватает в центральной части Зловонки. Микки целого жмурика глотанул – на ближайшее время сыт.

– Этого ему хватит на неделю.

– Значит, точно еще там сидит и переваривает – заключил я, плеская самогон в оба бокала.

– Он уже говорит, светится и у него полное брюхо калорийной жратвы. Дерьмо!

– Ответишь на пару вопросов?

– Позже.

– Еще налить?

– Позже…

Отшвырнув бокал, она крутнулась и вмиг оказалась на мне. Вытянувшись, скользнула коготками по моей щеке и вкрадчиво спросила:

– Утешишь обреченную на смерть красотку, гоблин?

– А кто сказал, что ты кр…

Мягкие и горькие от алкоголя губы прильнули к моим, и я перестал задавать дурацкие вопросы, предпочтя заняться куда более интересным делом…

* * *

– Гоблин! Лопнуть и сдохнуть! Оди! Ты сдох там что ли?! – голос разъяренной Йорки доносился из-за двери.

С оханьем рухнув с кровати, я прохрипел:

– Что там?

– Долго еще дрыхнуть собираешься?!

– Не ори ты так! Идите пока шизы хлебните… я скоро…

– Скоро он – проворчала Йорка и явно хотела что-то еще добавить, но ее остановил голос Баска:

– Принято, командир. Ждем тебя в той кафешке, где завтракали в прошлый раз.

– Хорошо… – постарался я вложить в голос побольше бодрости и, приподнявшись, взглянул на смятую кровать.

Никого…

Обманула меня зеленоглазая, обманула…

Поведя мутными глазами, наткнулся взглядом на стену напротив, удивленно моргнул, прочел и широко улыбнулся. На стене размашистым алым было написано: «Еще увидимся, гоблин! Смотри в небо, придурок!».

Я так люблю теплые любовные послания поутру…

Встав, с кряхтеньем направился в душ, разминая на ходу онемевшие мышцы.

Текущее время: 09:27.

Наступил новый прекрасный день в стальном раю.

Прогноз погоды – пасмурно. Льет и льет небесная моча…

Конец третьей книги